

Питер Хизер

ИСТОРИЯ

The Fall of the Roman Empire

ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

И С Т О Р И Я В О Д Н О М Т О М Е

Питер Хизер

Падение Римской империи

«Издательство АСТ»

2006

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

Хизер П.

Падение Римской империи / П. Хизер — «Издательство АСТ»,
2006

ISBN 978-5-17-113130-2

Падение Римской империи явилось одним из самых радикальных переворотов в истории человечества, событием, которое глубоко изменило мир. Причины случившегося искали в развращенности и пресыщенности позднеримской цивилизации или, напротив, в чуждом исконно римскому мироощущению христианстве, постепенно подорвавшем некогда самое могущественное государство Западного мира. Однако Питер Хизер, опираясь на колоссальный объем научных фактов из истории варварских народов, позднеантичные источники и новейшие археологические данные, предлагает читателю собственную, весьма оригинальную гипотезу причин падения Римской империи.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-17-113130-2

© Хизер П., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Благодарности	6
Введение	7
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	40
Глава третья	77
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Питер Хизер

Падение Римской империи

© Peter Heather, 2006

© Перевод. А. Короленков, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Благодарности

Несмотря на то что контракт на данную работу я подписал всего около четырех лет назад, однако в некотором – и весьма важном для меня – смысле я писал эту книгу в течение почти двадцатипятилетнего срока, т. е. все те годы, что я занимался проблемами истории Рима и варваров. В связи с этим есть множество людей, которым мне хочется выразить свою признательность, начиная от руководителей моей докторской диссертации Джеймса Говард-Джонсона и Джона Мэтьюза и кончая студентами (спасибо им за долготерпение!), которые с радостью встречали как разнообразнейшие доказательства, на которых построена эта книга (хотя вариантов было множество), так и мою любовь к самым ужасным каламбурам. И хотя мне хотелось бы заявить авторские права на некоторые ключевые наблюдения и взаимосвязи, объединяющие материал в книге в одно целое, текст также отражает мое понимание общей традиции, в рамках которой я работаю, а иногда и частных вопросов. Я очень многим обязан учености и интеллекту других и хочу заявить об этом здесь, так как из-за ограничений, вызванных тем, что книга писалась для широкой аудитории, в примечаниях мне не всегда удавалось в полной мере выразить это. Я вполне осознаю, что в долгу перед ними, и в особенности хотел бы поблагодарить коллег и друзей, общество которых оказало на меня столь стимулирующее воздействие в первой половине 1990-х гг., когда мне посчастливилось обогатить свои знания в результате участия в проекте Европейского научного фонда «Трансформация римского мира». Также мне бы хотелось поблагодарить Джейсона Купера, моего редактора в издательстве «Макмиллан», поддерживавшего меня своими мудрыми советами, Сью Филпотт, редактора текста, проделавшую огромную работу, и всех моих друзей, которым довелось стать моими советчиками, слушателями и читателями предлагаемой книги в целом или отдельных ее частей. Не в последнюю очередь я обязан своей семье, причем столь многим, что это не поддается исчислению: когда я в отчаянии, близкие подбадривают меня, чтобы я продолжал работу. То же относится к моей собаке и кошкам: необходимость оплачивать счета за их корм удерживает меня за письменным столом, не то я давно бы сбежал оттуда.

Введение

Римская империя была самым крупным государством, которое когда-либо существовало в Западной Евразии. В течение четырехсот лет простиралась она от Адрианова вала до реки Евфрат, влияя на жизнь всех, кто обитал в ее пределах, и господствовала над ландшафтом и народами на сотни километров вокруг. Взаимосвязанные системы укреплений, сеть стратегических дорог и профессиональная, прекрасно обученная армия символизировали и обеспечивали это господство, и римские войска не остановились бы перед уничтожением любого, кто пересек бы границу империи. В основе первых сцен фильма «Гладиатор» – победы Марка Аврелия над маркоманнами, германским племенем на юге Центральной Европы, в третьей четверти II в. н. э. Два столетия спустя римляне были еще столь же сильны. В 357 г. 12 тысяч римских воинов императора Юлиана разгромили тридцатитысячную армию алеманнов в сражении под Страсбургом¹.

Однако в течение одного поколения римский порядок пошатнулся до самого основания, а римские армии, как заметил современник, «исчезли, словно тени». В 376 г. орда беженцев-готов прибыла на дунайскую границу империи, попросив убежища. Хотя они не были покорены, им, вопреки всем принципам римской политики, разрешили это. Через два года они разгромили и убили императора Валента – того самого, который принял их, – вместе с двумя третями его армии в битве при Адрианополе. 4 сентября 476 г., ровно через сто лет после перехода готов через Дунай, последний римский император Ромул Августул был низложен, и именно потомки беглецов-готов стали военной основой одного из главных преемников Римской империи – Вестготского королевства. Это королевство на юго-западе Франции и в Испании было одним из нескольких, основанных на военной силе чужеземных переселенцев, которые возникли на развалинах Римской империи. Падение Рима и вместе с ним западной половины империи стало одной из революций в европейской истории, имевших созидательное значение, и традиционно рассматривается как символ конца античного мира и начала истории Средних веков. Подобно Ренессансу, Реформации и промышленному перевороту, оно навсегда изменило мир.

Начиная с многотомной эпопеи Гиббона, опубликованной в 1776–1788 гг., продолжают выходить сотни трудов, посвященных этому вопросу или его отдельным аспектам, и тем не менее непохоже, чтобы тема была исчерпана. В 1990-х гг. Европейский научный фонд выделил средства для пятилетнего исследовательского проекта «Трансформация римского мира», и выпущенные в его рамках тома продолжают выходить в свет. Как всегда в таких случаях, историки не пришли к согласию по вопросу о том, должны это быть труды общего характера или – чего следовало бы ожидать скорее – посвященные конкретным темам. В центре дискуссии стоит вопрос о том, что же стало причиной падения Рима. Учитывая военную мощь новых королевств, очевидно, что вооруженные иноземцы – варвары – имели к этому определенное отношение. Однако историки как до, так и после Гиббона чувствовали, что такая мощная держава, как Рим, не могла оказаться в столь плачевном состоянии из-за людей невежественных, чей уровень развития в политическом, социальном, экономическом, культурном смысле даже в малой степени не мог сравниться с уровнем римского мира, которого тот достиг в некоторых отношениях на удивительно ранних стадиях развития. У римлян существовали центральное отопление, различные формы банковского дела, основывавшиеся на капиталистических принципах, оружейные заводы, даже политехнологии, тогда как варвары были простыми зем-

¹ В отечественной научной литературе это сражение обычно называют по античному топониму – битвой при Аргенторате. – *Примеч. пер.*

ледельцами, которых восхищала даже застежка с украшениями². Таким образом, варвары, оказавшись лицом к лицу с империей, вряд ли могли стать подлинной причиной ее падения. Скорее всего они просто извлекли выгоду из множества трудностей, одолевавших римский мир.

Но воспользовались ли они ими? Задача этой книги – заново обратиться к одной из величайших загадок мировой истории, каковой является странная кончина римской Европы.

Оправданием моего замысла являются причины как общего, так и частного порядка. В целом период от 300 до 600 г. н. э., когда пала Западная Римская империя и возникли ее преемники – раннесредневековые королевства, стал темой нескольких новаторских исследований за истекшие сорок лет. Традиционно это время воспринималось как «черная дыра», была как бы ничейная территория, в промежутке между древностью и Средневековьем, и потому не изучавшаяся ни с точки зрения одного периода, ни другого. Начиная с 1960-х гг. было немало сделано для гораздо лучшего понимания многих аспектов этого времени, получившего название поздней античности. Многие из этих открытий ныне уже общеизвестны среди специалистов, но необходимо теперь сделать их достоянием широкой публики, чьи представления (судя по крайней мере по предрассудкам, во власти которых пребывает кое-кто из моих студентов, рассуждая об этой теме) по-прежнему обуславливаются старыми традициями, восходящими к Гиббону. В последние сорок лет преподаватели и студенты впервые перестали смотреть на позднюю Римскую империю как на государство, доведенное до крайнего социального, экономического и морального упадка, а на мир за ее пределами – как на нечто примитивное, статичное и варварское. Два поколения ученых со времен Второй мировой войны революционизировали наши представления о Римской империи и об окружавшем ее мире, который римляне называли *barbaricum*, «земля варваров». Эта книга имеет своей задачей серьезно поддержать новые взгляды.

Если же говорить более конкретно, то это восторженное «открытие» поздней античности произошло в интеллектуальной ситуации, когда ученые, изучающие различные периоды, поняли, что надо гораздо больше внимания уделять истории, чем экономике, высокой политике, войнам и дипломатии, которые традиционно находятся в центре внимания. Поздняя античность – это богатейшие письменные и археологические источники, ее развитие во многом определяла характерная для высокообразованной элиты утонченная литература, поэтому она оказалась благодатным полем для исследований в сфере различных дисциплин: гендерной истории и истории культуры, истории народных верований, например. Она также дает богатые возможности для исследований в соответствии с нынешними тенденциями в историографии, когда бросается вызов неявно выраженным предрассудкам, составляющим сущность «большого нарратива» традиционной истории. Образ «цивилизованных», но постоянно терпящих поражение в войне с чужеземцами-«варварами» римлян – первый пример такого нарратива в действии. В последнее время ученые предприняли вполне разумные попытки вырваться из тисков этой традиции, указав на многочисленные примеры сотрудничества римлян и варваров и их мирного взаимодействия, которые содержат наши источники. Акцент на чтении оригинальных текстов с установкой на понимание идеологического видения мира, которое лежит в их основе, также оказал серьезное влияние. Такой способ интерпретации требует от историка взгляда на античных авторов не как на тех, кто сообщает факты, но скорее как на продавцов подержанных автомобилей, при общении с которыми требуется большая осторожность.

Интеллектуальное воздействие этих тенденций на исследование поздней античности было ошеломляющим, однако оно было направлено на сужение тематики, побуждая ученых заниматься не синтезом, а детальным изучением частных аспектов. Таким образом, они стремились уйти от попыток связного изложения того, что произошло на самом деле, и сосредото-

² В научной литературе они известны как фибулы (*fibulae*).

точиться на том, как в умах людей и в источниках воспринималось и отображалось происходившее. В последнее десятилетие или около того появились монографии на многие важные темы и об отдельных авторах, но не предпринималось попытки написать общий обзор кризиса Рима³. Я не сомневаюсь, что такое более глубокое исследование составляющих вопроса было и остается совершенно необходимым⁴. Но детальная реинтерпретация отдельных аспектов, связанных с этим периодом, может позволить лучше понять целое, и, как мне кажется, настало время начать сводить хорошо проработанные фрагменты воедино и добиться того, чтобы они поведали нам о падении Рима⁵. Читатели сами рассудят, насколько правилен такой подход.

Я также хочу показать, что при принятом ныне особом внимании к вопросам идеологии и восприятия (во многом благодаря недавним тенденциям в литературной критике) жизненно важно не терять из виду общую картину. Некоторые ученые, учитывая характер наших источников, даже начали сомневаться в возможности постичь «подлинные события», пройдя сквозь оболочку изображения реальности в источниках. Иногда это действительно невозможно. Я намерен, однако, показать, что методы мыслительного процесса, подходящие для литературной критики, не всегда годятся для исторических исследований. Средства литературного анализа очень ценны применительно к отдельному источнику, однако мне представляется, что аналогия с правом куда более уместна при описании исторического процесса в целом, все наши источники суть свидетели. Многие пытаются обосновать, каждый по собственным причинам, свой взгляд на события. Однако все же они не изображают – по крайней мере не всегда – конструируют, созданные воображением их авторов, наподобие того, как это происходит в литературных текстах. История, подобно судебной системе, до известной степени имеет дело с похищенной собственностью и настоящими трупами, даже если понимание этого вытекает из источников, созданных на основе идеологического подхода. В Римской державе, как будет показано, сосуществовало множество идеологий и сформировался чрезвычайно своеобразный взгляд на мир. Но империя также использовала бюрократию, принимала законы, собирала налоги, готовила армию. И в течение V в. западная половина Римской империи вместе со всеми структурами и порядками, которые она сохраняла в течение веков, прекратила свое существование, оставив после себя, образно говоря, мертвое тело, которому и посвящена эта книга.

Затем последует попытка понять с помощью нарративной реконструкции эту гигантскую революцию в европейской истории таким образом, чтобы дать справедливую оценку множеству сложных исследований, которые появились в последние годы. Мое внимание будет обращено как на поздний Рим, так и на варварский мир. В своей преподавательской деятельности и научных публикациях я рассматриваю равным образом положение дел по обе стороны границы. И хотя я использую работы о других народах, те выводы по частным вопросам, которые

³ Тома, выпускаемые в рамках проекта Европейского научного сообщества, отражают общее положение с исследованиями в данной области: они содержат множество работ, стимулирующих изучение проблемы, но не общий очерк (хотя, конечно, эта задача перед их авторами не ставилась). Заявление автора об отсутствии в последние десятилетия попыток написать общий обзор кризиса Римской империи – обычный пример имитации актуальности. Мы не найдем в списке упомянутой П. Хизером литературы обобщающих работ последних десятилетий, в которых как раз рассматривается означенная тема: Cameron A. *The Later Roman Empire A.D. 284–430*. Cambridge, 1993; Demandt A. *Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr.* München, 1989. – *Примеч. пер.*

⁴ Справедливость этого подтверждается примером глав, посвященных IV и V вв., в последнем томе первого издания «Кембриджской древней истории» и первом томе первого издания «Кембриджской истории Средневековья» (оба вышли в свет в 1910-х гг. В действительности последний, XII, том «Кембриджской древней истории» был издан в 1939 г. В них содержатся те же самые утверждения в ортодоксальном духе о неизбежном упадке Римской империи и неотвратимости ее гибели. Эти схемы оставались неизменными по своей сути до 1960-х гг. – *Примеч. пер.*

⁵ Утверждая так, я ни в коей мере не хочу выразить критического отношения к проектам наподобие «Трансформации римского мира». Их цель состояла в расширении знаний и представлений участников проекта, проведя перекрестный анализ их трудов и трудов других исследователей. Это нашло отражение в томах, изданных в рамках проекта, и я с благодарностью свидетельствую о том, что узнал много нового за пять счастливых лет участия в нем.

имеются в данной книге, принадлежат мне, равно как и некоторые ключевые идеи и наблюдения, на которых она базируется.

Помимо реконструкции истории падения Рима, насколько я могу ее осуществить, и изложения представляющихся мне убедительными интерпретаций по частным вопросам, у меня есть еще одна цель, которую ставлю перед собою в этой книге. Постижение прошлого – это всегда детективная история. Чтобы лучше понять то, что же в действительности происходило, мы приглашаем читателя стать как бы членом жюри присяжных – продолжая аналогию с судом, чтобы принять участие в оценке и синтезе разного рода свидетельств, которые будут здесь представлены. Структура книги способствует такому подходу. Это не просто повествование об упадке Западной империи в V в., но также аналитическое исследование. Поэтому в первой части дается картина того, в каком состоянии находились империя и ее европейские соседи в конце IV в. Без этого подлинное понимание последовавшего крушения оказалось бы невозможным. Анализ также является неотъемлемой стороной второй и третьей частей, носящих более повествовательный характер. На протяжении всей книги я старался сделать так, чтобы читатель полностью отдался занятию детектива, а не просто слушал ответы оракула. Равным образом там, где концы спрятаны, а тропинка теряется, как это случается, я не пытаюсь изобразить, что дело обстоит иначе. Одной из главных причин, по которой я выбрал темой этой книги середину I тысячелетия, если не считать того очарования от древних руин, живущего во мне с тех пор, когда я в детстве со своей матерью разглядывал римские виллы, бани и укрепления, является тот интеллектуальный вызов, который бросает нам эта эпоха. Я люблю загадки, тем более что потеряно так много сведений и столько зашифровано в силу специфики римских литературных жанров (в этом одна из причин того, что здесь так полезна постмодернистская литературная критика), что на поверхности остается очень мало. Одних это просто раздражает и отвлекает от того, что при ином отношении они могли бы счесть весьма интересным периодом. Других (и меня в том числе) это захватывает, и по их бессознательной реакции на скудость источников я всегда могу сказать, кто из моих студентов займется или нет первым тысячелетием.

Излагая историю, а это в самом деле история, я хотел бы дать читателю представление о процессах, затрагивавших людей того времени, и, следовательно, вскрыть основные пласты доступных свидетельств. Имея это в виду, я говорю об истории настолько, насколько это возможно, прямо и косвенно, словами очевидцев, людей, подхваченных вихрем событий, который навсегда изменил Европу. И их много больше, и самого разного рода, чем можно было бы ожидать. Правильно прочитанные, эти тексты делают эпоху падения Западной Римской империи одним из наиболее ярко освещенных периодов античной истории.

Часть первая Pax Romana⁶

Глава первая Римляне

Ранняя зима 54 г. до н. э.: обычный влажный, пасмурный ноябрьский день в восточной Бельгии. В римском военном лагере, расположенном на месте современного Тонгерена, близ того места, где теперь сходятся границы Бельгии, Голландии и Германии, в самом разгаре военный совет. Полный легион – десять когорт численностью в пятьсот пеших воинов – и пять дополнительных когорт расположились на зимних квартирах здесь, к западу от Рейна, на территории небольшого германоязычного племени эбуронов. По окончании каждой военной кампании Юлий Цезарь прибегал к стандартной практике размещения своих легионов в различных местах в укрепленных лагерях. Легионеры строили их сами по стандартному образцу: ров, вал, укрепления, снаружи – четыре башни, внутри – казармы. Протяженность стен определялась старинной формулой: умноженный на двести квадратный корень числа когорт, которые должен вместить лагерь. Покоренные племена, жившие в непосредственной близости, обязаны были снабжать войска в течение зимы, пока не выростала трава для выючных животных, после чего можно было начинать новую кампанию.

Поначалу все шло хорошо. Римлян привели к месту, где предстояло возвести укрепления, два царя эбуронов, Амбиориг и более старый Катуволк. Лагерь построили в срок, и эбуроны начали поставлять припасы. Однако спустя три недели положение стало меняться к худшему. Повсюду раздавались призывы к восстанию, и группа эбуронов, воодушевляемых Индутиомаром, вождем куда более многочисленного племени треверов (они жили по соседству в долине Мозеля), устроила засаду небольшому отряду римских фуражиров и уничтожила его. Затем они атаковали римские укрепления, но вскоре отступили под градом метательных снарядов. Боевой дух воинов в римском лагере неожиданно начал падать, и положение в нем быстро ухудшалось. Амбиориг и Катуволк начали переговоры и заявили, что за нападение ответственна кучка сорвиголов, тогда как сам Амбиориг изображал себя преданным Риму союзником. Он говорил, что вот-вот начнется большое восстание и что крупный отряд германских наемников собирается вступить в Галлию с восточного берега Рейна. Ему не пристало говорить, что делать римским военачальникам, но, указал Амбиориг, если они хотят сосредоточить свои силы для отражения атак, он гарантирует им свободный проход к одному из двух других легионных лагерей, находящихся в 80 километрах отсюда, один – к юго-востоку, другой – к юго-западу.

Дело пошло так удачно, как если бы сценарий происходящего составлял сам Амбиориг. Римскими силами командовали два легата, Квинт Титурий Сабин и Луций Аврелий Котта. Военный совет, проведенный ими, был долгим и жарким. Котта и некоторые из старших командиров считали, что нужно оставаться на месте. Продовольствие у них есть, лагерь хорошо укреплен, Цезарь пришлет подкрепления, как только услышит о восстании галлов, а известно, с какой скоростью распространяются по Галлии слухи. Сабин, напротив, доказывал, что галлы не посмели бы восстать, если бы Цезарь не находился уже в Италии.

⁶ Буквально – «римский мир» (*лат.*), т. е. территория, на которой в том или ином виде была распространена римская культура. – *Примеч. пер.*

Лишь боги ведают, когда к нему придут вести о восстании, и легионы, рассеянные на удаленных друг от друга зимних квартирах, окажутся перед угрозой уничтожения по частям. Таким образом, Сабин считал, что предложение о свободном проходе через земли эбуронов надо принять. Посему не следует терять времени. Для него также имело большое значение то обстоятельство, что в лагере находился наименее опытный из Цезаревых легионов, набранный лишь предшествующей весной и использовавшийся в сражениях последней кампании только для охраны обоза. Совет продолжался, стали накаляться страсти, заговорили на повышенных тонах, Сабин нарочно говорил громко, чтобы солдаты услышали, что план, обеспечивающий наибольшую безопасность, отвергнут. Уже за полночь Котта наконец уступил. Самое важное для сохранения морального духа – единство среди командиров. Легионеры поспешно готовятся к выступлению и на рассвете уходят из лагеря. Думая, что Амбиориг говорил с ними как друг, римляне на марше двигались не в боевом порядке, а вытянутой колонной, обремененной огромным обозом.

Когда воины удалились на две мили от лагеря, дорога пошла через густой лес и начала спускаться в глубокую долину. Прежде чем передние ряды перебрались на другую сторону, тогда как основная часть колонны растянулась в самой низине, ловушка захлопнулась. Эбуроны появились с обеих сторон дороги и стали осыпать римлян стрелами. Завязалось сражение. Победа эбуронов была полной. К рассвету следующего дня лишь немногие из римлян, притворившиеся мертвыми в суматохе боя, остались в живых. Подавляющее большинство из 7 с половиной тысяч человек, которые построили лагерь ровно неделю назад, погибло. Ужасный исход, поразительный по своей неожиданности. Судьба, которую трудно представить в отношении кого-либо из воинов армии Юлия Цезаря, известного своим хвастливым изречением – «*Veni, vidi, vici*» («Пришел, увидел, победил»).

Повнимательнее присмотримся к происшедшему. Хотя этот римский отряд подвергся разгрому, детали сражения ясно показывают поразительные боевые качества легионеров, на которых и держалась Римская империя. Сабин потерял голову, когда противник напал из засады, чего вполне можно ожидать от командира, который привел войско в смертельную ловушку. Котта показал себя лучше. Чувствуя предательство, он предпринял заранее все меры, какие только мог. Когда полетели стрелы, он и его старшие центурионы быстро собрали колонну в каре, оставив обоз. Теперь можно было отдавать приказы, и когорты маневрировали как единое целое, хотя оказались в крайне невыгодной позиции. Амбиориг имел то преимущество, что в его руках находились высоты, которые его люди могли использовать к своей выгоде. Эбуроны избегали рукопашного боя в течение нескольких часов, просто посылая с высоты метательные снаряды – копья, стрелы, камни из пращей. Потери римлян быстро росли; всякий раз, когда когорта, выполняя приказ, двигалась вправо или влево, пытаясь войти в соприкосновение с противником, она попадала под сильный обстрел с высот. Оказавшись в ловушке, слабеющие римляне продержались в отчаянном положении восемь часов. Тогда Сабин попытался вступить с Амбиоригом в переговоры, но Котта проворчал, что римляне не обсуждают условия с вооруженным врагом. И тут же снаряд из пращи поразил его прямо в лицо. Сабин был убит во время переговоров, и это послужило для эбуронов сигналом для атаки с холмов и уничтожения врагов. Многие легионеры сражались и погибли вместе с Коттой в низине, но некоторые, сохраняя боевой порядок, пробились в лагерь, который находился в двух милях. Там уцелевшие сдерживали натиск эбуронов до наступления ночи, а затем все до единого предпочли покончить с собой, но не попасть в руки неприятеля. Если охрана обоза сражалась весь день без надежды на успех и предпочла массовое самоубийство сдаче, то врагам Рима предстояло столкнуться с серьезными неприятностями (Caes. *De bello Gallico*. VI. 1).

Расцвет императорского Рима

Источники могущества Римской империи – в силе его легионов, а основой удивительного боевого духа можно считать их подготовку. Как и во всех элитных соединениях – и древних, и современных, – дисциплина была беспощадной. Не испытывая почтения к правам личности, инструкторы могли избивать за неповиновение, при необходимости до смерти. И если вся когорта оказывала неповиновение, наказанием становилась децимация: каждого десятого запарывали насмерть на глазах у товарищей. Но моральный дух не может основываться только на страхе, и групповая сплоченность также имела своим истоком более позитивные методы. Новобранцы тренировались вместе, вместе сражались и играли группами по восемь человек – *contubernium* (в буквальном смысле – группа, занимавшая одну палатку). Их привлекали на военную службу молодыми – все армии предпочитают молодых людей, когда сила бьет через край. Также легионерам запрещались регулярные сексуальные контакты: мысли о женах и детях могли сделать их слишком осторожными в бою. Тренировки были изматывающими. Мы узнаем о тридцатишестикилометровых маршах, совершавшихся за пять часов, во время которых воины несли на себе по двадцать пять килограммов оружия и снаряжения. Им все время говорили, какие они особенные, какие у них особенные друзья, что они принадлежат к отборным частям. Совсем как морская пехота, только много противнее.

В результате всего этого новобранцы становились группой буйных молодых людей, подчас подвергавшихся насилию и потому становившихся склонными к нему; они были тесно связаны друг с другом в силу отрицания иных эмоциональных связей и были до чрезвычайности горды за то сообщество, к которому принадлежали. Это находило свое воплощение в сакральных клятвах во время присяги перед штандартами легионов, легендарными орлами.

По окончании курса обучения легионер клялся жизнью и честью следовать за орлами и не оставлять их даже в случае гибели. Это обуславливало решимость не допускать захвата штандартов врагом – один из знаменосцев Котты, Луций Петросидий, будучи смертельно раненым, швырнул своего орла через вал Тонгерена, лишь бы штандарт не достался врагу. Честь легиона, связь с другими его солдатами становилась важнейшим элементом в жизни воина, поддерживавшим боевой дух и готовность подчиняться порядку, которому мало кто из врагов мог противопоставить что-то подобное.

Римская система обучения предусматривала не только психологическую и физическую тренировку, но и овладение высочайшим уровнем мастерства. Римские легионеры были вооружены в соответствии с требованиями времени, но они не располагали какими-то секретными средствами. Значительная часть их оружия была позаимствована у соседей – например, их характерный массивный щит имел кельтское происхождение. Однако обучали легионеров так, что они умели использовать свое вооружение с наибольшей пользой. В особенности их учили не бояться диких размашистых ударов мечом. Они должны были защищаться от них щитом, а коротким мечом легионера наносить колющие удары в часть тела противника, открывавшуюся при взмахе. Легионеры имели также доспехи, и это наряду с активными тренировками давало им серьезное преимущество в рукопашном бою.

Неудивительно, что в течение всех войн Цезаря в Галлии его войска могли терпеть поражение лишь от значительно превосходивших сил неприятеля. Амбиоригу настоятельно советовали, чтобы он не позволял эбуронам сходить с холмов, пока число римлян не сократилось весьма значительно под не прекращавшимся восемь часов градом стрел. Легионы были обучены маневрировать как целое, выстроившись в боевой порядок по сигналу трубы и сохраняя связь друг с другом даже в хаосе битвы. В результате любой среднестатистический римский командир мог организовать мощную атаку, если представлялась возможность, и при необходимости отвести войска с сохранением боевого порядка. Дисциплинированные и сплоченные

войска имели огромное преимущество даже перед большим числом разъяренных врагов, если те действовали несогласованно. И только из-за того, что римляне оказались заблокированы в низине, Котта не смог действовать когортами с указанным выше эффектом. На более ровной местности, при других обстоятельствах всего 300 легионеров, будучи отрезаны врагом, смогли обороняться в течение нескольких часов против 6 тысяч неприятеля и потеряли всего несколько человек ранеными⁷.

Римские легионеры овладели и другим искусством. Умение строить, и строить быстро, традиционно являлось одной из целей обучения. Дороги, укрепленные лагеря и осадные сооружения были лишь малой частью того, что они возводили. Однажды Цезарь навел понтонный мост через Рейн всего за десять дней, и совсем незначительные силы римских войск держали под постоянным контролем обширные территории из своих укрепленных лагерей. Если бы совета Котты оставаться в лагере послушались, то этот ноябрьский день мог закончиться для римлян куда более удачно. За три года до этого другой римский отряд, состоявший всего из восьми когорт, был отправлен на зимние квартиры в альпийскую долину реки Роны выше Женевского озера, поскольку Цезарь хотел обеспечить контроль над перевалом Сен-Бернар. Столкнувшись с неприятелем, обладавшим значительным численным превосходством, воины воспользовались своими укрепленными сооружениями и тактическими приемами и нанесли атакующим такое поражение, что впоследствии смогли без проблем покинуть эти края.

Строительные навыки легионеров могли столь же эффективно использоваться при осадах во время завоеваний – наиболее известен пример покорения Алезии, крепости, где находилась ставка великого галльского вождя Верцингеторига. Здесь легионеры Цезаря вырыли три линии рвов, обращенных к Алезии – первый шириной и глубиной в 20 футов, два других в 15, – со множеством разного рода ловушек, попадание в которые грозило гибелью, с брустверами и палисадами 12 футов в высоту с зубчатыми стенами, с башнями в 80 футах одна от другой. Когда подошли галльские войска, чтобы снять осаду с Алезии, с внешней стороны появилась аналогичная сеть укреплений. В результате римляне смогли предотвратить все попытки более многочисленного неприятеля прорвать их позиции как изнутри, так и снаружи, постоянно пользуясь тактическим преимуществом. Благодаря укреплениям у них имелось достаточно времени для переброски резервов на тревожные участки. Во время осады другой столь же неприступной крепости, Укселлодуна, Цезарь ввел в дело десятиярусную башню на массивной основе, а также подкопы, чтобы отрезать осажденным доступ к горному источнику, из которого они только и могли получить воду, и тем самым вынудил их сдаться.

В сражении римский легион являл собой отлаженный механизм уничтожения, но этим дело не ограничивалось. Умение воинов строить превращало военную победу в длительное господство над территориями и областями: это было своего рода стратегическое оружие, которое могло служить основой империи⁸.

Кампании Цезаря в Галлии проходили на относительно позднем этапе римских завоеваний. Рим начал свое существование как один из многих городов-государств, на первых порах борясь за выживание, а затем за локальную гегемонию в Центральной и Южной Италии. Начальный этап истории города окутан легендами, как и многие подробности его ранних локальных войн. Кое-что, однако, известно об этих конфликтах начиная с конца VI в. до н. э. Они продолжались, то вспыхивая, то затухая, вплоть до начала III в. до н. э., когда в результате капитуляции этрусков в 283 г. до н. э. и поражения греческих городов-государств на юге Италии в 275 г. до н. э. римляне установили свое господство над окружающими землями. Победив в этих локальных конфликтах, Рим затеял распри с Карфагеном – другой великой державой

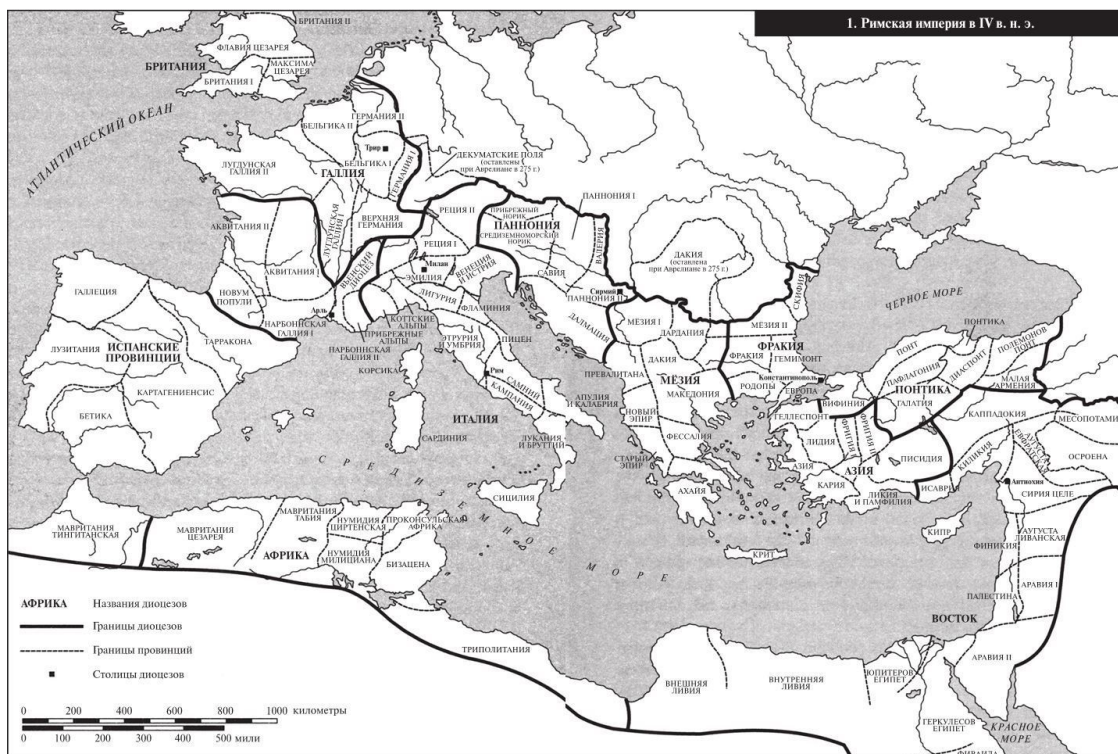
⁷ Caes. De bello Gallico. IV. 37 (у Хизера ошибочно III. 37). – *Примеч. пер.*

⁸ О перевале Сен-Бернар см.: Caes. De bello Gallico. III. 1–6; об Алезии – VII. 75 и далее, Укселлодуне – VIII. 33 и далее. О подготовке римской армии в последующие времена и методах тренировки см. САН. 2nd ed. Vol. X. Ch. 11; vol. XI. Ch. 9.

Западного Средиземноморья. Первая Пуническая война продолжалась с 264 по 241 г. до н. э. и завершилась превращением Сицилии в римскую провинцию. Затем произошли две войны, длившиеся с 218 по 201 г. и с 149 по 146 г. до н. э. Они окончательно сокрушили мощь Карфагена. Победа над ним сделала Рим бесспорным хозяином Западного Средиземноморья, а Северная Африка и Испания стали частью его владений. Тогда же Римское государство стало расширять свои границы в других направлениях. Македония была завоевана в 167 г. до н. э., а прямое римское правление над Грецией установилось в 140-х гг. до н. э. Это стало прелюдией к установлению господства над всеми богатыми странами Восточного Средиземноморья. Около 100 г. до н. э. Киликия, Фригия, Лидия, Кария и многие другие области Малой Азии оказались в руках римлян. Вслед за ними вскоре последовали и другие. Покорение Средиземноморья завершилось присоединением селевкидской Сирии Помпеем в 64 г. до н. э. и Египта Октавианом в 30 г. до н. э.

Средиземноморские страны всегда находились в центре имперских устремлений римлян, но, чтобы добиться своего, последним вскоре пришлось двинуть легионы в края к северу от Альп, в несредиземноморскую Европу. За установлением римского господства над кельтами в Северной Италии последовало образование провинции Нарбоннская Галлия (*Gallia Narbonensis*), охватывавшей по существу, средиземноморскую Францию. Эти новые территории должны были прикрывать Северную Италию, поскольку горы (даже самые высокие из них) не являлись надежной защитой, как это доказал Ганнибал. В позднереспубликанский и раннеимперский период примерно пятьдесят лет до и после Рождества Христова империя продолжала расширяться, поскольку ее различные деятели желали прославиться. К этому времени заморские завоевания стали опробованным путем достижения власти в самом Риме, так что завоевания продолжались в краях, которые не могли принести дохода и не были стратегически важными. Благодаря Юлию Цезарю вся Галлия оказалась приведена под власть Рима в 58–50 гг. до н. э. Политику завоеваний продолжил его племянник и усыновленный преемник Октавиан, более известный под именем Август, первый из римских императоров. К 15 г. до н. э. подбитые гвоздями сапоги легионеров попирали земли на Верхнем и Нижнем Дунае – приблизительно территория нынешних Баварии, Австрии и Венгрии. Некоторые из этих областей издавна управлялись царями – клиентами Рима, но теперь они превращались в римские провинции и ставились под прямой контроль. К 9 г. до н. э. все земли до реки Дунай были захвачены, и выступ вокруг альпийских перевалов, ведущих в Италию, оказался присоединенным к империи. В последующие тридцать лет или около того граница на севере Европы двигалась то вперед, то назад по направлению к реке Эльбе. Трудности, связанные с военными действиями в германских лесах, привели к отказу от честолюбивых планов к востоку от Рейна. В 43 г. н. э., при Клавдии, началось завоевание Британии, а прежнее Фракийское царство (территория нынешней Болгарии с некоторыми прилегающими землями) официально вошло в состав Римской империи в качестве провинции тремя годами позднее. Теперь наконец северная граница проходила по двум крупным рекам – Рейну и Дунаю, и больше в этих краях она не менялась до конца истории Римской империи⁹.

⁹ Здесь нужно кое-что добавить. Территории между верховьями Рейна и Дуная – выступ Таун-Веттерау и район реки Неккар – были присоединены незадолго до конца столетия. Расширение римского господства произошло при Траяне. В начале II в. н. э. он предпринял несколько походов (101–102, 105–106 гг.), в результате которых вся трансильванская Дакия оказалась включена в состав империи. Эту территорию римляне оставили при императоре Аврелиане ок. 275 г. Добротный очерк о расцвете Рима можно найти в «Кембриджской древней истории» (САН. 2nd ed. Vol. VII. 2, Chs 8–10).

1. Римская империя в IV в. н. э.

Римская военная система и римские территориальные приобретения являлись, таким образом, продуктом столетий войны. Однако голая военная сила была недостаточна для создания империи. Продуманная дипломатия сочеталась при необходимости с предельной беспощадностью. В некоторых случаях Цезарь обращался с пленными галлами очень милосердно – отправлял их по домам, если считал, что это в интересах Рима. Он также старался не злоупотреблять сверх меры лояльностью тех галльских общин, которые оказывали ему поддержку, и ограничивался умеренными требованиями предоставления вспомогательных войск и снабжения продовольствием. Он должен был также вводить в дело легионы для защиты своих новых союзников от угрозы со стороны какой-либо третьей силы. Видя, сколь умеренны эти требования, многие галльские общины быстро убеждались, что сотрудничество с римлянами гораздо выгоднее конфронтации. Такая тактика применялась долгое время, и наряду с военным элементом в деле создания Римской империи давали себя знать и дипломатические успехи. Например, в 133 г. до н. э. Аттал III, последний независимый правитель богатого Пергамского царства в современной северо-западной Турции, добровольно завещал свое государство Риму.

Однако умелая дипломатия достигала таких успехов только потому, что она сочеталась с имевшими место время от времени проявлениями продуманной и беспощадной жестокости. После Третьей Пунической войны, которая окончательно сломила мощь Карфагена, римский сенат принял решение, что весь город должен был стерт с лица земли. Место, где он стоял, было символически распахано и посыпано солью, чтобы здесь ничего не росло и земля была непригодна для заселения. На Востоке новым сильным врагом Рима стал царь Митридат VI Евпатор Дионис, который владел большей частью современной Турции и северным побережьем Черного моря. Он стал виновником жестокостей, получивших известность под именем «Эфесской вечера»¹⁰, когда были убиты тысячи римлян и итальянцев, живших на подвластных ему терри-

¹⁰ Это выражение применил к резне, учиненной Митридатом VI на территории римской провинции Азия, немецкий историк Теодор Моммзен (см.: Моммзен Т. История Рима. Т. V. СПб., 1995. С. 128). – Примеч. пер.

ториях. Потребовалось определенное время, чтобы в результате трех кампаний, получивших название Митридатовых войн, гордый царь наконец оказался загнан в свое последнее убежище в Крыму. Здесь он решил покончить с собой, однако организм, натренированный многолетним приемом яда в малых дозах, оказался невосприимчив к отраве, и тогда Митридат приказал одному из своих телохранителей заколоть себя.

Политика Цезаря в Галлии могла быть и достаточно жестокой. Враждебные ему вожди, несшие ответственность за разжигание мятежей, забивались насмерть – такое наказание постигло в конце кампании 53 г. до н. э. Аккона, предводителя галльских племен сенонов и карнутов. Жителей общин, отказывавшихся сдаться при подходе легионов, в полном составе продавали в рабство или в некоторых случаях даже уничтожали. В 52 г. до н. э. Цезарь, задержанный на некоторое время сопротивлением находившегося на холме Аварики, учинил подобную акцию в наказание за убийство римских торговцев и их семей. Когда укрепления были прорваны, легионеры предались убийствам и грабежам: как сообщают, только 800 человек уцелели из всего населения численностью в 40 тысяч мужчин, женщин и детей. Трудно судить, насколько преувеличил Цезарь эти цифры, но в любом случае не приходится сомневаться в жестокости, с которой римляне карали непокорных¹¹.

Таким образом, они никогда ничего не забывали и не прощали. С такой же беспощадностью они стали мстить за гибель Котты и его людей. Позднее во время осадных операций римляне заметили вождя треверов Индутиомара и устроили против него кавалерийскую вылазку, во время которой убили его. Что же касается эбуронов, их вынудили рассеяться в условиях непрерывного натиска на их родные края во время следующей кампании. Не желая терять своих людей в лесных боях, Цезарь обратился ко всем соседним племенам с щедрым предложением принять участие в походе и грабеже. Все их селения были преданы огню, многие погибли в схватках. Вскоре царь эбуронов Катуволк решил, что с него достаточно. Как пишет Цезарь, он «не мог выносить тягот войны и бегства и, всячески проклиная Амбиорига как истинного виновника случившегося, отравился ягодами тиса» (Caes. De bello Gallico. VI. 31. 5. Пер. М.М. Покровского). Весьма вероятно, что если бы он не сделал это сам, то с ним это сделал бы кто-то другой. Что же касается Амбиорига, то он выжил, несколько лет провел в скитаниях, но о его судьбе в записках Цезаря о галльской войне более не сообщается. Последний раз о нем упоминается при описании событий 51 г., где речь идет о том, как римские войска грабили и жгли селения эбуронов с той целью, чтобы сделать его столь ненавистным, чтобы соотечественники не захотели иметь с ним дело¹².

Такая политика кнута и пряника вряд ли нуждалась в гениальном уме, но этого от них и не требовалось. В сочетании с легионами в этот переломный момент евразийской истории она оказалась достаточно действенным орудием в деле создания империи.

Таким образом, Рим превратился в огромное государство. Если рассматривать по наиболее длинной диагонали (расстояние примерно в 4000 километров), то оно простиралось от Адрианова вала на границе между Англией и Шотландией до Месопотамии, где текут реки Тигр и Евфрат. С другой стороны, всего 2000 километров отделяют римские оборонительные сооружения в устье Рейна от сторожевых постов в горах Атласа в Северной Африке. Римская империя была живучей. Не считая недолгой авантюры в Трансильвании, которая продолжалась всего 150 лет, римляне управляли всей совокупностью своих территорий целых 450 лет, от эпохи Августа до V в. н. э. Когда речь идет о событиях столь далекого прошлого, можно утратить подлинное ощущение времени. Стоит вспомнить о том, что 450 лет назад на дворе был 1555 г., когда Елизавета I еще не вступила на английский престол, а Европа бурлила из-за религиозных распрей, вызванных Реформацией. Иными словами, Римская империя просуще-

¹¹ Об Акконе см.: Caes. De bello Gallico. VI. 44; о взятии Аварики – VII. 27–28.

¹² Об Индутиомаре см.: Caes. De bello Gallico. V. 58. 4–6; об Амбиориге – VIII. 25. 1.

ствовала очень долгое время. Что касается ее размеров и ее долговечности, то военная мощь легионов Рима позволила создать государство, достигшее наибольших успехов из всех когда-либо существовавших в этой части земного шара. И сам по себе масштаб этих успехов таков, что изучение гибели этой империи всегда очень интересно.

Долговечность Римской империи подводит нас к вопросу принципиальной важности. Если задуматься, то становится совершенно очевидным, что в течение стольких веков империя не могла пребывать в неизменном состоянии. Англия со времен Елизаветы I почти все время являлась королевством, но при этом изменилась до неузнаваемости. То же произошло и с Римской империей: за 430 с лишним лет своей истории она превратилась в то, что Юлий Цезарь едва ли признал бы своим детищем. Эти два фактора обычно связываются друг с другом, и возникло целое направление, которое рассматривает главные изменения, происшедшие за долгие века существования Римской империи, как главную причину ее падения. Разные историки обращали внимание на разные изменения. По мнению Эдуарда Гибсона, как известно, роковую роль сыграла христианизация империи. Пацифистская идеология христианства ослабляла боевой дух римской армии, а ее теология способствовала распространению предрассудков, которые подрывали рационализм классической культуры. В XX в. многие ученые сосредоточились на экономических факторах: А.Х.М. Джонс в 1964 г. доказывал, например, что в IV в. н. э. налоговое бремя стало столь тяжелым, что у крестьян оставалось слишком мало продукции, чтобы обеспечить выживание им и их семьям.

Не приходится сомневаться: чтобы разобраться в событиях, связанных с падением Римской империи, нужно понять те внутренние изменения, которые сделали ее столь непохожей на то, чем она была когда-то. С другой стороны, в этой книге доказывается: точка зрения, согласно которой внутренние изменения настолько ослабили Рим к концу IV в., что он был готов рухнуть под собственной тяжестью в V в., теперь несостоятельна. Корни случившегося в V в. коллапса нужно искать в чем-то другом. Чтобы установить точку отсчета, необходимо проанализировать процессы, имевшие место в поздней Римской империи, и перемены, из которых она выросла. Начнем с самого Рима.

«Лучшая часть человеческого рода»

Город, как и во времена Цезаря, оставался расплывшимся во все стороны имперским массивом. Приезжие, как и теперь, восхищались его памятниками: форумом, Колизеем, сенатом, императорскими и частными дворцами. Римские правители заботились о том, чтобы увековечить свою славу в монументах: например, покрытая рельефами колонна Марка Аврелия прославляла победы над внешними врагами во II в., а более позднюю арку Константина I возвели в 310-х гг. в честь побед императора над внутренними врагами. Население Рима также оставалось до сих пор в строгом смысле имперской массой, искусственно раздутой за счет притока из остальных частей империи. В IV в. в городе проживал, по-видимому, миллион человек, тогда как лишь в немногих других городах жило по 100 тысяч человек, а в подавляющем большинстве – в пределах 10 тысяч. Прокормление такого числа людей было постоянной головной болью властей, особенно если учесть большое число ежедневных раздач хлеба, оливкового масла и вина, до сих пор полагавшихся жителям города как привилегия завоевателей. Наиболее впечатляющим результатом решения проблемы по снабжению Рима стали два портовых города, до сих пор сохранивших свое величие: Остия и Тибур. В первом не хватало доков, чтобы обеспечить пропускную способность, необходимую для поставок продовольствия, и их стали строить во втором. Грандиозные раскопки в Карфагене, столице Северной Африки, профинансированные ЮНЕСКО, пролили свет на проблему с другой стороны. Здесь были най-

дены огромные портовые сооружения, построенные для того, чтобы производить погрузку на корабли зерна, предназначенного для снабжения столицы империи¹³.

В Риме заседал сенат, политический центр, который создал самого Цезаря вместе с большинством его сторонников и противников. В его времена сенат насчитывал примерно девятьсот человек – все богатые землевладельцы, бывшие магистраты и их закадычные друзья из ближайшей городской округи. Они являлись представителями патрицианских фамилий, которые доминировали в политике, экономике и культуре республиканского Рима¹⁴. В IV в. в сенате оставалось совсем немного прямых отпрысков старых фамилий – если они там вообще были. Причина этого достаточно проста. При моногамных браках мужское потомство обычно появлялось лишь на протяжении трех поколений. В обычных условиях в результате 20 процентов моногамных браков никакого потомства не появлялось вообще, а в результате 20 процентов других рождались только девочки. Исключения бывали (наиболее примечательный пример – королевская династия Капетингов в средневековой Франции, производившая мужское потомство на протяжении 600 лет¹⁵), но можно не сомневаться, что в IV в. в сенате не было прямых наследников по мужской линии современников Юлия Цезаря. Однако имелось немало не прямых потомков старинных аристократических семейств – и это доказывали размеры их богатств.

Из всех римских сенаторов наиболее известен благодаря своим сочинениям некий Квинт Аврелий Симмах, чья сознательная жизнь приходится на вторую половину IV в. Его сочинения состоят из семи речей и примерно 900 писем, написанных между 364 г. и 402 г., когда он умер. Частично их опубликовал сам автор, а частью сын Симмаха после смерти отца. В Средние века их многократно переписывали монахи как образец латинского стиля. Речи его интересны сами по себе, о некоторых из них еще пойдет речь в этой главе. Собрание же писем восхитительно хотя бы в силу числа корреспондентов и того, как оно проливает свет на различные стороны образа жизни римлян периода поздней империи. Сам Симмах, человек очень богатый, являлся типичным представителем класса крупных землевладельцев. Его поместья были разбросаны в Центральной и Южной Италии, на Сицилии, в Северной Африке. Другие люди его круга имели поместья также в Испании и на юге Галлии. Владения на Сицилии и в Северной Африке – плоды римских побед над Карфагеном в Пунических войнах, доставшиеся нобилиям, и результат завещательных и матримониальных операций их потомков, которые проводились в течение нескольких веков. Правление каждого нового императора приводило к карьерному взлету какого-то числа «новых людей», которые вливались в состав правящего слоя с помощью браков, однако сенат на протяжении столетий оставался верхушкой имперского общества, своего рода высший стандарт, к достижению которого стремились все честолюбцы в Риме. Ареал распространения земельных владений сенаторов даже по прошествии многих веков продолжал отражать первоначальное расширение Римской державы.

Симмах и его друзья, принадлежавшие к тому же кругу, остро ощущали груз столетий, давивший на них и на все общество, и это ясно дают знать письма. В одном из них Симмах характеризует сенат Рима как «лучшую часть человеческого рода», *pars melior humani generis*. Автор тем самым не имеет в виду, что он и его друзья, занимающие то же положение в обществе, богаче всех остальных, но скорее то, что они лучше других в моральном отношении, превосходя остальных добродетелью. В прошлом было вполне обычным делом объявлять, что кто-то выше прочих в моральном смысле в силу своей принадлежности к «благородным». Только со времен Второй мировой войны культ богатства как такового стал преобладать настолько, что

¹³ О Риме см. из многих работ: Krautheimer, 1980 со ссылками на источники и литературу. Об Остии см.: Meiggs, 1973. О Карфагене более подробно идет речь ниже, в гл. 6. Прекрасное представление об империи дается в работе: Cornell, Matthews, 1982.

¹⁴ Автор смешивает патрициев и нобилей – последние были представителями элиты республиканского Рима, нобилитета, возникшего в результате слияния патрицианских фамилий и верхушки плебса в IV–III вв. до н. э. – *Примеч. пер.*

¹⁵ Это так, если учитывать и собственно Капетингов, и их преемников Валуа. – *Примеч. пер.*

привилегированным собственникам не требовалось уже прибегать к оправданиям такого рода. Письма Симмаха дают нам уникальную возможность увидеть, как представители римских верхов сами воспринимали свое превосходство, с помощью которого и оправдывали собственное право на богатство. Примерно четверть из девятисот писем являются рекомендациями, благодаря которым молодые люди из высших слоев могли бы обрести связи с более влиятельными лицами. Здесь регулярно повторяются такие добродетели, как «прямота», «честность», «целомудрие», «чистота нравов». Это не случайный набор качеств: для Симмаха и его товарищей обладание ими однозначно связывалось с определенным типом воспитания.

Основной принцип этой образовательной системы состоял в интенсивном изучении небольшого числа литературных текстов под руководством специалиста по языку и литературному толкованию – грамматика. Это занимало семь или более лет начиная с восьмилетнего возраста. При этом сосредоточивались только на четырех авторах: Вергилии, Цицероне, Саллюстии или Теренции. Затем ученик поступал к ритору, у которого он изучал большее число текстов, но методы в целом использовались те же самые. Тексты читались строчка за строчкой, и каждый языковой оборот обязательно выявлялся и обсуждался. Обычное школьное занятие состояло в описании события из повседневной жизни в стиле одного из избранных авторов («Состязания на колеснице, как их мог бы изобразить Вергилий: начинай»). Важно отметить, что эти тексты считались составляющими канон «правильного» языка, и дети должны были усвоить оный, чтобы использовать как его лексику, так и сложный грамматический строй. Все это должно было держать образованного латинянина в своего рода культурных тисках, предотвращая или по крайней мере серьезно задерживая процесс естественных изменений в языке. К тому же это позволяло сразу же понять, кто перед тобой. Как только представитель римской элиты открывал рот, становилось очевидно, что он изучал «правильную» латынь. Это как если бы современная система преподавания сосредоточилась на изучении сочинений Шекспира с целью различать образованных людей от других по их способности говорить на языке Шекспира. Найденные в погибших во время извержения 79 г. Помпеях граффити позволяют понять, насколько элитный латинский IV в. отличался от народной речи, показывая, что повседневная латынь уже эволюционировала в сторону менее структурированного в грамматическом отношении романского наречия.

Однако искусством говорить дело не ограничивалось. Симмах и его друзья заявляли, что, помимо языка этих текстов, постижение их содержания делает их людьми такого уровня, с которыми никто не может сравниться. Латинская грамматика, доказывали они, является инструментом для развития логически точного мышления. Если вы не умеете мастерски использовать времена и наклонения, то вы не можете точно высказать то, что думаете, или правильно выразить верное соотношение между вещами. Другими словами, грамматика была введением в формальную логику. Симмах и люди его круга воспринимали также излюбленные литературные тексты как своего рода свод данных о поведении человека – как хорошего, так и плохого, руководствуясь которыми каждый человек может усвоить, как можно поступать и как нельзя. На уровне обыденного сознания это означает, например: судьба Александра Великого учит тому, что не надо напиваться за обедом и бросать копьа в лучших друзей¹⁶. Однако можно извлечь уроки и более тонкого свойства, касающиеся гордости, стойкости, любви и так далее, а также их последствий: все это иллюстрируется примерами судеб и поступков конкретных индивидов, становится достижимым высший уровень. То есть более глубоко – и здесь их суждения отражали дидактическую философию, впервые начавшую развиваться в классической Греции, – Симмах и люди его круга обосновывали тезис о том, что только размышле-

¹⁶ Имеется в виду убийство Александром Македонским Черного Клита, брата своей кормилицы Ланики, когда тот, выпив, начал обличать высокомерие царя, объявившего себя богом и все больше пренебрегающего македонянами, но зато возвышающего персов; столь же нетрезвый монарх в припадке ярости убил его копьем. – *Примеч. пер.*

ния о судьбах многих известных людей с их хорошим или дурным поведением дают возможность человеку развить в полной мере интеллектуальную и эмоциональную стороны его «я» и достичь наилучшего из возможных состояний. Подлинное сострадание, любовь, ненависть и восхищение, разумеется, недоступны необразованным людям;

просвещение и истинная человечность должны выковываться в кузницах латинских училищ. Как говорил Симмах о некоем Палладии: его «красноречие приводило в волнение слушателей-латинян по причине мастерства, с которым была построена его речь, богатства образов, глубины мыслей, блеска стиля. Я так считаю: ораторское дарование [Палладия] столь же достойно подражания, сколь и его нрав». Но с точки зрения Симмаха и его товарищей, образованные римляне не только говорили на изысканном языке, но и обсуждали на нем предметы, недоступные пониманию людей непросвещенных.

С современной точки зрения все это очень малопривлекательно. Хотя грамматики стали использовать при необходимости свои тексты как материалы по истории, географии и другим предметам, курс обучения был очень однобок. Сосредоточенность на языке превращала латинские тексты в чисто формальное средство. В своих письмах Симмах имел склонность обращаться к любому адресату, как жаловалась королева Виктория на Гладстона, словно на официальном приеме: «Так что никто не должен обвинять меня в том, будто я прервал нашу переписку. Я скорее поспешу исполнить свои обязательства, нежели в долгом бездействии ожидать твоего ответа» (Symm. Epist. I. 1). Так начинается первое письмо сборника, написанное им отцу в 375 г. Подобный формализм в отношениях отца с сыном не рассматривался в IV в. как нечто неуместное. Действительно, древние стремились к тому, чтобы плодом полученного ими изысканного образования стала прежде всего искусная речь перед аудиторией. Симмах пользовался известностью у современников и хотел быть известным как «оратор» и имел обыкновение отсылать друзьям копии своих речей¹⁷.

Не все римляне позднеримской эпохи были до такой степени сосредоточены на образовании и его важности, как Симмах, но все соглашались с тем, что оно помогало человеку не только понять, в чем заключается добродетель, но и убедить окружающих в правильности своего мнения. Иными словами, это было то, что позволяло руководить остальными людьми.

Как и следовало ожидать, обладание столь важным и желанным преимуществом налагало серьезную ответственность. Человек, подготовленный повелевать, должен был делать это. Он мог участвовать в составлении справедливых законов, с подобающей честностью исполняя высокую должность, или, если подходить менее формально, просто являть образец для общества своим поведением. В римском обществе считали, что не следует властвовать над другими, пока не научишься властвовать собой. Образованный человек был также обязан служить взрастившей его литературной традиции. Изучать древние тексты, время от времени самому появляясь в новых изданиях и комментариях, предполагалось на протяжении всей жизни, что Симмах и его друзья и были счастливы делать. В письмах упоминается его труд о «Естественной истории» Плиния Старшего и сочинение одного из его ближайших друзей, Веттия Агория Претекстата, являвшегося знатоком философии Аристотеля. Рукописная традиция большинства классических текстов сохранила комментарии на полях, делавшиеся римскими нобилиями, а затем снова и снова копировавшиеся в течение столетий средневековыми переписчиками.

По-видимому, важнее всего то, что представитель образованной элиты должен был поддерживать добрые отношения с людьми своего круга. Во многих отношениях письма Симмаха глубоко разочаровывают. Он жил в интересное время, знал все о каждом сколь-либо заметном лице, переписывался с большинством из них. Но о текущих событиях в письмах сообщается крайне редко. В результате отчаявшиеся историки зачастую просто пренебрегают ими:

¹⁷ Речи Симмаха после смерти последнего пользовались меньшим успехом, чем его письма: семь из них дошли до нас лишь в одной поврежденной рукописи, в которой первоначально содержалось куда больше текста.

«Никогда ни один человек не писал так много, сказав при этом столь мало». В действительности же Симмах имел свое мнение, и весьма определенное, но дело в другом. Важность его писем для истории состоит в их совокупности и в том, что мы узнаем из них о ценностях позднеримской элиты, а не в том, что они сообщают или нет о конкретных событиях. Письма показывают, что римская элита являлась носителем особой привилегированной культуры и стремилась держаться вместе при любых обстоятельствах. Их объединяла та идея, что они являются распространителями и реципиентами этой культуры, относящимися к сообществу, где каждый, по несравненному выражению Маргарет Тэтчер, – «один из нас». Здесь действовал сложный этикет. Первое письмо кому бы то ни было являло собой нечто вроде персонального визита. Неспособность написать без серьезного повода могла вызвать подозрения или неприязнь. Коль скоро переписка устанавливалась, то молчание могли счесть извинительным из-за болезни адресата или его близких и из-за бремени служебных обязанностей. Довольно странно, но, отъезжая из Рима, человек должен был заранее предупредить об этом. Только после этого корреспондент мог отвечать ему. Раз установившись, переписка могла служить самым разным целям (примерно в 200 посланиях Симмаха имеются рекомендации), но самой главной целью было поддержание отношений само по себе¹⁸.

Многое в том мире и его культурных посылах оказалось бы близко Юлию Цезарю. Именно благодаря контактам с Грецией, где интеллектуалы создавали изощренные общественно-политические теории начиная с середины I тысячелетия до н. э., римская культура усвоила большую часть представлений Симмаха и его круга о воспитании. Многие из этого уже не было новостью во времена Юлия Цезаря. Цезарь, будучи сам писателем и оратором, жил в обществе, где искусство такого рода высоко ценилось. Цицерона, одного из величайших латинских ораторов, представителя канона четырех, Симмах и его друзья в IV в. изучали с таким же усердием, что и современники Цезаря. Можно предполагать, что после четырехсот лет углубленного изучения ограниченного объема материала правила композиции в различных жанрах латинской литературы стали более сложными, чем во времена Цезаря. Однако основная идея осталась той же самой. Одинаково близким для обеих эпох было представление о том, что элиту отличает изысканное образование и что ей судьбой предназначено повелевать человеческим родом¹⁹.

Цезарь вполне узнал бы чернь, которая в IV в. по-прежнему составляла огромное большинство населения Рима. Она упоминается в письмах Симмаха только вскользь, но видно, что для ее удовлетворения и предотвращения социальной нестабильности требовалось обеспечивать то же, что и прежде, – *panem et circenses*, хлеб и зрелища. Однажды во времена Симмаха из Африки не привезли хлеб, и безземельные плебеи разозлились; точно так же они поступили при его отце – с вполне достаточным основанием, – когда обнаружилась нехватка вина. Римский способ изготовления подводного бетона предполагал использование вина. Симмах-старший курировал строительные работы, при которых применялась эта смесь. Простолудины узнали об этом. Употребление для изготовления бетона вина, когда им его не хватает, – они сочли это достаточным поводом для волнений²⁰. Отцу Симмаха пришлось покинуть город.

Стремление добиться того, чтобы народ был доволен, видно в тщательной подготовке отцом Симмаха игр, которые предстояло дать его сыну по случаю вступления в сословие сенаторов. Цезарь давал такие игры несколькими столетиями ранее. Среди прочего для их проведения Симмах заполучил семь шотландских охотничьих собак – вероятно, волкодавов – и (благодаря связям на границе) двадцать рабов, которые группами по пять человек образовали

¹⁸ Извинения см.: Symm. Epist. III. 4. Многие в отношении господствовавшего тогда этикета прояснено в работах: Matthews, 1974; 1986; Bruggisser, 1993.

¹⁹ О Цезаре см.: Adcock, 1956. Библиография о Цицероне необъятна, см., впрочем, для примера: Rawson, 1975; Fantham, 2004.

²⁰ О продовольствии см.: Amm. Marc. XXVII. 3. 8–9; о вине: XXVII. 3. 4.

экипажи четырех колесниц на ипподроме. Все это являло собою сложное театральное действо, но в письмах выглядит как череда неудач, даже если некоторые из них не вызывали особого раздражения. С куда большим недовольством пишет Симмах в одном из посланий о том, как ему пришлось платить таможенные пошлины за медведей, которых он ввозил из Северной Африки (Epist. V. 62). Более неприятно, что труппа театральных и цирковых артистов, нанятых на Сицилии, «потерялась» на побережье Неаполитанского залива, где они, по-видимому, слегка подрабатывали, прежде чем агент Симмаха сумел разыскать их и спровести в Рим (Symm. VI. 33; 42). Выступления испанских скакунов особенно понравились зрителям, когда он устраивал игры как консул десятилетием ранее, и Симмах воспользовался своими связями в Испании, чтобы достать там несколько таких коней для сына. К несчастью, только одиннадцать из шестнадцати выдержали путь, что разрушило возлагавшиеся на них надежды. (Требовалось по четыре лошади на четыре колесницы на бегах²¹.) Наши последние сведения о Симмахе как устроителе состязаний в цирке являют и вовсе отчаянную картину. Как сообщается в письмах, произошла задержка, и поскольку уцелевшие крокодилы отказывались принимать пищу, обеспокоенный Симмах настаивал, чтобы игры были устроены прежде, чем несчастные животные умрут от голода (Epist. VI. 43). Таким образом, оборотная сторона роскошных зрелищ представляла собой полный хаос – как и во времена Цезаря.

Если судить только по Риму, то изменения, происшедшие в империи за время от Цезаря до Симмаха, с первого взгляда незаметны. Это был раздувшийся центр империи, чье население и территория выросли до невероятных размеров благодаря доходам со всех ее концов. По-прежнему центром управляла эгоистичная высокородная знать, непоколебимо уверенная в своем превосходстве, и Рим лишь через плечо бросал взгляд на городскую чернь. Однако при всем своем величии Рим оставался лишь одним из уголков империи и, даже оставаясь великим, казался неизменным скорее с виду, чем на деле.

Императорская корона

В начале зимы 368/69 гг. Симмах покинул Рим и отправился на север. Это была не экскурсионная поездка – он возглавил сенатское посольство, направлявшееся к северу от Альп, к городу Триру в долине Мозеля, где Германия граничит теперь с Францией и Люксембургом, обиталище Индутиомара, вождя треверов, который помог эбурам напасть на Сабина и Котту 421 год назад. Любопытно, что в письмах Симмаха о подробностях путешествия не сообщается – ни маршрута, ни его обстоятельств. Однако представители официальной сенатской миссии имели право пользоваться *cursus publicus*, сетью дорожных станций, содержавшейся властями, где можно было сменить лошадей и/или остановиться на ночь. Основная часть пути пролегла через Альпы, через перевал Сен-Бернар к истокам Роны, затем вдоль Саоны к истокам Мозеля и вниз по реке до Трира. Если бы призрак обожествленного Цезаря путешествовал вместе с этим посольством, то приятное ощущение знакомого, которое он мог ощущать в Риме, быстро рассеялось бы по мере того, как он бы видел, насколько велики изменения, происшедшие в краях, куда он вторгся четыре столетия назад.

Одна важная, пусть и очевидная перемена произошла в ходе путешествия. Симмах и его друзья везли «коронное золото» (*aureum coronarium*) царствующему императору Валентиниану I. Теоретически оно представляло собой добровольную денежную выплату, которую города империи делали принцепсу при его вступлении на престол и затем каждые пять лет (*quinquennialia*). Валентиниан облекся в пурпур в 364 г., так что посольство Симмаха пришлось на пятый год его правления. Было еще немного рано, но послы хотели таким образом иметь достаточно времени до 26 февраля, годовщины прихода Валентиниана к власти. Во времена

²¹ Symm. IV. 58–62; V. 56.

Цезаря, конечно, не существовало главы Римской державы, а была кучка ссорившихся друг с другом олигархов, чьи соперничество и распри породили тяжелые гражданские войны. В 45 г. до н. э. Цезарь пожизненно стал императором (*imperator*), т. е. главнокомандующим армией, а через год, перед самым его убийством, ему предложили корону. Несмотря на это, императорский титул оказался новшеством, когда на него стал претендовать и сделал своим главным титулом племянник Цезаря, Октавиан, принявший имя Августа. С тех пор он изменился до неузнаваемости.

Начнем с того, что всякие проявления республиканизма исчезли. Август очень старался, чтобы созданные им структуры власти не наводили на мысль о низвержении прежней республики и чтобы казалось, будто при смешанной конституции сенат продолжает играть важную роль. Но даже при его жизни это была не более чем приятная видимость, а уж к IV в. никто и не сомневался, что император является самодержавным монархом. Эллинистические концепции правления, развивавшиеся в царствах, возникших после крушения недолговечной державы Александра Македонского, изменили идеологию и церемониал, которые определяли образ властителя. Согласно этой идеологии, законные правители являлись боговдохновенными и богоизбранными. Первый среди равных становится связанным с божеством, сакральной персоной, и прочие люди должны относиться к нему с соответствующим почтением. К IV в. обычной частью дворцового церемониала стал *proskynesis*, когда человек простирался ниц в присутствии священной особы властителя, а немногим привилегированным лицам позволялось целовать край императорской одежды. Императоры же, как и полагалось, играли собственную роль в этом спектакле. Памятный момент в церемонии отражен в рассказе историка IV в. Аммиана Марцеллина о вступлении императора Констанция II в Рим в 357 г. Хотя в целом он не слишком одобрительно относится к Констанцию, он рисует его как императора, идеально ведущего себя на церемонии: «Будучи очень маленького роста, он наклонялся, однако, при въезде в высокие ворота, устремлял свой взор вперед, как будто шея его была неподвижна, и, как статуя, не поворачивал лица ни направо, ни налево; он не подавался вперед при толчке колеса, не сплевывал, не обтирал лица и не делал никаких движений рукой» (Amm. Marc. XVI. 10. 10. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). Таким образом, когда требовала ситуация, начиная с того великого дня, когда он стал богоизбранным правителем, Констанций мог вести себя как сверхчеловеческое существо, никак не проявляя обычных, свойственных людям слабостей²².

Императоры IV в. не просто выглядели более полновластными, чем их предшественники I в. Начиная с Августа принцепсы обладали огромной властью, но с каждым веком нарастал и объем их обязанностей. Возьмем, например, законодательство. К середине III в. римская юридическая система прошла немалый путь развития, испытав на себе многообразные воздействия. Законы мог издавать как сенат, так и император. Однако прежде всего ответственность за законодательные новации ложилась на группу знатоков из числа ученых-правоведов, называвшихся «юрисконсультами». Они получали от императора полномочия заниматься толкованием законов и вносить в них изменения в соответствии с установившимися юридическими принципами. С I до середины III в. римское право развивалось прежде всего на основе их ученых мнений. Однако к IV в. император уже заслонил собой юрисконсультов. Спорные вопросы юридического характера теперь направлялись на его рассмотрение. В результате он играл решающую роль в деле законотворчества. О таком же положении можно говорить и в других сферах, особенно в налоговых структурах, где чиновники императора к IV в. играли уже намного большую роль в налогообложении, чем в I в. В принципе императоры всегда имели

²² Об идеологии см.: Dvornik, 1966. Для представления о дворцовом церемониале в империи см.: Matthews, 1989, Chs 11–12; McCormack, 1981.

возможность расширить их полномочия. К IV в. многие из этих потенциальных возможностей стали реальностью, в частности в том, что касалось дворцового церемониала²³.

Столь же важным стал укоренившийся обычай, касавшийся разделения должностей: теперь одновременно правили несколько императоров. В IV в. это была так и не обретшая до конца юридического оформления система, при которой восточная и западная половины империи имели собственных властителей, и случалось, что один человек пытался править всей Римской державой. В последний период своего царствования единоличным главой империи был Констанций II (337–361 гг.), а также его непосредственные преемники Юлиан и Иовиан (361–364 гг.), в течение более продолжительного времени – Феодосий I в 390-х гг. Но ни один из этих экспериментов с единоличным правлением не продолжался долго, и большую часть IV в. империя оставалась разделенной. Раздел власти осуществлялся различными способами. Одни императоры использовали более молодых родственников – сыновей, если они были, а за отсутствием таковых – племянников, как молодых, но, однако, обладающих императорским титулом коллег с собственными дворами. Константин I применял эту модель начиная с 310-х гг. вплоть до своей смерти в 337 г. Племянники Констанция II Галл и Юлиан играли при нем ту же роль большую часть 350-х гг., как и оба сына Феодосия I при отце в 390-х гг. Им предстояло принять титул августов, но ко времени смерти родителя они были слишком юны, чтобы пользоваться реальной властью. Другие императоры делили власть на равных с другими родственниками, обычно братьями. Сыновья Константина I действовали таким образом с 337 по 351 г., так поступали Валентиниан I и Валент в первое десятилетие после 364 г. Кроме того, в конце III – начале IV в. довольно долгое время власть делилась на равной основе между лицами, которых не связывали родственные отношения. Император Диоклетиан установил в 290-х гг. тетрархию («власть четырех»), деля власть с другим августом и двумя цезарями²⁴, и каждому из этих четырех подчинялась определенная территория. Разные правители приходили и уходили, но система тетрархии продолжала существовать в той или иной форме только до начала 320-х гг. В эпоху поздней империи существовали разные модели раздела власти, но большую часть IV в. здесь было два императора, один из которых обычно находился на Западе, другой – на Востоке, и к V в. это превратилось в более или менее оформленную систему.

Дело было не только в императоре (теперь уже обычно более чем одном), но и в коренной трансформации, которую демонстрирует тот факт, что посольство Симмаха должно было предпринять путешествие на север, чтобы успеть к знаменательной годовщине – пятилетию вступления Валентиниана на престол. Здесь специалистов по позднеимперской истории волнует вопрос – приезжал в IV в. правящий император в Рим пять раз или четыре, каждый раз проводя там по месяцу. Поразительный повод для дискуссии. Сколько раз приезжал в Рим император, четыре или пять²⁵, вообще не важно: для IV в. надо задаться вопросом, приезжал ли он туда вообще. В то время как город оставался символической столицей империи и все еще поглощал несоразмерно большую часть доходов в виде продовольствия и других поставок, он более не был политическим или административным ее центром. Особенно в конце III – начале IV в. новые центры власти развивались намного ближе к общеимперским границам. В самой Италии Милан, город в нескольких днях пути к северу от Рима, превратился в главную резиденцию правительства империи. Повсюду в разное время Трир на Мозеле, Сирмий при слиянии Савы и Дуная, Никомедия в Малой Азии, Антиохия вблизи от персидского фронта, – все они стали

²³ О развитии римского права: Robinson, 1997; Honoré, 1994; Millar, 1992, Chs 7–8; о налогообложении см.: Millar, 1992, Ch. 4; Jones, 1964, Ch. 13.

²⁴ Два наиболее важных титула в империи были август и цезарь, оба изначально являвшиеся именами конкретных лиц – Юлия Цезаря и его племянника Августа. [Август – почетный титул-прозвище, а не имя, хотя и принадлежавшее конкретному лицу, т. е. первому императору, Августу. – *Примеч. пер.*] В IV в. слово «август» стало титулом, который принадлежал старшим императорам, тогда как цезарями именовались их младшие коллеги.

²⁵ Matthews, 1989, p. 235 с соответствующими ссылками.

важными центрами, особенно в период диоклетиановской тетрархии, когда каждый из четырех действующих императоров управлял собственной территорией. В IV в. положение немного стабилизировалось: Милан и Трир на Западе, как и Антиохия и новая столица Константинополь на Востоке, стали главными административными и политическими центрами империи.

В речи, обращенной к брату Валентиниана Валенту в 364 г., философ и оратор Фемистий для лучшего эффекта проводит скрытое сравнение между Константинополем и Римом, подчеркивая недостатки последнего как столицы империи (Or. VI. 83 c – d):

«Константинополь, связывающий два континента [Европу и Азию], прибежище в ниспосылаемых морем бедствиях, рынок для торговли между морем и сушей, замечательное украшение Римской державы. Ибо он не был сооружен, подобно священному участку, вдали от больших дорог, и если императоры занимаются здесь делами, это не мешает им заботиться об общественных нуждах; это место, через которое всем приходится проезжать, кто отбывает и прибывает во всех направлениях, так что в Константинополе они разом оказываются и ближе всего к собственному дому, и в центре всей империи» (Themist. Or. VI. 83 c – d).

«Священный участок» – изобилие храмов, посвященных богам, которые обеспечили победы в древности, «вдали от больших дорог» более или менее подходит к Риму IV в. Как точно указывает Фемистий, одной из причин, побудивших императоров покинуть их прежнюю столицу, были административные нужды. Внешняя угроза, которая поглощала их внимание, наблюдалась к востоку от Рейна, к северу от Дуная и на персидском фронте между Тигром и Евфратом. Это означало, что стратегическая ось империи сформировалась по неровной диагонали от Северного моря вдоль Рейна и Дуная до Железных Ворот, где Дунай пересекали Карпатские горы, затем по суше через Балканы и Малую Азию до города Антиохия, откуда можно было обозреть весь восточный фронт. Таким образом, все столицы IV в. находились на границе империи или очень близко к ней (см. карту № 1). Рим же находился слишком далеко, чтобы успешно справляться с задачами центра державы. Информация поступала туда слишком медленно, а приказы оттуда шли слишком долго, чтобы иметь должный эффект²⁶.

Но сами по себе административные потребности не объясняют, почему Римом теперь до такой степени пренебрегали. Такого же рода стратегическая необходимость гнала Цезаря к северу от Альп, на запад, в Испанию, или в Восточное Средиземноморье каждое лето, однако, несмотря на это, большую часть зим он проводил в Риме, куда возвращался для обеспечения своих политических позиций, одаривая друзей и запугивая врагов. Ему приходилось поступать так потому, что в его время римский сенат представлял собой единственное собрание, где велась борьба за власть, поглощавшая энергию его и других олигархов той эпохи, когда они не были заняты завоеваниями в других областях Средиземноморья. Все видные сторонники и противники Цезаря входили в состав сената, наиболее высокопоставленные офицеры в легионах и, очевидно, все командующие принадлежали к сенаторскому сословию, и ожесточенные схватки за власть разыгрывались в сенате. Примечательно, что именно на ступенях курии в мартовские иды 44 г. до н. э. был убит Юлий Цезарь. В отличие от него императоры IV в. н. э. не имели нужды тратить время на посещение Рима, поскольку, помимо административных нужд, заставлявших их покидать Италию, они имели дело с другой политической аудиторией. Императоры нечасто бывали в Риме в IV в., потому что в силу политической необходимости им нужно было находиться в самых разных местах. Чтобы понять, как развитие империи пошло по гибельному пути, надо учесть тот факт, что императорский двор, каким бы он ни был, распределял все то, чего желали честолюбивые римляне. Богатство, должности, покровительство, карьера – все это исходило из императорской резиденции, точки, в которой перераспределялись налоговые поступления из Западной Евразии.

²⁶ Об общем развитии императорской канцелярии см.: Millar, 1992, особенно Chs 2, 5; Matthews, 1989, Ch. 11.

Современники прекрасно знали это. В 310 г. оратор кратко сформулировал это в речи, обращенной к императору Константину: «В любом месте, где твоя божественность наиболее часто появляется с визитами, всего сразу прибавляется – людей, стен, благосклонности; не так изобильно появлялись из-под земли цветы для Юпитера и Юноны, чтобы они могли возлечь на них, сколь города и храмы появляются под твоими стопами» (Lat. paneg. VI. 22. 6). В эпоху Цезаря все это богатство перераспределялось в пределах города Рима, чтобы приобрести друзей и влияние на народ на этой решающей арене. Но следовать такой стратегии в IV в. было бы равносильно политическому самоубийству. За четыре столетия, прошедшие после мартовских ид, патронат приобрел более широкий характер.

Группы, обладавшие решающим влиянием на политику, в IV в. следует искать не столько в римском сенате, сколько в двух других местах. Одним из них был давнишний участник политических игр империи – армия, или, точнее, ее офицерский корпус. Принято говорить о «римской армии» как о политическом игроке, но в нормальных условиях рядовой состав ее не имел собственного мнения, и, к какому бы более или менее подробному рассказу мы ни обратились, везде мы видим группу старших офицеров, участвовавших в принятии решений о том, кому перейдет по наследству пурпурная тога императора, или в организации государственных переворотов. То, что структура армии изменилась со времен Цезаря, естественно, сказалось на положении тех офицеров, которые играли ведущую политическую роль. В эпоху Цезаря армия делилась на легионы, по 5 тысяч человек, каждый сам для себя самодостаточная военная единица. Командиры легионов, легаты, обычно принадлежавшие к сенаторскому сословию, таким образом, стремились к тому, чтобы действовать самостоятельно. К IV в. ключевыми фигурами в военной иерархии являлись высшие военачальники и командующие мобильными полевыми армиями, так называемыми *comitatentes*. Вообще говоря, всегда существовал крупный мобильный корпус, прикрывавший один из трех ключевых участков границы: первый – на западе (находился на рейнской границе и зачастую в Северной Италии), второй – на Балканах по Дунаю и третий – в Северной Месопотамии, защищавший восток²⁷.

Другой важнейшей силой в эпоху поздней империи являлась имперская бюрократия (часто ее представителей называли *palatini*, от *palatium*, лат. «дворец»). Хотя чиновники не обладали военной властью, доступной высшим военачальникам, они контролировали финансы, процесс принятия законов и их проведения в жизнь, и ни один имперский режим не может функционировать без их активного участия. Представители бюрократии всегда окружали императора и всегда пользовались огромным влиянием. В эпоху ранней империи особенно боялись императорских вольноотпущенников. Что было новым во времена поздней империи, так это размеры бюрократического аппарата. В конце 249 г. на всю империю имелось всего 250 высших чиновников. К 400 г., всего 150 лет спустя, их насчитывалось уже шесть тысяч. Большинство их работало в главных императорских резиденциях, откуда можно было вести наблюдение за ключевыми участками границы, т. е. не в Риме, но, в зависимости от того, какой император имелся в виду: в Трире и/или Милане, если речь шла о Рейне, в Сирмии или – все чаще – в Константинополе применительно к Дунаю и Антиохии для Востока. И отныне не римский сенат, а командующие *comitatenses*, находившиеся на главных участках границы, и представители высшей бюрократии, пребывавшие в центрах, откуда эти участки управлялись, решали судьбу Римской державы²⁸.

Императорский престол передавался по династическому принципу, но только в том случае, если имелся подходящий кандидат, который мог договориться с полководцами и высшими чиновниками. Например, император Иовиан оставил на момент своей смерти в 364 г. маленького сына, которого отстранили от престола и вместо него провозгласили императором Вален-

²⁷ Представление о римской армии поздней империи дают работы: Jones, 1964; Elton, 1996b; Whitby, 2002.

²⁸ О разрастании бюрократии см.: Matthews, 1975, Chs 2–4; Heather, 1994b.

тиниана; в 378 г. не имевший родственных связей с правителем Феодосий I был облечен в императорский пурпур, поскольку, хотя оба сына Валентиниана I уже были провозглашены императорами, младший из них, Валентиниан II, был еще слишком юн, чтобы осуществлять реальное управление Востоком. Это было также время разрыва династической преемственности. К 363–364 гг. династия Константина пресеклась, что побудило высших военачальников и представителей бюрократии договариваться о возможных кандидатах в наследники. На практике армейские офицеры стремились оставить выбор за собой, как в случае с Иовианом в 363 г., а затем после его преждевременной кончины в 364 г. за Валентинианом, но высокопоставленные чиновники также участвовали в процессе и вполне могли предложить свою цену за власть. При выдвижении кандидатуры Иовиана на императорский престол в 363 г. чиновника с тем же именем завалили камнями в сухом колодце, поскольку он представлял потенциальную угрозу, а в 371 г. старший нотариус по имени Теодор был казнен за участие в заговоре против брата Валентиниана I, Валента. Заговор включал в себя гадания, во время которых Феодор и его друзья хотели узнать имя следующего императора. В результате появились буквы Ф-Е-О-Д, но здесь заговорщики прекратили вопрошание и открыли бутылку фалернского, одного из наиболее дорогих вин античности. Если бы они продолжили, то избавились бы от ложных надежд и мучительной смерти, поскольку преемником Валента стал Феодосий²⁹.

Такое сочетание политических и материальных факторов привело к важным изменениям в географии власти. Вследствие этого армия, императоры и чиновники покинули Италию. Данный процесс позволяет понять, почему теперь сильнее, чем когда-либо, возникла нужда более чем в одном императоре. В административном отношении Антиохия или Константинополь находились слишком далеко от Рейна, а Трир или Милан – от Востока, чтобы один император мог обеспечивать эффективный контроль над этими тремя ключевыми отрезками границы. С политической же точки зрения одного центра распределения различных милостей было недостаточно, чтобы все высшие армейские командиры и верхушка бюрократии оставались настолько довольны, чтобы это позволило предотвратить узурпацию. Каждая из трех главных армейских группировок требовала честного внесения жалованья, выдававшегося им ежегодно в золоте в относительно малом количестве, и более крупных выплат в круглые годовщины вступления императора на престол (тех самых *quinquennialia*, ради чего Симмах ехал на север). Офицеры этих группировок любили всяческие отличия и повышения, не говоря уже о приглашениях на пиры, с которыми было связано присутствие императора. То же самое можно сказать и о штатских. Императорский режим не мог позволить себе изливать свои милости только на столицу, ибо слишком многие важные персоны оказались бы обойдены. В IV в. с этой политической необходимостью в целом смирились, и когда император пытался править единолично сколь-либо долгое время, это обычно приводило к смуте. В конце IV в. Феодосий I обосновался в Константинополе и исходя из династических интересов (он хотел, чтобы оба его сына унаследовали каждый свою часть империи) отказался назначать человека, который представлял бы его на Западе. В результате он столкнулся с шумным недовольством, появились опасные узурпаторы, получившие значительную поддержку среди чиновников и военных, которые сочли, что они лишаются своей доли при дележе имперского «пирога».

Трудности, с которыми столкнулся Рим в политических и административных вопросах, не являлись неожиданностью. Еще в I–II вв. императоры все больше времени проводили в поездках, а иногда у них появлялись коллеги-императоры, помогавшие им справляться с постоянно нараставшими проблемами³⁰. Между 161 и 169 г. Луций Вер был вторым августом вместе

²⁹ История Феодора хорошо отражена в источниках: Amm. Marc. XXIX. 1; полный их список см.: PLRE, I, p. 898.

³⁰ Более подробно эта эволюция рассмотрена в прекрасно написанной главе «Кембриджской древней истории» (CAN. 2nd ed. Vol. XI. Ch. 4).

с Марком Аврелием. В IV в. лучшие дни республики, когда различные группировки и заговорщики чувствовали себя как рыба в воде, а решения сената играли важнейшую роль в жизни государства, прошли навсегда. Роль сената в делах империи была сугубо церемониальной, действия сенаторов, как и они сами, играли второстепенную роль в завоевании и осуществлении власти. Некоторые из них были богатыми людьми и могли сделать успешную политическую карьеру³¹. Однако и в этом случае имелось серьезное ограничение. Карьера сенаторов, *cursus honorum*, в эпоху поздней империи носила чисто гражданский характер, исключая занятия командных должностей в армии, что не давало возможности сенаторам сделать решающий шаг к обретению императорской власти, которая, как мы видели, обычно доставалась полководцам. Памятные записки сенаторов отправлялись императору для ознакомления (он, конечно, читал их...), императорские распоряжения держали сенат в курсе важнейших вопросов (зачитывать их было немалой честью, и Симмаху она выпадала несколько раз), и сенат мог делать императору представления через послов по поводу частных вопросов, касавшихся отдельных сенаторов. Но активного участия в политике он не принимал, и особого пиетета к его мнению не испытывали, за исключением тех случаев, когда речь заходила об определении размеров ежегодных «добровольных» выплат в имперскую казну. В сенате было много богатых людей, которые платили немало налогов и могли наслаждаться крупными успехами в карьере, но в целом он более не являлся важным участником политической борьбы.

Ничего удивительного, что принадлежность к этому сословию постепенно теряла свое значение. К началу IV в. сенаторы (их называли *virī clarissimi*, т. е. выдающиеся мужи) обладали уникальным статусом. Они были освобождены от обязанности состоять в советах других городов, имели финансовые и юридические привилегии. В течение IV в. произошел ряд изменений, в результате чего ситуация стала иной. Прежде всего императоры медленно, но верно продвигали многочисленных чиновников по социальной лестнице, все больше приближая их к статусу сенаторов. Поначалу это делалось понемногу, но в 367 г. Валентиниан провел большую реформу должностей. Она выравнивала и систематизировала все возможные признаки общественного положения, которых могли добиться чиновники и военные. В рамках этой системы единственной целью становилось достижение ранга *clarissimus*. С этого момента и до конца столетия произошло его обесценивание ввиду большого числа должностей, обеспечивавших этот ранг. Шесть тысяч высших чиновников империи в 400 г. занимали такие должности, которые обеспечивали сенаторский ранг во время пребывания на них или в отставке. Старинные сенаторские фамилии Рима стали терять свое исключительное положение в обществе. Хуже того, большое число новых *clarissimi* было необходимо императорам (чтобы было чем жаловать) для разделения сенаторского сословия и создания двух высших классов – *illustres* и *spectabiles*, доступ в которые в общем и целом мог быть не столько по рождению, сколько в зависимости от активной бюрократической деятельности. Примерно в то же время, между 330 г. и концом столетия, императоры один за другим принимали меры по созданию другого сената, равноценного существующему, в новой столице на Востоке, в немалом числе выдвигая новых людей, но также и перемещая некоторых прежних сенаторов для постоянного пребывания на Востоке.

Между 250 и 400 г. высокородные римские сенаторы увидели, что их позиции значительно ослабели в результате появления многочисленного сенаторского класса, равно как и медленного, но верного возвышения аналогичного органа в Константинополе.

Итогом этих процессов стало возникновение политического мира, который Юлий Цезарь не узнал бы. Первый среди равных стал дарованным свыше правителем того, что некоторые историки называли «империей наизнанку» из-за приграничного расположения ее новых сто-

³¹ Примером может служить современник Симмаха Петроний Проб, упоминающийся на страницах переписки Симмаха. Он занимал пост префекта претория (примерно то же, что первый министр) в Италии, Африке, на западе Балканского полуострова в течение приблизительно восьми лет, на двух разных границах.

лиц, обычно действовавшим по меньшей мере вместе с одним соправителем равного статуса и обладавшим широкими полномочиями в различных сферах деятельности. Римская бюрократия стала новой аристократией, оттеснив лишенный власти над армией и остававшийся во все большей изоляции римский сенат. Эти процессы позволяют понять также, почему Симмаху и его товарищам по посольству пришлось добираться до Трира, когда они ехали, везя золото, в поисках императора Валентиниана. Для них эти изменения вызвали к жизни еще один вопрос наибольшей важности. Римский мир во времена Цезаря был столь же обширным, но не возникало нужды в двух императорах или таком широком разделении надзорных и властных полномочий, чтобы предотвратить узурпацию или мятеж. Что же, таким образом, изменилось с 50 г. до н. э. по 369 г. н. э.? Чтобы найти ответ на этот вопрос, нам следует повнимательнее приглядеться к конечному пункту путешествия, предпринятого посольством Симмаха, – городу Триру, ставке римского командования на рейнской границе.

Рим там, где римляне

В начале своей истории Трир, расположенный у стратегически важного брода через реку Мозель в сердце страны когда-то враждебного племени треверов, являлся римской военной базой. Город, который увидели Симмах и его товарищи по посольской миссии зимой 368/69 гг., однако, представлял собою не военный лагерь, но многолюдную и богатую твердыню *Romanitas* (римского духа) в римских владениях на Рейне. Если послы приближались к городу с запада, то они должны были проехать через *Porta Nigra*, «Черные Ворота», великолепный образец римских сооружений такого рода, до сих пор стоящий на территории бывшей империи. Окруженные современными зданиями, они до сих пор производят впечатление. В IV в. они поражали воображение еще больше. Сначала мы видим железную подъемную решетку, затем, если поднять ее, мы попадаем во внутренний двор, после чего идем через собственно ворота. По обе стороны стоят четырехэтажные башни со сводчатыми галереями, откуда защитники готовы были засыпать метательными снарядами любого противника, который окажется в западне между подъемной решеткой и воротами. Эти ворота обязаны тем, что уцелели, праведнику X в., который сделал из них свою обитель. Поэтому в конечном счете они превратились в церковь, тогда как остальные стены и ворота римского города были разобраны на строительные материалы. Во времена Симмаха ворота были встроены в стену в 6 м высотой и 3 м шириной. Она окружала город площадью в 285 га. Другие мощные ворота господствовали над мостом через Мозель, давно заменившим старый брод и изображенным на золотом медальоне в IV в., выбитом в Трире.

Внутренняя часть города производила не меньшее впечатление. В начале IV в. вся северо-восточная часть его была превращена в административный и церемониальный центр императорской власти в тех краях. Начиная с 310-х гг. работы велись различными членами династии Константина, затем, когда скончался последний представитель оной, их продолжили уже ее преемники, с нею не связанные. Дворец, собор и цирк с расположенными там, возможно, личными императорскими банями (т. н. *Kaiserthermen*) являлись теперь главными сооружениями этой части города. Многие позднеимперские имперские церемонии происходили в цирке, и подземные переходы вели из дворца в императорскую ложу амфитеатра. План первого этажа собора, который, согласно литературным источникам, возвели в 360-х гг., удалось выяснить в результате раскопок, проведенных после Второй мировой войны. Над поверхностью земли еще и сейчас можно видеть остатки бань и более или менее сохранившейся базилики – большого императорского помещения для аудиенций. Как и *Porta Nigra*, она уцелела потому, что в

средневековый период превратилась в церковь и теперь одиноко возвышается посреди транспортного потока³².

Но вернемся в IV в. По бокам базилики находились портики и покои дворца, и в таком виде она производила впечатление – 67 м в длину, 27,5 м в ширину и 30 м от пола до потолка и могла бы дважды вместить в себя Porta Nigra. Базилика представляет для нас особый интерес, поскольку именно там Симмах и его товарищи по посольству преподнесли в дар императору Валентиниану золото, привезенное из Рима. Первоначально здание было покрыто белой штукатуркой, в современном состоянии оно имеет однотонную окраску – как внутри, так и снаружи, но в IV в. дело обстояло иначе. Пол был выложен из белых и черных плиток, составлявших геометрический орнамент, мраморная облицовка тянулась от пола к окнам, а ниши указывают на то, что у стен стояло множество статуй. Послы должны были вступить в это роскошное здание через главные ворота с юга, чтобы увидеть императора напротив себя в дальнем конце собора в апсиде. Обычно место, где находился император, отделялось от остальной части помещения для аудиенций покрывалом, сквозь которое можно было различить очертания великого и всемилостивого. Во время особо важных церемоний, таких как подношение коронного золота, оно, однако, отдергивалось. Гражданским и военным чинам при дворе полагалось стоять вдоль стен зала, выставляя напоказ свои пышные одеяния и выстроившись в соответствии со строгим порядком старшинства, установленным Валентинианом пару лет назад. Во всем чувствовались великолепие и стройность, и взоры неизбежно устремлялись на персону императора. Затем следовала короткая речь, и на этом дело заканчивалось³³. Послы могли удалиться.

Но Симмах остался, проведя в Трире и его окрестностях остаток года. Он потратил немало времени, чтобы изучить город, его обитателей и сельскую округу. Не мог не обратить на себя внимание глубоко римский дух Трира, давно укоренившийся в нем. Новые имперские сооружения оказались построены на земле уже вполне римского города. Сразу за воротами, которые вели к мосту через Мозель, на восточной стороне, находился один из двух крупнейших банных комплексов в западной империи за пределами Рима, так называемые «Варварские термы» (другими были «Императорские термы»). Это огромное сооружение с портиками, внутренним двором, холодной, теплой и горячей ваннами и гимнасием было построено во второй четверти II в. н. э. и продолжало активно функционировать, когда сюда прибыл Симмах. Стоявшие рядом муниципальные здания образовывали форум, судебное присутствие, место заседаний городского совета. Это был центр общественной жизни города, много раз перестраивавшийся, однако первое общественное здание возвели еще в I в. н. э. Примерно в это же время город обзавелся амфитеатром; построенный на восточном склоне холма, напротив бань, он был больше, чем сохранившиеся римские амфитеатры в Арле и Ниме в современной Франции. Прямо к юго-западу от амфитеатра, в так называемом Альтбахтале, находилось приблизительно пятьдесят храмов, образовывавших самый значительный храмовый комплекс в западной империи. Кроме того, известно, что где-то здесь находился храм (правда, он не обнаружен), посвященный верховному римскому божеству – Юпитеру Наилучшему и Величайшему (Iuppiter Optimus Maximus). Позднее в Трире появился театр, а в III в. и водопровод: здесь построили двенадцатикилометровый акведук, проходивший через долину Рувера к холму за городом, чтобы обеспечивать водой его фонтаны и канализацию. С начала II в. н. э. Трир стал по-настоящему римским городом и продолжал развиваться.

Подобные изменения происходили не только в Трире. По всей Северной Галлии появлялись города. То же самое можно наблюдать в Британии, Испании, Северной Африке, на Бал-

³² В целом о Трире римской эпохи см.: Wightman, 1967.

³³ Это поднесение коронного золота являлось более краткой церемонией, чем обычные речи в честь императора; возможно, потому, что их было слишком много – по одному от каждого города империи, и император мог свихнуться, если бы все это длилось слишком долго.

канах, в Малой Азии, в краях Плодородного Полумесяца³⁴. Появившиеся на месте греческих, многие такие города существовали в Средиземноморье уже в эпоху римских завоеваний. Возникали они в разных местах и в I в. н. э. С известным опозданием нечто подобное происходило в Британии приблизительно во II в. Число таких городов варьировало в зависимости от региона, и если отклониться от средиземноморского хинтерланда, то это явление становится уже относительно редким. Однако распространенность этих изменений не следует недооценивать. Если бы дух Цезаря появился в тех краях, куда добралось посольство Симмаха, он был бы поражен. В его время в Северной Европе попадались лишь разрозненные крепости местных племен на холмах, многочисленные сельские усадьбы и отдельные римские лагеря. Теперь здесь почти повсюду господствовал римский сельский пейзаж, города стали административной опорой империи. Для римлянина город был чем-то большим, чем просто урбанистическая единица: он владел и управлял зависимой сельской округой. К IV в., за некоторыми исключениями, империя в административном отношении состояла из своего рода мозаики – территорий городов, каждый из которых управлялся советом (*curia*) декурионов (известных также как *curiales*)³⁵.

В течение того года, что он находился при дворе Валентиниана, Симмах проводил досуг со многими вельможами. Кое-кто из них жил в роскошных домах в римском стиле. Немногие остатки одного или двух из них, обычно в виде изящных мозаичных полов, найдены в черте современного города. Многие владели роскошными усадьбами в сельской округе, которые сохранились намного лучше, поскольку находятся не в черте современного города. Самая крупная из обнаруженных археологами (в Конце) находилась примерно в 80 километрах вверх по течению у слияния Мозеля и Саара. Она стояла на крутом берегу реки в живописной местности, и ее строения занимали прямоугольник длиной в 100 м и шириной в 35 м, а в центре всей конструкции находился зал для аудиенций с апсидой. Есть серьезные основания предполагать, что это была летняя резиденция императора в Контониаке. И если Симмаха осчастливили приглашением туда, то он провел там время по-царски.

В сущности, окрестности Трира были плотно застроены виллами, и многие из них, может быть, чуть менее величественные, чем эта (большинство их имело конструкцию частной, а не императорской усадьбы), вытягивались в цепочку вдоль речного берега в подходящей местности. Все это, вместе с амбарами и кладовыми, обычными для имений, – традиционная смесь помещений для приема публики и частных покоев, чтобы жить цивилизованной жизнью на римский лад в сельской местности: бани, зал для аудиенций, мозаики, главный очаг плюс тенистый внутренний двор с портиком, изящным садом и фонтанами. И, повторим, нет ничего особенного в том, что здесь, вдали от Италии, мы находим такие образцы римской изысканности. Близость Трира и расходы императорского двора способствовали тому, что виллы вокруг Мозеля оказывались более роскошными и обширными, чем то случилось бы в других обстоятельствах. Но виллы не были здесь новым явлением. Они появились тут уже к началу II в. и с того времени стали обычными для тех краев. Единственно, в чем северяне не могли состязаться с обычной римско-италийской практикой, так это в том, что вследствие более дождливого и холодного климата они не могли делать крышу с отверстием над серединой дома для сбора холодной воды в резервуар. И так же, как и за пределами Трира, виллы заполнили сельскую местность окрест других новых римских городов в областях, которые попали под власть римлян. Их плотность, быстрота, с которой они появлялись, и величина были разными. В Британии (за исключением усадьбы в Фишборне в середине I в.) виллы стали появляться немного позднее и развивались более медленно. В IV в., спустя 200 лет, в течение которых черно-белый

³⁴ Название региона на Ближнем Востоке, включающего в себя Междуречье и Левант. – *Примеч. пер.*

³⁵ Литература о городах Римской империи необъятна, но представление об их важности в материальном, административном и политическом отношении дает работа: Jones, 1964, Ch. 19.

геометрический орнамент считался нормой, в провинциях к северу от Ла-Манша появились наконец многоцветные мозаики. Сельская округа и города аналогичным образом понемногу перенимали римские стандарты за четыре столетия, отделявшие Симмаха от Цезаря³⁶.

Изменения затронули не только архитектуру, но и людей. Симмах завязал и активно поддерживал немало знакомств в течение того года, что находился при дворе в Трире, и самым примечательным из его новых знакомцев был знаток латинского языка и литературы Децим Авзоний Магн, бывший, вероятно, на тридцать лет старше Симмаха. По причине блестящей ученой карьеры император Валентиниан привлек его для обучения своего сына, будущего императора Грациана. Первое послание Симмаха к Авзонию, написанное в чрезвычайно льстивых выражениях, недавно идентифицировали среди анонимных писем этого собрания. Два обстоятельства вызывают особый интерес. Во-первых, ощущавшееся превосходство в знании латинской словесности оказывалось важнее социальных различий. Хотя Авзоний и принадлежал к образованной элите Рима, он не мог сравниться по знатности происхождения с Симмахом. И второе, для наших целей намного более важное: Авзоний сделал себе имя как принадлежащий к свободной профессии преподаватель латинской риторики, работая под эгидой университета Бордо³⁷, близ атлантического побережья в Галлии. К IV в. Бордо стал одним из крупнейших центров латинской образованности в империи. Обращает на себя внимание не только искусственность в латинском красноречии за пределами Италии, но и то, что Авзоний происходил не из Рима и даже не из Италии, а из Галлии. Но здесь перед нами один из высокогородных римлян из самого Рима, обратившийся к нему с почтением и искавший его расположения в делах, касавшихся латинской литературы. Наконец, во вступлении к своему первому письму Симмах обыграл то обстоятельство, что его самого в Риме учил риторике преподаватель из Галлии.

Случай с Авзонием еще раз показывает, как далеко зашли изменения в римском мире. Как и в случае с Триром и виллами вокруг него, он отражает множество сторон происшедших трансформаций. Во времена Цезаря некоторые галлы хорошо знали латынь, в основном в городах Нарбоннской Галлии, римской провинции в Средиземноморской Галлии. Но сама мысль о том, что выучившийся в Риме знаток латинского языка сенаторского ранга может обращаться к галлу как к превосходящему его в знании латинской традиции, поразила бы его своей нелепостью.

Вскоре после установления империи два имперских языка – латинский на Западе, а в дополнение к нему греческий на некоторых территориях Востока – начали усваиваться наряду с их собственными наречиями новыми подданными Рима, в особенности представителями более состоятельных слоев. Поначалу это происходило в отдельных подходящих случаях, но затем латинские грамматики начали работать (и это распространилось с примечательной быстротой) во многих городах империи. Школы появились в Отене в Центральной Франции, на родине семьи Авзония, уже в 23 г. н. э. И коль скоро такие школы начали действовать, интенсивное преподавание языка и литературы стало возможным по всей империи. К IV в. грамматики могли дать хорошее латинское образование в любом ее уголке. Язык сохранившихся писем св. Патрика, который происходил из семьи мелких землевладельцев в северо-западной Британии, показывает, что такое образование было доступно в самых отдаленных частях империи даже в 400 г. То же можно сказать и о Северной Африке, известной своими педагогическими традициями и взрастившей Августина из Гиппона, одного из самых образованных римлян позднего периода. Вергилий восторжествовал над всеми нелатинскими и доримскими соперниками.

³⁶ О Конце и мозельских виллах см.: Wightmann, 1967, Ch. 4. Литература о вилле как культурном феномене столь же велика, как и о городах, см., например: Percival, 1976.

³⁷ Упрощение: первые университеты появились в Европе в XII–XIII вв., здесь же речь идет о риторической школе. – *Примеч. пер.*

Все это подводит нас к самой глубокой перемене, тому аспекту эволюции империи, который лежал в основе всего остального, – возникновению римских городских и сельских структур за пределами Италии, распространению политической общности, центром которой уже не был Рим и его сенат. Латинский язык и литература распространились по всей империи, поскольку народы, когда-то покоренные легионами, начали постигать римский этос и приспосабливаться к нему. Речь шла не просто об усвоении элементарной латыни для практических нужд вроде продажи нескольких коров или свиней римским воинам (хотя и это, конечно, имело место). Согласие брать уроки у грамматика и получать то образование, которое он давал, означало принятие системы ценностей в целом, которая, как мы видели, подразумевала, что лишь такой тип образования мог сформировать должным образом развитого и достигшего вершин человека.

В рамках того же процесса усвоения римских ценностей римские города и виллы воздвигались в тех уголках империи, где подобные явления были совершенно неизвестны до появления римских легионов. Все модели городской жизни, которые можно было наблюдать в Трире, брали начало в Средиземноморье, и на завоеванных территориях создавались поселения ветеранов, чтобы местные племена могли собственными глазами увидеть городскую жизнь, которую вели «истинные» римляне. Однако с возникновением Трира дело обстояло иначе. Официальное название города, чье современное французское название – Trèves, все проясняет: Augusta Treverorum (Августа треверов). Это означало, что город основан при императоре Августе для племени треверов, того самого, откуда происходил Индутиомар, в конечном счете ответственный за гибель Котты и его легионеров. В I–II вв. Трир был выстроен руками треверов, которым хотелось иметь собственный римский город. Обширный корпус посвятительных надписей подтверждает эту точку зрения – как и в случае с другими римскими городами. Большинство общественных зданий в таких городах строилось на деньги жертвователей. Они так старались показать себя подлинными римлянами, что бывшие «варвары», будь то в Галлии, Британии или Иберии, делали большие займы у итальянских ростовщиков для осуществления своих проектов и подчас попадали в тяжелое финансовое положение. Поначалу, видимо, поселение в Трире представляло собой военный лагерь, однако по-настоящему римский облик ему придали не иммигранты из Италии, но местные жители. Начиная со II в. уже невозможно было отличить виллу, построенную римлянами и итальянцами, от возведенной провинциалами.

Характерные для римского города сооружения – бани, храмы, здание совета, амфитеатр – строились каждое для своих особых целей и случаев, и не имело смысла воздвигать их, если бы такие цели отсутствовали. Римские бани были общественными, в религиозных церемониях при отправлении культов участвовало все население города, здание совета и его внутренний двор являлись местом для обсуждения городских проблем, форумом местного самоуправления. В римской идеологии цивилизации, которая прямо брала начало в соответствующей идеологии классической Греции, местное самоуправление рассматривалось как важнейший элемент формирования цивилизованного человеческого существа. В самом акте обсуждения государственных вопросов перед лицом равных тебе слушателей развивались умственные способности в такой степени, которая в других условиях оказалась бы невозможной³⁸. Таким образом, основание римского города означало не просто возведение обычного для него набора зданий, но преобразование местной политической жизни по римскому образцу.

Истинную природу этих изменений иллюстрирует серия сенсационных находок в Южной Испании. После завоевания римлянами этих краев многие туземные общины также через некоторое время превратились в римские города, однако в силу определенных причин они решили

³⁸ Для Аристотеля только в таком случае жизнь была нормальной, и те, кто жил отдельно в своих поместьях, считались менее разумными. Наше слово «идиот» происходит от греческого *idiotes*, обозначавшего всякого, кто избегал участия в делах общины.

записать свои новые конституции на бронзовых таблицах. Лучше всего сохранившуюся из них обнаружили летом 1981 г. на не приметном холме под названием Молино дель Постеро в провинции Севилья. Первоначально находка состояла из десяти бронзовых табличек 58 см в высоту и 90 см в ширину, на которых в три столбца был начертан *Lex Irnitana* – конституция римского города Ирни. Сравнение табличек с пространными фрагментами из других мест показывает, что была некая основная конституция, составленная в Риме, которую приняли все местные города, изменив некоторые детали в зависимости от местных условий. Законы носят очень детальный характер; текст, составленный путем комбинирования фрагментов из различных поселений, занимает восемнадцать страниц убористого текста английского перевода³⁹. Среди прочего законы устанавливали, кто может быть членом городского совета и как избирать магистратов (исполнительные лица, обычно *duumviri*, «два мужа») из его состава, какие юридические казусы должны рассматриваться на месте, как следует вести и проверять финансовые дела. Все это было очень четко определено, как и число назначавшихся чиновников, которое менялось от случая к случаю в зависимости от величины и богатства общины. Аналогичным образом особой формой сельского образа была вилла: ее облик отражал классические представления греков и римлян о цивилизованной жизни за пределами города⁴⁰.

Средиземноморские ценности постепенно проникали в жизнь провинций многими другими путями. В римских религиозных культах живущие отделялись от мертвых, поэтому, например, кладбища в новых городах никогда не находились в их пределах. Обычай быстро становился частью нового образа городской жизни. Если говорить о более светских вещах, то привычка делать из зерна хлеб, а не похлебку аналогичным образом распространилась к северу по мере усвоения римского образа жизни вместе с изменениями в кухонной утвари и кулинарной технологии, которые для этого требовались.

Изменения в завоеванных провинциях приводили, таким образом, к тому, что их жители перестраивали свою жизнь в соответствии с римскими образцами и системой ценностей. В течение одного или двух столетий завоеваний вся империя стала вполне римской. Старая «Начальная книга английской истории» дает живое изображение римской Британии, конец которой неожиданно настал в V в. с уходом легионов и заменой римских топонимов (на иллюстрации – уходящие римские солдаты и сломанные милевые столбы, как я припоминаю). Но эта картина случившегося ошибочна. Во времена поздней империи римляне Британии были не иммигрантами из Италии, а местными жителями, усвоившими римский образ жизни и все связанное с ним. Причиной их угасания стал вовсе не уход римских легионов с острова. Британия, как и все, что находилось между Адриановым валом и Евфратом, перестала быть римской лишь формально, в силу «оккупации».

Комит третьего класса

Наконец Симмах отправился домой в начале 369 г. Он увидел расцвет римского мира в долине Мозеля. Сенатское посольство выполнило свою цель, и его главу со всею пышностью принимали император и многие вельможи. Выполнение посольской миссии по делам своего города особо отмечали в послужном списке, то же произошло и с Симмахом, который также вернулся в Рим с почетным титулом: во время визита Валентиниан сделал его *comes ordinis tertii*, «комитом третьего класса». Комиты (*comites*) были особой группой лиц, сопровождав-

³⁹ González, 1986, trans. M.H. Crawford.

⁴⁰ Виллы всегда делились на *pars rustica* («деревенская часть», для сельских работ) и *pars urbana* («городская часть», для цивилизованного проживания). В состав *pars urbana* входили обширные помещения для приема гостей из разных слоев общества, так же как и бани, а потому жизнь на ней была какой угодно, но только не «идиотической». Существует немало прекрасных исследований об идеологических установках, превращавших человека в римлянина. См.: Woolf, 1998; Keay, Terrenato, 2001; D.J. Mattingly, 2002.

ших императора, созданной Константином; принадлежность к ней поначалу являлась почетным признаком благоволения властителя, но некоторые соответствовали определенным должностям. В конце концов задача была выполнена как надо, и из писем Симмаха мы видим, как он использовал связи, приобретенные при дворе Валентиниана. С учетом того, как много знал Симмах о всемогущем и всемилостивом, молодые люди, заканчивавшие высшее образование в Риме, искали его и добивались от него рекомендательных писем. Сенатор делал карьеру, одалживая других.

Не меньшее значение имели для него связи, которые он завязал при дворе с галльским ритором Авзонием. Однако в дошедшей до нас переписке, в остальных случаях носившей дружеский характер, есть письмо, последнему не соответствующее. Вскоре после возвращения в Рим Симмах писал своему другу:

«Вот и «Мозелла» твоя, освященная бессмертными стихами твоими, у кого летает по рукам, у кого таится в складках тоги, и только мне никак не попадет на язык. Отчего же ты обездолил меня этою своею книжкою? То ли я кажусь тебе так глух к Музам, что и оценить ее не могу, то ли так недобр, что похвалить не могу? Худого же ты мнения как о способностях моих, так и о повадках» (Symm. Epist. I. 14. Пер. А.В. Артюшкова под ред. и с доп. М.Л. Гаспарова).

«Мозелла» уцелела и была признана величайшим произведением Авзония. В ней он следовал устоявшейся поэтической традиции, изображая эту большую реку как то, что позволяет воздать хвалу всему краю. Следовательно, хотя она и описывается весьма подробно, едва ли это поэма о красоте природы, скорее о красоте иного рода – о среде, которую создал человек во взаимодействии с природой: характерный взгляд для общества, которое, как мы видели, усматривало качества цивилизованного человека не столько в природном даровании, сколько в старательном совершенствовании. Перечислив в знаменитом пассаже все виды рыб в реке, Авзоний изображает долину в целом:

Сплошь вся покатошь холмов до самой последней вершины —
По берегам реки зеленеет посевом Лиэя.
Бодрый в трудах селянин, хлопотливый в заботах издольщик
То избегают на холм, то вновь сбегает по склону,
Перекликаясь вразброд. А снизу и путник, шагая
Пешей своею тропой, и лодочник, в лодке скользкий,
Песни срамные поют запоздалым работникам...

В числе римских скульптур Трира сохранилась резная баржа для перевозки вина на Мозеле, с гребцами и бочками.

Затем Авзоний переходит к описанию изящных вилл, выстроившихся в ряд на берегу реки:

Перечислять ли дома с лугами зелеными рядом,
Пышные кровли которых на длинных стоят колоннадах?
Или над самой водой на прибрежной вставшие кромке
Бани, одетые в пар Вулканом, который из топки
Огненным вздохом своим наполняет полые стены,
Дальше и дальше клубя волну раскаленного пара?
Сам я видел не раз, как, измаянный долгим потеньем,
Пренебрегал купальщик прохладой банной купальни,
Прыгнув в живой текущий поток, и в нем, освеженный,
Плыл, плесканием рук полоща студеную воду.
Путник, пришедший сюда с берегов, где раскинулись Кумы,

Мог бы сказать, что этим местам эвбейские Байи
В дар принесли подобье свое: так тонко и живо
Всюду царит красота, не перерождаясь в роскошь.

Кумы и Байя (оба на берегу Неаполитанского залива), последняя – знаменитый курорт, имели гидротехнические сооружения для проведения досуга и предназначались для богатых и видных лиц Рима (и тот и другой город были основаны греческими колонистами с Эвбеи в VIII в. до н. э.), а потому Авзоний подчеркивал: Мозель мог успешно соперничать с тем лучшим, что остальная империя предлагала римлянину для цивилизованной жизни в сельской местности. Заметим, что, по мнению Авзония, сельская жизнь близ Трира не превращалась в характерный для греков (с точки зрения римлян) порок потакания своим слабостям.

После путешествия по сельской местности мы достигаем самого Трира:

Не умолчу ни о чем: назову и пахарей мирных,
И знатоков закона, чья речь в судилище служит
Верной защитой для всех, кто гоним; и первых в сенате
Граждан, которых народ своим почитает сенатом;
И из ораторских школ питомцев, которых искусство
С детской скамьи довело до Квинтилиановой славы⁴¹.

Квинтилиан (жил примерно в 35–95 гг. н. э.) был знаменитым адвокатом, систематизировавшим многие правила риторики, по которым строилась изысканная латынь Симмаха и Авзония⁴². Авзоний говорит нам, конечно, что Трир богат теми особыми римскими доблестями, повсеместное усвоение которых лежало в основе тех революционных изменений, нами сейчас рассмотренных: изысканная речь и нравы, власть закона, местное самоуправление, осуществлявшееся равноправными гражданами. Говоря кратко, если брать земледелие, села, главный город, то мозельский край полностью цивилизовался на римский манер.

Мы не знаем наверняка, почему Авзоний не отправил Симмаху экземпляр «Мозеллы», но я рискну высказать предположение. Во время своего пребывания на рейнской границе Симмах несколько раз произносил перед императором и двором речи, фрагменты трех из которых сохранились в одной дошедшей до нас в поврежденном виде рукописи с текстом его речей. Эти отрывки представляют нам интересную картину воззрений Симмаха на то, как в Риме смотрели на приграничные земли у Рейна. В первой речи он резюмирует: «Если ты хочешь постичь словесность, говорит Цицерон, то для изучения греческого нужно ехать в Афины, а не в Ливию, а латинского – в Рим, а не на Сицилию». Или еще более обобщенно: «Отправляясь на Восток к своему непобедимому брату [Валенту], ты [Валентиниан] быстро преодолеваешь путь по полуварварским берегам непокорного Рейна... ты возвращаешься к старым средствам, когда империя создавалась силою оружия».

Для Симмаха Рим был центром римской цивилизации, квинтэссенцией которой являлся латинский язык, и «полуварварским» приграничным провинциям надлежало защищать его любой ценой. Легко представить себе, как при дворе Валентиниана восприняли молодого заносчивого сенатора, который приехал на север читать лекцию о том, как они служат римскому духу. Очень вероятно, что Авзоний не отправил Симмаху экземпляр «Мозеллы» в пику манере, усвоенной последним в год его пребывания на границе. Трир и его окрестности не были «полуварварскими», как это изображал Симмах, но являли собой царство подлинной

⁴¹ Выше процитированы фрагменты из поэмы Авзония «Мозелла» (ст. 161–167, 335–348, 399–404) в переводе А.В. Артюшкова. – *Примеч. пер.*

⁴² Вклад Квинтилиана в развитие канонов латинского языка исследуется, например, в работе: Leeman, 1963.

римской цивилизации. Особо обращает на себя внимание, что Авзоний сравнивает виллы на берегах Мозеля с виллами на курорте в Байи – Симмах постоянно останавливается на том, насколько ему по сердцу один из его домов там⁴³. Его похвалы прелестям Байи должны были задевать обитателей Трира. Если Авзоний решил сыграть с ним шутку, когда тот благополучно отбыл в Рим, то этот пассаж мог выглядеть обвинением Симмаха и других важных персон, чьи имена не раз встречались в его разговорах, в потворстве своим слабостям в духе греков.

Неудивительно, что Авзоний не отправил Симмаху свою поэму. У него были на руках все козыри, и все, что мог сделать Симмах в ответ, прочитав наконец поэму, так это немного поиронизировать:

«Никогда бы я не поверил чудесам, которые поведываешь ты об истоке и течении Мозеллы, если бы не знал, что ты не умеешь лгать – даже в стихах... Я не раз бывал в твоём застолье и дивился выставленной тобой снеди... но не видел таких рыбных пород ни разу. Если не было их на блюдах, то когда же появились они в стихах?» (Symmach. Epist. I. 14).

Если оставить в стороне вопрос о рыбах, «Мозелла» Авзония показала, каковы настроения треверской аудитории, и соответствующие награды не замедлили последовать. Комитство Симмаха ненадолго поставило его выше Авзония. Однако «комит третьего класса» красиво звучало, но на деле мало что давало, а вскоре после опубликования «Мозеллы» ее автор стал комитом и квестором. Квесторы были чиновниками правового ведомства первого класса и занимали положение, соответствовавшее положению комита первого класса. Затем, после смерти Валентиниана в 375 г., императором стал старший ученик Авзония Грациан, и семья поэта воспользовалась возможностями непотизма до такой степени, что это превосходит всякое воображение. Сам Авзоний стал префектом претория (первым министром) Галлии, а впоследствии Галлии, Италии и Африки (необычное сочетание). Одновременно его сын занял пост первого министра в Галлии, а затем первого министра в Италии; его отца, уже достигшего девяностолетнего возраста, назначили на должность первого министра в Иллирике (Западные Балканы), а его зятя – заместителем первого министра в Македонии, племянника – главой императорского казначейства. Такое очевидное сосредоточение власти в руках семьи невозможно было предсказать в 371 г., но искусно проводимая в «Мозелле» линия оказалась достаточной, чтобы убедить Симмаха, что ему стоит умерить свой сарказм. Его письмо с выражением жалобы заканчивалось похвалой стихам, а за этим посланием последовало немало других, более дружественных. Авзоний обладал слишком важными и полезными для Симмаха связями при дворе, чтобы воротить нос и ссориться из-за нескольких рыб.

Сенатская миссия Симмаха и обмен литературными текстами, которым она завершилась, показывают нам, таким образом, корни тех изменений, которые произошли в римском мире за 400 лет со времен Юлия Цезаря. Повсюду активное усвоение римских ценностей делало из провинциалов настоящих римлян. В этом историческом феномене отразился подлинный дух империи. Первоначально завоеванные и подчиненные легионами, местные народы продолжали строить римские города и виллы и жить жизнью римлян в собственных общинах. Это произошло не за один день, тем не менее относительно быстро (в течение двух – четырех поколений), если говорить об империи, история которой продолжалась 450 лет. Следует подчеркнуть, что новые подданные вместе с прочим усваивали и общеизвестные достоинства латинского языка. Не только немногие из богатейших людей посещали занятия в образовательных учреждениях метрополии – их можно сравнить с индийскими князьями в Итоне или представителями азиатской элиты в Гарварде или Массачусетском технологическом институте, – точные копии таких заведений создавались в провинциях. Со временем их преподаватели становились знатоками

⁴³ Пользуясь указателем слов к сочинениям Симмаха (Lomanto, 1983), я нашел в них двадцать упоминаний о Байи и связанных с ними удовольствиях.

такого уровня, что, как в случае с Авзонием, провинциалы могли наставлять людей из метрополии.

Этот изумительный прогресс изменил того, кто подразумевался под римлянином. Ведь одна и та же политическая культура, стиль жизни и система ценностей установились более или менее на огромной территории от Адрианова вала до Евфрата, и ее обитатели по закону являлись римлянами. «Римляне» представляли собой теперь не узко понимаемый этноним, а целостную культурную общность, доступ в которую был теоретически открыт любому. Отсюда вытекает наиболее важное следствие того, что империя удалась: новые римляне, став таковыми, оказывались вынуждены утверждать свое право на участие в политической жизни, чтобы обрести блага, которые давала доля власти в таком огромном государстве. Еще в 69 г.⁴⁴ вспыхнуло большое восстание в Галлии, одной из причин которого явилось осознание новой идентичности. Восстание потерпело поражение, однако к IV в. баланс сил изменился. В Трире Симмаху недвусмысленно дали понять, что «лучшей частью человечества» является не только сенат, но и цивилизованные римляне по всей империи.

⁴⁴ Имеется в виду восстание Юлия Цивилиса. – *Примеч. пер.*

Глава вторая

Варвары

В 15 г. н. э. римская армия под командованием Германика Цезаря, племянника правившего тогда Тиберия, достигла *Tetobergiensis Saltus* (ныне Тевтобургский лес в 300 километрах к северо-востоку от Трира). За шесть лет до того три полных римских легиона под руководством П. Квинтилия Вара, насчитывавших вместе со вспомогательными отрядами, вероятно, 20 тысяч человек, были уничтожены в одной из самых знаменитых битв древности.

«Они вступают в унылую местность, угнетавшую и своим видом, и печальными воспоминаниями. Первый лагерь Вара большими размерами и величиной главной площади свидетельствовал о том, что его строили три легиона; далее полуразрушенный вал и неполной глубины ров указывали на то, что тут оборонялись уже остатки разбитых легионов: посреди поля белели скелеты, где одинокие, где наваленные горами, смотря по тому, бежали воины или оказывали сопротивление. Были здесь и обломки оружия, и конские кости, и человеческие черепа, пригвожденные к древесным стволам. В ближних лесах обнаружили жертвенники, у которых варвары принесли в жертву трибунов и центурионов первых центурий. И пережившие этот разгром, уцелев в бою или избежав плена, рассказывали, что тут погибли легаты, а там попали в руки врагов орлы; где именно Вару была нанесена первая рана, а где он нашел смерть от своей злосчастной руки и обрушенного ею удара; с какого возвышения произнес речь Арминий, сколько виселиц для расправы с пленными и сколько ям было для них приготовлено»⁴⁵.

Бойня была делом рук коалиции германских вождей во главе с Арминием, предводителем херусков, небольшого племени, жившего между реками Эмс и Везер, что на территории нынешней Северной Германии. Древнеримские источники, в которых описывалось поражение, были заново открыты и стали более широко использоваться в XV и XVI вв. латинистами, и Арминий, более известный как *Hermann* (Герман) – делатинизированная форма его имени, с этого времени сделался символом германской государственности. С 1676 по 1910 г. было создано ни много ни мало семьдесят шесть опер, прославлявших его подвиги, и в XIX в. огромный памятник в его честь поставили рядом с небольшим городом Детмольдом в центре того, что сейчас называется Тевтобургским лесом. Первый камень в его основание заложили в 1841 г., а открытие монумента состоялось в 1875 г., через четыре года после разгрома Бисмарком Франции и объединения немецкоязычного мира Северной и Центральной Европы под властью прусской монархии. Двухметровая медная статуя Германа стоит на каменной базе такой же высоты, а сама она находится на вершине четырехсотметрового холма. Сооружение напоминало о том, что успех осуществленного в XIX в. объединения Германии был повторением происшедшего в римскую эпоху.

На самом деле памятник Арминию стоит не в том месте, где произошла битва. Название «Тевтобургский лес» лесистая местность вокруг Детмольда впервые получила в XVII в., поскольку люди стали строить догадки по поводу локализации знаменитого сражения древности. Благодаря некоторым сенсационным находкам место сражения частично удалось установить в 70 километрах к северу от тех мест. У самого Оснабрюка на северном побережье Германии равнину окаймляет возвышенность, известная как Вингебирге. Начиная с 1987 г. на площади в 6 км в длину и 4,5 км в ширину в северной ее части, низине Калькризе-Ниведде, стали находить большое число римских монет и различных предметов вооружения. В южной части равнины находится стометровый холм Калькризе-Берг, в античные времена покрытый густым лесом. У северного его спуска шла полоска песчаной почвы, в некоторых местах столь

⁴⁵ Тас. *Ann.* I. 61. Пер. А.С. Бобовича.

узкая, что только четыре человека могли пройти по ней в ряд. На другой стороне находилось большое торфяное болото. В 9 г. н. э. римские войска двигались с востока на запад по узкой тропинке (путь ей указывали проводники, которых дал Арминий – он убедил Вара, что всем сердцем стоит за интересы Рима), когда попали в засаду между лесистыми склонами с южной стороны и торфяным болотом с северной. Как говорится в нашем лучшем источнике, сражение длилось четыре дня. Поначалу римляне, несмотря на тяжелые потери, продолжали сохранять порядок и уверенно двигаться вперед. На четвертый день, однако, стало ясно, что армия окружена и обречена. В этот момент Вар, предоставив войскам делать то, что они сочтут наилучшим для спасения, предпочел покончить жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки врагов. Немногие выжили, чтобы поведать о случившемся⁴⁶.

Эта катастрофа воспринималась как более масштабный вариант того, что произошло с людьми Котты, которых таким же образом 63 года назад завели в места, где невозможно было обороняться. Долговременные последствия оказались, однако, различными. Если эбуроны и треверы были в конечном счете завоеваны, начали изучать латинский, носить тогу и строить города, пользовавшиеся самоуправлением, то с херусками Арминия этого не произошло. В позднеримский период пространство между Рейном и Эльбой по-прежнему не входило в состав империи, его материальная культура не несла на себе никаких характерных примет римской цивилизации. Обозначившийся в древности водораздел в Европе до сих пор дает о себе знать в современном разграничении между романскими языками, происходящими от латинского, и германскими. Все это, казалось бы, позволяет объяснить, почему в V в. Западная Римская империя уступила место нескольким королевствам-преемникам, этническую основу которых составляли носители германских языков. Римские легионы не смогли подчинить Германию к востоку от Рейна в период завоеваний, поскольку ее жители оказали им отчаянное сопротивление и в конечном счете расквитались с ними сполна разрушением империи. Такое объяснение давали, разумеется, немецкие националисты XIX в. Выдвинутое и обоснованное учеными, оно пришлось по сердцу и более широкой аудитории. Феликс Дан, чей фундаментальный труд о германском королевстве остается классическим, написал также знаменитое эссе «Война против Рима (Ein Kampf um Rom)», которое выдержало множество изданий в конце XIX – начале XX в.⁴⁷.

Однако в связи со всем этим возникает одна неудобная мысль: если бы вы спросили римлянина IV в., откуда исходит главная угроза безопасности империи, то он, несомненно, ответил бы, что с востока – от Персии. Это было единственным здравым ответом, поскольку примерно с 300 г. Персия представляла для римского порядка куда большую угрозу, чем Германия, а на других границах серьезная угроза отсутствовала⁴⁸. Внимательное чтение источников с учетом археологических материалов, которых не было в распоряжении Дана, убеждает в том, что в начале I в. н. э. на Рейне и Дунае римляне держали легионы по иным причинам, нежели считали немецкие националисты. Это также объясняет, почему римляне в эпоху поздней империи больше беспокоились из-за Персии, чем из-за германских племен.

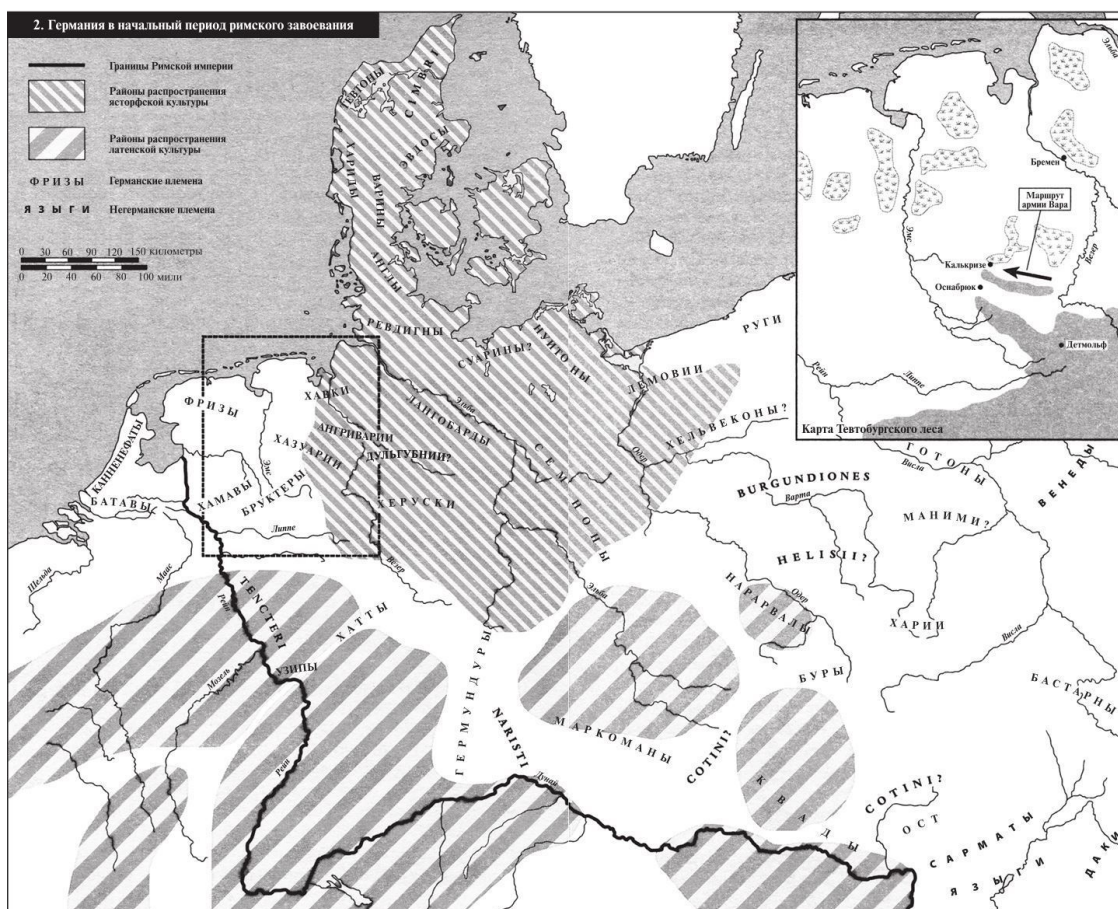
⁴⁶ Работа Уэллса (Wells, 2003, особенно Chs 2–3 с приложениями) дает хорошее представление о мифе об Арминии и недавних археологических находках. Однако его рассказ о битве в Тевтобургском лесу очень странен – резня в его изображении закончилась в течение часа, никак не отмечая тот факт, что наш основной источник, Дион Кассий, сообщает о четырехдневном сражении на значительной протяженности (LVI. 19–22, причем источники, противоречащие в этом вопросе Диону Кассию, отсутствуют).

⁴⁷ Dahn, 1861–1909, 1877.

⁴⁸ Превосходный обзор с указанием стратегических отличий между разными границами дается в работе: Whittaker, 1994.

Германия и пределы римской экспансии

В I в. н. э. племена, говорившие на германских языках, господствовали в большей части Центральной и Северной Европы за пределами римской речной границы. *Germāni*, как их называли римляне, расселились на всем пространстве от Рейна на запад (до римских завоеваний он обозначал условную границу между германской и кельтской Европой) до реки Вистула на востоке и от Дуная на юге до Балтийского моря. За исключением некоторых из говоривших на иранских языках кочевых племен сарматов на Большой Венгерской равнине и даков, обитавших в Карпатах и окрестных землях, непосредственные соседи Рима говорили на германских языках, начиная с херусков Арминия и их союзников в устье Рейна и кончая бастарнами, которые господствовали на территориях близ устья Дуная (см. карту № 2). Таким образом, в I в. н. э. Германия была куда больше, чем нынешняя.

2. Германия в начальный период римского завоевания

Попытка реконструировать образ жизни и общественные институты, не говоря уже о политических и идеологических структурах, существовавших на этих огромных территориях, является в высшей степени непростой задачей. Главная трудность состоит в том, что германское общество в римский период было, по существу, бесписьменным. Значительную часть сведений разного рода приходится извлекать у греческих и латинских авторов, но тут возникают два серьезных препятствия. Во-первых, римских писателей германское общество в основном интересовало постольку, поскольку оно могло представлять мнимую или реальную угрозу безопасности имперских границ. Посему основная часть данных, которые вы обнаруживаете, является изолированными рассказами об отношениях империи с одним или несколькими гер-

манскими племенами – ее непосредственными соседями. Племена, жившие далеко от границы, едва упоминались, и внутренняя жизнь германского общества серьезного внимания никогда не привлекала. Во-вторых, на сведения о нем налагало глубокий отпечаток то, что всех германцев римляне считали варварами. Предполагалось, что варвары ведут себя определенным образом и воплощают собой особый набор отрицательных характеристик, и римские комментаторы старались вовсю, чтобы показать, что это было именно так.

Уцелело немного данных о внутренней жизни германского мира, которые позволили бы скорректировать ошибочные представления, умолчания, неверный ракурс, присущие нашим римским источникам. Большую часть римского периода германцы использовали руническое письмо для священнодействий, есть и другие, весьма немногочисленные исключения, касающиеся бесписьменного характера их общества, однако не сохранилось подробного рассказа из первых рук о жизни германцев, который исходил бы из германской среды. Поэтому очень многого мы не знаем и уже не сможем узнать, и применительно к большинству сторон жизни германцев нам приходится опираться на сочинения римских авторов и более или менее обоснованные догадки. Самое лучшее, что мы зачастую можем сделать при попытке реконструировать общественные институты германцев, – обратиться к письменным источникам, в особенности законодательного характера, времен германских королевств (конец V – начало VI в.), а затем постараться экстраполировать на более раннее время то, что представляется наиболее релевантным. Простираясь от Рейна до Крыма, Германия состояла из самых различных экономических и географических зон, и всегда необходимо иметь в виду, насколько приложимо то, что сообщается об одних племенах, к другим. Таким образом, нарративные источники ставят нас перед не очень приятным выбором между пристрастными римскими свидетельствами и материалом более позднего времени. И то и другое можно использовать, но делать это надо взвешенно и с учетом их ограниченного характера.

В какой-то степени нехватку современных событиям германских источников восполняют археологические материалы. Они дают нам бесценную возможность по-настоящему почувствовать быт и дух древних германцев, но у германской археологии трудное прошлое. Как научная дисциплина она возникла во второй половине XIX в., когда строился памятник Арминию и когда по Европе прокатилась волна национализма. В целом в те времена предполагалось, что «нация», или «народ», являет собой некое основополагающее единство, в рамках которого большие группы людей действовали в отдаленном прошлом и должны действовать теперь. Большинство националистов воодушевляло непоколебимое чувство врожденного превосходства своей нации. Германия могла быть в течение долгого времени расколота на множество политических единиц, но усилиями Бисмарка и других теперь, благодаря объединению Германии, естественный и древний порядок вещей успешно восстановлен. В таком культурном контексте германская археология могла иметь только одну цель: исследовать исторические истоки и родину немецкого народа. Первый крупный поборник таких исследований, Густав Коссинна, отмечал, что предметы, во все большем числе обнаруживаемые в захоронениях, можно сгруппировать по внешнему подобию и сходству погребального обряда. Он создал себе репутацию теорией, согласно которой распространение отдельных древних предметов и погребальных обрядов свидетельствует о пребывании на данной территории того или иного народа⁴⁹.

К этой концепции нации относились с почти религиозным поклонением, а потому политики готовы были использовать подобные идентификации древнего расселения «народов» как аргумент в современных территориальных спорах. В 1919 г. в Версале Коссинна и один из его польских учеников, Владимир Костревжский, спорили из-за установления границы между Гер-

⁴⁹ Как предположил Коссинна в издании «Происхождения германцев» 1926 г., «ясно определенные, четко очерченные, археологически разграниченные провинции безусловно совпадают с территориями отдельных народов и племен». Идеи Коссинны приобрели огромное влияние в англоязычном мире благодаря трудам В. Гордона Чайлда (1926, 1927). Для представления о новых интерпретациях археологических культурных ареалов см.: Renfrew, Bahn, 1991.

манией и Польшей исходя из различного толкования одних и тех же следов древности. Ситуация еще более ухудшилась в нацистский период, когда высокопарные рассуждения о древней Германии стали оправданием претензий на обладание территорией Польши и Украины, а чувство изначального превосходства германской расы напрямую обусловило безжалостное обращение с военнопленными из числа славянских наций. Однако в течение последних двух поколений германская археология возродилась, и результатом этого стал значительный прогресс наших представлений об общественном и экономическом развитии германцев на протяжении длительного периода. Если отбросить националистические предрассудки при толковании литературных источников, то историю германоязычной Европы римского времени можно переписывать заново и сделать это весьма увлекательно.

Первым результатом этого стала новая интерпретация тех находок, которые давали Косинне основание определять ареал проживания древних «народов». В то время как на территории древней Германии в политическом отношении господствовали германоязычные народы, оказывалось, что население этой огромной территории было далеко не совсем германским. В великую эпоху национализма любое место, где только обнаруживались следы германцев, объявлялось частью их древней и великой прародины. Однако анализ названий рек показывает, что в Северной Европе существовала третья этническая группа, говорившая на собственном языке из числа индоевропейских и жившая на территории между землями кельтов и германцев. Этот народ находился под властью одного из двух названных задолго до того, как римские авторы стали писать о населявшихся им краях, и мы о нем ничего не знаем. Германия сформировалась в значительной степени в результате германской экспансии на запад, юг и восток из мест их первоначального обитания рядом с Балтикой. Некоторые случаи захвата ими земель в раннюю эпоху наделали достаточно шума, чтобы их зафиксировали греческие источники, тогда как другие произошли уже после возвышения Рима и известны лучше. Но такого рода экспансия не вела к полному исчезновению местных, негерманских народов на территориях, о которых идет речь, поэтому важно иметь в виду, что под Германией подразумевается Европа, находившаяся под властью германцев. Все более распространяясь на восток и на юг в римский период, германоязычные народы становились доминирующей в политическом отношении силой на территории с очень пестрым населением.

Другой бросающийся в глаза факт, когда речь заходит о Германии римского периода, — полное отсутствие политического единства. На карте № 2, основанной на данных «Германии» Тацита, хорошо видно, насколько был раздроблен ее мир, включавший в себя более пятидесяти небольших социополитических единиц. При всем многообразии некоторые из них на короткий период могли объединиться для достижения определенных целей. Как мы видели, Арминий мобилизовал разношерстные силы племен в 9 г., чтобы разгромить Квинтилия Вара. Полувеком раньше Цезарь столкнулся с другим германским предводителем, сосредоточившим в своих руках на несколько более долгий срок огромную власть, — Ариовистом, царем свебов, который к 71 г. до н. э. создал на восточной окраине Галлии довольно сильную державу и на какое-то время был даже признан «другом» римского народа. Цезарь предпочел в 58 г. до н. э. вступить с ним в борьбу и разгромил его армию в Эльзасе. Одного крупного поражения хватило, чтобы рассыпалась вся коалиция. Во времена Арминия жил другой выдающийся германский предводитель, Маробод, возглавлявший коалицию различных племен, обитавших на территории современной Чехии. Тацит сообщает также, что некоторые племена принадлежали к культовым союзам, и указывает, что в какое-то время некая пророчица, Веледа, приобрела особое влияние. Но ни культовые союзы, ни прорицательницы, ни временные, пусть и выдающиеся предводители не обеспечивали объединения германцев⁵⁰.

⁵⁰ Об Ариовисте см.: Caes. De bello Gallico. I. 31–53; о Веледе: Tac. Hist. IV. 61 и 65; V. 22 и 24. Превосходный вводный очерк о раннем германском обществе см.: Todd, 1975; 1992; Nachmann, 1971.

Когда римляне стали распространять свою власть к востоку от Рейна, германцы враждовали между собой так же, как и с ними. Результаты этого могли быть столь же кровавыми, как и то, что произошло в Тевтобургском лесу. Серьезных различий в культурном отношении между ними не заметно, более важную роль играли различия в политической сфере, которые разделяли их; борьба велась за лучшие земли и другие экономические преимущества. В конце I в., например, на бруктеров обрушилась коалиция их соседей, и приглашенные ими римские наблюдатели могли насладиться зрелищем того, как 60 тысяч человек, согласно данным источников, подверглись избиению. В «Анналах» Тацита также сообщается о борьбе не на жизнь, а на смерть между гермундурами и хаттами и окончательном истреблении оставшихся без земли и оттого беспокойных амписвариев: «Изгнанные из их владений, они пытались пробиться сначала на земли хаттов, потом херусков и в этих долгих блужданиях, встречаемые порой как гости, порой как бесприютные нищие, порой как враги, потеряли убитыми в чужих краях всех, способных носить оружие, тогда как старики, женщины и дети стали добычей различных племен»⁵¹.

Едва ли можно яснее показать, что бытовавшие в XIX в. представления о древних германцах были неправильными. Временные союзы и вожди, обладавшие властью более значительной, чем обычно, могли на какое-то время объединять два или более племен, но обитатели древней Германии не могли сформулировать и осуществить на практике принципы политического единства.

Почему в ходе римской экспансии этот чрезвычайно разобщенный мир не оказался поглощен, как то произошло с кельтами? Остановку продвижения легионов часто связывают с великой победой Арминия, но так же, как и уничтожение легиона под командованием Котты и Сабина в 54 г. до н. э., истребление войска под командованием Вара оказалось единичным событием, за которое римляне сумели должным образом отомстить. Прибытие Германика в Тевтобургский лес в 15 г. н. э. являлось частью более крупной кампании против херусков во главе с Арминием. В ходе ее другой римский корпус попал в засаду, устроенную воинами Арминия, но на сей раз результат оказался иным. Хотя римлянам какое-то время приходилось туго, они в конце концов загнали неприятелей в ловушку, что имело предсказуемые последствия: «Германцы гибнут, столь же беспомощные при неудаче, насколько бывают дерзкими при успехе. Арминий вышел из боя целый и невредимый... [но] остальных римляне истребляли, пока длился день и не была утолена жажда мщения» (Тас. *Ann.* I. 68. 4–5). Римлянам помогал Сегест, второй предводитель херусков, который, подобно многим кельтским вождям во времена Юлия Цезаря, считал, что присоединение земель его племени к Римской империи принесет значительные преимущества. Но даже херуски, не говоря уже обо всех остальных германцах, не были едины в своем сопротивлении Риму, и поражение в Тевтобургском лесу не остановило продвижения римлян по тропинкам Германии. В 16 г. римляне одержали еще несколько побед, а три года спустя Арминий пал жертвой интриг со стороны группы соплеменников. Его сын воспитывался в Равенне. Арминий одержал большую, важную победу, но глубинные причины того, что римские легионы остановились на окраинах Германии I в. н. э., оказались в значительной степени иными.

* * *

В соответствии с соображениями стратегии римские рубежи в Европе на всем их протяжении пролегали по рекам. Они облегчали снабжение многочисленных войск, размещавшихся на границе. На легион времен ранней империи, состоявший из 5 тысяч человек, требовалось

⁵¹ О бруктерах см.: Тас. *Germ.* 33; об амписвариях: Тас. *Ann.* XIII. 55; 56.

примерно 7500 кг зерна и 450 кг фуража в сутки, или 225 т и 13,5 т в месяц соответственно⁵². Большая часть римских войск в это время располагалась на границе или рядом с нею, а условия в большинстве приграничных районов, прежде всего уровень их экономического развития, не обеспечивали удовлетворения всех нужд за счет местных ресурсов. Войска, располагавшиеся вдоль Рейна, обладали еще одним значительным преимуществом в большей степени, чем части, дислоцировавшиеся вдоль других рек, которые текли с юга на север и которых было немало в Центральной и Западной Европе, в их числе и Эльба. При использовании Роны и Мозеля (наиболее краткий путь для перевозок) снабжение могло производиться по воде из Средиземного моря до Рейна без риска, связанного с путешествием по беспокойным водам.

Истинные причины того, почему Рейн стал в конце концов границей, заключаются в сочетании мотивов, обуславливавших римскую экспансию, и разницы в уровне социально-экономического развития доримской Европы. Римская экспансия осуществлялась в результате борьбы за власть между республиканскими олигархами вроде Цезаря и стремления первых императоров к славе. Экспансия как путь к власти в Риме определяла положение в тот момент, когда все еще оставалось немало незавоеванных богатых общин Средиземноморья, чье покорение напрашивалось само собой. Подвергшись аннексии, они становились новыми источниками налоговых поступлений в Рим, а также делали имя тем полководцам, которые их покорили. Со временем, однако, наиболее богатые из них оказались захвачены, и в начале императорской эпохи римская экспансия стала поглощать территории, которые не приносили прибылей, способных покрыть расходы на их завоевание. В частности, Британию, как подчеркивается в античных источниках, император Клавдий начал покорять только ради славы⁵³. С учетом всего этого пределы римской экспансии на севере приобретали особое значение, если наложить их на карту экономического развития неримской Европы.

Римская экспансия остановилась непосредственно в зоне между ареалами двух материальных культур – латенской и ясторфской (см. карту № 2). В общем характере их жизни можно выделить два ключевых различия. До римского завоевания на территории распространения латенской культуры появлялись не только деревни, но и более крупные поселения, иногда идентифицируемые как города (по-латински *oppida*, поэтому другое ее наименование – «культура *oppida*»). Кое-где в областях латена использовались монеты, а некоторые народы латенской культуры имели письменность. Цезарь в «Записках о галльской войне» описывает комплекс политических и религиозных институтов, существовавших по крайней мере у нескольких племен, которые он завоевывал, в частности у эдуев на юго-западе Галлии. У них все основывалось на экономике, способной производить достаточное количество прибавочного продукта, чтобы обеспечивать военных, жрецов и ремесленников, не занятых непосредственно сельскохозяйственным трудом. В отличие от латенской уклад жизни в ясторфской Европе был куда более суровым, с куда большим упором на скотоводство и с куда меньшим количеством излишков. Ее население не чеканило монету, не имело письменности и к началу нашей эры не создавало сколь-либо крупных поселений – даже деревень. Таким образом, то, что осталось от этой культуры, не дает почти никаких свидетельств о специализированной экономической деятельности.

Во времена, когда господствовали взгляды Коссинны и зоны распространения тех или иных культур связывались с «народами», латенская и ясторфская культуры обычно отождествлялись с кельтами и германцами соответственно, но столь упрощенная идентификация неверна. Зоны, сходные в археологическом отношении, отражают образцы материальной культуры, а материальную культуру можно усвоить. Люди не рождаются с оружием, горшками и

⁵² Elton, 1996b, с. 66–69.

⁵³ Strabo. IV. 5. 3. (Строго говоря, у Страбона сказано лишь о том, что нет необходимости в присоединении Британии, поскольку ее население легко мирилось с пошлинами, которые установили там римляне, о Клавдии же речи там не идет. – Примеч. пер.)

украшениями определенного вида, которые сохраняются у них, пройдя огонь и воду. Хотя образцы латенской культуры впервые появляются на территории народов, говоривших на кельтских языках, а их ясторфские эквиваленты – у народов германской группы, нельзя отсюда делать общий вывод относительно того, что последние не могли усвоить некоторые элементы материальной культуры латена. И к тому времени, когда римская власть распространилась к северу от Альп, у некоторых германских племен на окраине кельтского мира, в частности тех, которые жили вокруг устья Рейна, развилась культура, гораздо больше похожая на латенскую, чем на ясторфскую.

Таким образом, римское продвижение останавливалось не там, где проходили те или иные этнические границы, а там, где происходили разрывы в социально-экономической организации Европы. В результате основная часть более развитой латенской Европы вошла в состав империи, тогда как ясторфская в целом осталась за ее пределами.

Это касается не только Рима. Как можно видеть на примере Китая, здесь в приграничных районах империи должно было господствовать пахотное земледелие, чтобы обеспечить стабильность в промежуточной зоне с ее наполовину земледельческим, наполовину скотоводческим хозяйством, где способность местной экономики к производству оказывалась недостаточной для обеспечения имперской армии. Идеология экспансии и стремление к славе тех или иных правителей могли привести к тому, что эти армии оказывались за пределами указанной линии, однако в конце концов трудности, связанные с удержанием новых территорий и добавок с малой выгодой, которую можно было извлечь из них, делали дальнейшие завоевания бессмысленными. Европа двух систем – явление не новое, и римляне делали соответствующие выводы. Преемник Августа Тиберий увидел, что Германия просто не стоит того, чтобы ее завоевывать. Народы, рассеянные на обширном пространстве по глухим лесным углам, можно было завоевывать поодиночке, но в районах распространения ясторфской культуры оказывалось гораздо труднее удерживать стратегическое господство, чем над организованными народами латенской культуры, компактно проживавшими в городах. Именно удобная для тылового обеспечения ось Рейн – Мозель и расчеты издержек с учетом ограниченных возможностей экономики районов распространения ясторфской культуры вынуждали легионы оставаться на своих местах. Германия как целое была также слишком разобщена в политическом отношении, чтобы представлять собой серьезного соперника для более богатых и уже завоеванных стран. Вполне естественно, что памятник Арминию стоял не в том месте, где надлежало, – поскольку германские националисты XIX в. неправильно оценивали подлинное значение германского вождя. Речь должна идти не о доблести в бою, которая позволила германцам остаться вне пределов Римской империи, а об их бедности⁵⁴.

В итоге защищенная приграничная римская зона в середине I в. н. э., чтобы более или менее стабилизироваться вдоль определенной линии, проходила по рекам Дунай и Рейн. Если не считать некоторых небольших изменений, она сохранялась три столетия. Это имело значительные последствия. Европейские народы к западу и югу от этих речных границ, будь то латенские или ясторфские по своей культуре, оказывались вовлеченными в процесс, в результате которого они усвоили латинский язык и городской образ жизни, надели тоги и, наконец, приняли христианство. Взирая на то, как изменяются под воздействием романизации соседние народы, находившаяся под властью германцев Северная и Восточная Европа никогда не становилась частью римского мира. По представлениям римлян, Германия оставалась обита-

⁵⁴ Об экспансии Китая см., например, Lattimore, 1940. Представление о культуре *oppida* дают работы: Cunliffe, Rowley, 1976; Cunliffe, 1997. О ясторфской культуре: Schutz, 1983, Ch. 6. Об усвоении германцами форм латенской культуры см.: Nachmann et al., 1962. Очень много написано о динамике римской имперской экспансии, общее представление о ней можно получить из работ: CAH 2nd, ed. Vol. IX. Ch. 8a; vol. X, Chs 4, 15; Isaac, 1992, Ch. 9; Whittaker, 1994, Chs 2–3. Современные исследования показали, что этот процесс носил куда более спонтанный характер, чем считали сторонники старой точки зрения о спланированных завоеваниях.

лицем неотесанных варваров. Тот же ярлык навешивался на персов на Востоке. Однако эти последние представляли собой угрозу совершенно иного уровня.

Персия и кризис III в

В Накше-Рустаме, в 7 километрах к северу от Персеполя, находятся гробницы великих древнеперсидских царей ахеменидской династии, Дария и его сына Ксеркса, от недружелюбного внимания которых были вынуждены отбиваться афиняне и их союзники при Марафоне и при Саламине в 490 и 480 гг. до н. э. В 1936 г. здесь на месте зороастрийского храма огня также была обнаружена вырезанная на трех языках надпись с исполненными бахвальства гордыми речами позднеперсидского царя:

«Я – почитающий Мазду божественный Шапур, царь царей... из рода богов, сын почитавшего Мазду божественного Ардашира, царя царей... Когда я первым установил власть над народами, цезарь Гордиан [император в 238–244 гг.] со всей Римской империи... собрал войско и выступил... против нас. Великая битва произошла близ ассирийской границы в Мешике. Цезарь Гордиан был разгромлен, а его армия уничтожена. Римляне объявили цезарем Филиппа. И цезарь Филипп пришел просить мира, и за свою жизнь он заплатил выкуп в пятьсот тысяч денариев и стал нашим данником... И Цезарь вновь совершил обман и причинил несправедливость Армении. Мы выступили против Римской империи и уничтожили шестидесятитысячную римскую армию при Барбалиссе. Сирийцев и все какие ни есть народы и земли, которые лежат за ними, я предал огню, опустошил и дочиста разорил. И во время похода [мы овладели]... тридцатью семью городами с прилегающей к ним территорией. В эту третью войну... Цезарь Валериан выступил против нас. С ним шло войско в семьдесят тысяч человек... Большая битва произошла за Каррами и Эдессою между нами и Цезарем Валерианом, и мы взяли его в плен своими руками, так же как и других предводителей его армии... Во время этого похода мы также завоевали... тридцать шесть городов с окружающими их землями».

Это фрагмент из *Res Gestae Divi Saporis*, «Деяний божественного Шапура»⁵⁵. Речь о стратегическом переломе, который начался в III в. н. э. и изменил Римскую империю.

До сих пор Риму приходилось сражаться на Востоке с парфянской династией Аршакидов, пришедшей к власти примерно в 250 г. до н. э. Аршакиды управляли миром, который чрезвычайно отличался от мира лесных хижин германцев на севере Европы. Эта династия происходила из Парфии и начала все активнее распространять свое владычество на Ближнем Востоке в III в. до н. э., быстро подчинив себе территории от Евфрата до Инда. Таким образом, множество народов и ареалов окружало ее, но ядром Парфянского государства вскоре стала Месопотамия. И опять-таки, в отличие от Германии, история этих краев определялась взлетом и падением великих империй, таких как Ахеменидская держава Кира, Дария и Ксеркса, которая владела не только Ближним Востоком, но и Египтом, Западной Турцией и Плодородным Полумесяцем и чуть не поглотила саму Грецию.

Аршакиды одержали несколько крупных побед над римлянами в эпоху поздней республики, когда власть Рима впервые распространилась так далеко на Восток. Наиболее известным был разгром армии отца и сына Крассов в 53 г. до н. э.⁵⁶ Но во II в. н. э. способность династии оказывать серьезное сопротивление Риму уменьшилась, и несколько императоров одержали крупные победы на персидском фронте. Самая поздняя из них имела место в 190-х гг. н. э., когда Септимий Север создал две новые провинции, Осроену и Месопотамию, продвинув границу империи на юг и восток. Эти поражения ввергли парфянский мир в кризис. Различ-

⁵⁵ Перевод см.: Dodgeon, Lieu, 1991, с. 43–46, 50, 57.

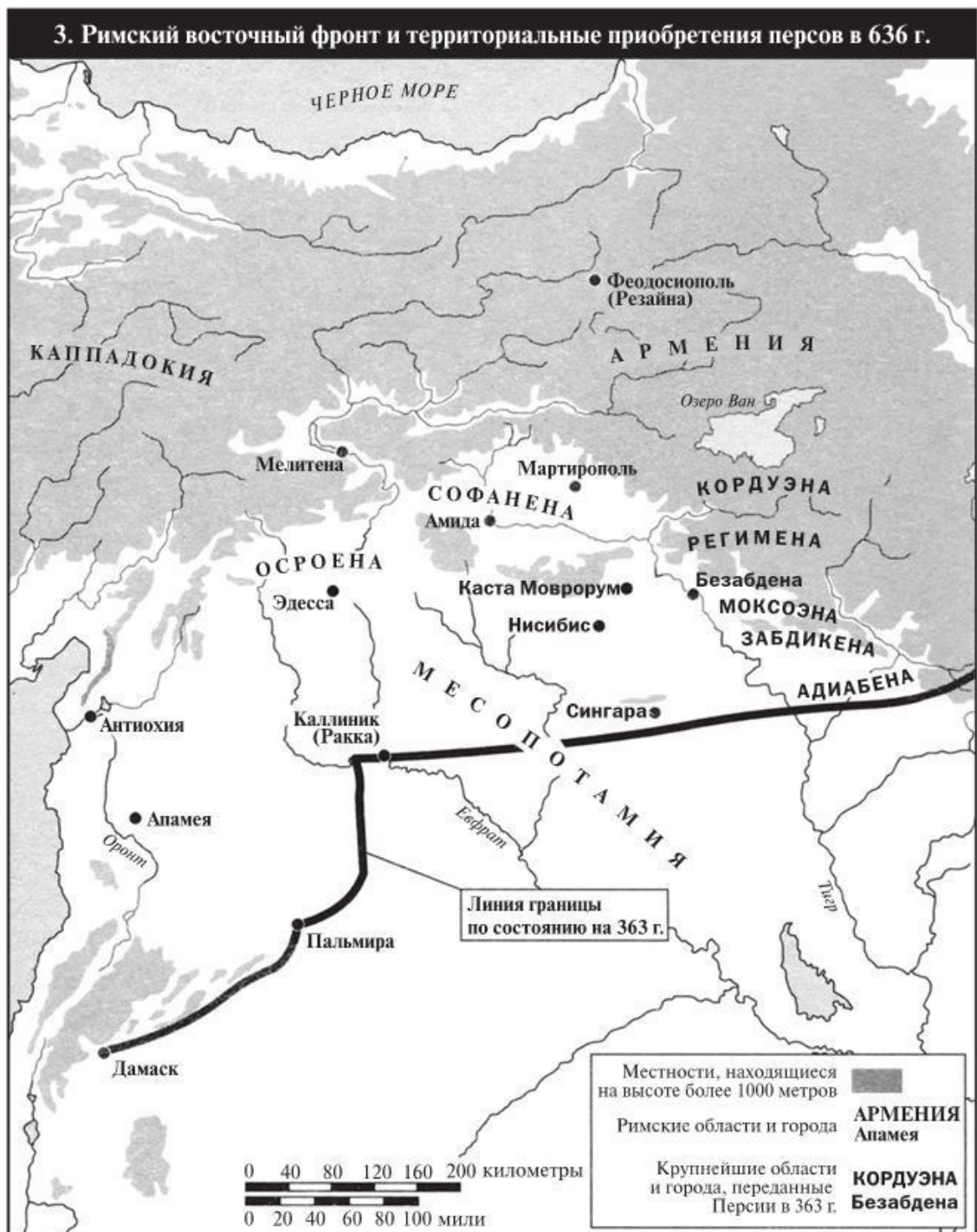
⁵⁶ При Каррах и Синнаке. – *Примеч. пер.*

ные представители династии вели борьбу за власть, и некоторые отдаленные районы добились самостоятельности. В 205–206 гг. н. э. началось восстание в провинции Фарс рядом с Индийским океаном. Им предводительствовал Сасан, самый видный из региональных магнатов. По смерти последнего борьбу продолжил его сын, отец Шапура Ардашир I (правил в 224–240 гг.), истинный основатель династии Сасанидов. В 224–225 гг. он разгромил двух соперничавших аршакидских правителей и установил контроль над другими провинциальными властителями, которые уже успели сбросить господство Аршакидов. После этого он короновался в качестве царя царей в Персеполе в сентябре 226 г.⁵⁷

Как ясно следует из *Res Gestae Divi Saporis*, приход к власти династии Сасанидов был не просто важным эпизодом во внутренней истории нынешних Ирака и Ирана. Поражения, понесенные от нескольких римских императоров во II в. н. э., стали важнейшей причиной крушения гегемонии Аршакидов, и Сасаниды сумели быстро и эффективно добиться превосходства и удерживать его. Начало этому процессу положил Ардашир I. Вторгнувшись впервые в Римскую Месопотамию между 237 и 240 г., он захватил ее крупнейшие города – Карры, Нисибис и Хатру (см. карту № 3). Рим ответил на вызов тремя энергичными контрударами, последовавшими в течение двадцати лет царствования сына Ардашира, Шапура I (правил в 240–272 гг.). Результатом стало то, о чем рассказывается в надписи Шапура. Римляне потерпели три тяжелых поражения, два императора погибли, третий, Валериан, попал в плен. Шапур продолжал таскать Валериана за собой в цепях как символ своего величия – картина, сохраненная для потомства в виде рельефа Бишапура. После смерти императора Шапур велел содрать с него кожу и выдубить, сделав ее своим трофеем. Позднее еще один римский император, Нумериан, также попал в плен, но был убит на месте: «С него содрали кожу и сделали из нее мешок. И они смазали ее миррой [для сохранности] и держали ее как исключительно великолепную вещь». Такова ли была судьба Валериана, пребывал он в почете или в унижении, источники умалчивают.

Ничто лучше не символизировало новый мировой порядок. Возвышение Сасанидов разрушило то, что существовало на Востоке в течение столетия римской гегемонии на Востоке. Повсюду и неожиданно стратегическая ситуация для Рима внезапно и серьезно ухудшилась, поскольку сверхдержава Сасанидов, новой династии, не собиралась исчезать – несмотря на усилия Рима, которые он не прекращал прилагать в середине III в. Сасаниды использовали ресурсы Месопотамии и иранского плато куда более эффективно, чем это делали их предшественники Аршакиды. Используя свою власть, они сформировали единую политическую структуру, тогда как труд римских пленников использовался для осуществления масштабных ирригационных проектов, в результате чего на 50 процентов увеличилась численность населения и улучшилась обработка земель между Тигром и Евфратом. Начало этому, очевидно, было положено при Шапуре, если не при его отце. В итоге выросшие налоговые поступления распределялись усилившейся бюрократией и направлялись на содержание профессиональной (по крайней мере частично) армии. В своих дипломатических декларациях Шапур недаром заговорил о претензиях на всю старую империю Ахеменидов: он хотел заполучить не только Иран и Ирак, но и Египет, земли Плодородного Полумесяца и Западную Турцию.

⁵⁷ Для представления об истории Ближнего Востока в эпоху ранней Римской империи см.: Millar, 1993.

3. Римский восточный фронт и территориальные приобретения персов в 636 г.

Прежде римляне действовали в условиях, когда они обладали превосходством по всему периметру границ. Неприятелям могли добиваться локальных успехов, но они легко сводились на нет в результате мобилизации наличных ресурсов империи. Теперь же появление противоборствующей сверхдержавы имело тяжелые последствия стратегического характера. Это отозвалось не только на восточных границах, подвергавшихся нападениям и опустошению со стороны персов, как о том повествуется в надписи Шапура, но и на империи в целом. Ей не только пришлось вступить в борьбу с могучим врагом на восточных рубежах, но и, кроме того, держать оборону по всему периметру границ. Для их успешной защиты требовалось значительное

увеличение военной мощи. К IV в. это привело к серьезной и многосторонней реорганизации вооруженных сил.

Как говорилось в первой главе, римская армия эпохи ранней империи делилась на легионы, каждый из которых представлял собой маленький экспедиционный корпус численностью в 5 и более тысяч человек, рекрутировавшихся исключительно из римских граждан, со вспомогательными частями (пехотные *cohortes* и кавалерийские *alae*), набиравшимися из неграждан. К IV в. легионы распались на множество более мелких боевых единиц. В известной степени это узаконило обычную практику, поскольку отдельные когорты численностью в 500 человек нередко действовали в отрыве от всего легиона. Кроме того, подверглись реорганизации различные виды соединений. Вместо легионов и вспомогательных войск позднеримская армия состояла теперь из приграничных гарнизонных частей (*limitanei*) и мобильных полевых войск (*comitatenses*), размещавшихся на трех основных границах: на Рейне, Дунае и на Востоке. Полевые войска имели более тяжелое вооружение и несколько лучше оплачивались, но и гарнизонные части также были внушительны, отнюдь не являясь, как то иногда изображалось, воинами-крестьянами, которые делили время между службой и сельскохозяйственными работами. В некоторых кампаниях они участвовали бок о бок с полевой армией. Существовала более дробная специализация на уровне соединений: конные лучники (*sagittarii*), прислуга тяжелой артиллерии (*ballistarii*), всадники в пластинчатых доспехах (*clibanarii*). Повсюду, где Цезарь полагался почти исключительно на своих пехотинцев, теперь особый упор делался на кавалерию. Некоторые соединения тяжелой конницы были созданы в результате прямого подражания персидской коннице, которая сыграла большую роль в разгроме Гордиана, Филиппа и Валериана. Однако с мобильными полевыми войсками. Пехотинцы, не зависевшие от фуража и способные проходить значительные расстояния, ведя при этом активные боевые действия, оказывались в стратегическом отношении более маневренными.

Размеры позднеримской армии остаются предметом дискуссий. Имеются соображения относительно подсчета ее штатной численности при Северах в начале III в. н. э., перед самым приходом Сасанидов к власти. Она состояла из 30 легионов по 5 с лишним тысяч человек в каждом и примерно такого же числа солдат вспомогательных войск, что в целом дает округленно 300 тысяч человек. Однако попытка установить таким образом общую численность армии поздней империи, даже при том, что в нашем распоряжении есть полный список римских частей, датируемый примерно 400 г. н. э. в источнике под названием *Notitia dignitatum* (см. гл. V), неудачна, если учесть тот факт, что штатный состав различных типов римских соединений, возникших в результате реорганизации, серьезно менялся, и мы не знаем, в какой степени. Дискуссия идет вокруг двух чисел: одно – 645 000, а второе, специально зафиксированное во времена восточного императора Диоклетиана (правил в 284–305 гг.), 389 704 плюс 45 562 во флоте – в целом дают 435 266. Обе цифры оцениваются скептически. Первую приводит историк Агафий, писавший в 570-х гг., в пассаже, где дает выгодное сравнение – 645 тысяч против жалких 150 тысяч в его дни, когда правили критиковавшиеся им императоры. В его интересах было преувеличить цифры прошлого. Число 435 266 а priori заслуживает большего доверия по причине своей точности и добротности источника. Однако эти данные вышли из-под пера писателя скорее VI в., нежели IV в., текст составлен более чем через два века после смерти Диоклетиана, что вряд ли является наилучшим вариантом. Мы также знаем, что и после правления Диоклетиана проводилась значительная реорганизация армии – различие между *comitatenses* и *limitanei* окончательно оформилось при Константине. Даже если мы примем эту цифру как достоверную, есть все основания предполагать, что армия позднее продолжала увеличиваться; историки считают, что ее численность достигала от 400 до 600 тысяч человек.

Даже наименьшая цифра убеждает, что между началом III и серединой IV в. 300-тысячная римская армия выросла как минимум на одну треть, а возможно, и намного больше⁵⁸.

То, что имел место значительный рост армии, не вызывает сомнений. По моему мнению, это обуславливалось не только изменением и стратегической обстановки, т. е. появлением на Востоке сверхдержавы-соперника, но и тем, что в конце III – начале IV в. произошла реструктуризация финансов империи. Важнейшей статьёй расходов всегда была армия: рост даже на одну треть (по наиболее скромной оценке) требовал значительного увеличения доходов Римской державы. Если вы потребуете от современного государства увеличения расходов на 33 процента по самой затратной статье бюджета, то увидите, как волосы у чиновников встают дыбом. Налоговые стандарты империи должны были радикально измениться, чтобы она могла ответить на рост сасанидской угрозы. Необходимость таких затрат вполне согласовывалась с масштабами этой угрозы, а также позднеримской военной экспансии, даже оцениваемой по самым скромным меркам. Наибольший вклад в разрешение кризиса III в. внес, как часто считается, император Диоклетиан. Но хотя в его правление многие реформы были завершены или в значительной мере осуществлены, большинство этих перемен являлись скорее долговременными процессами, нежели результатом единого замысла. То же касалось реорганизации и увеличения численности армии, а также необходимой для этого финансовой реформы.

Первой фискальной мерой императоров III в., предпринятой в связи с кризисом, стало взятие под контроль всех возможных источников доходов. Иногда в 240—260-х гг.

государство конфисковывало доходы городов от пожертвований, пошлин и сборов. Должностным лицам в городах приходилось по-прежнему собирать деньги, к ним поступали дарения, но расходовались они уже не на местные нужды. В такой перемене часто упрекают Диоклетиана, но ни один из наших источников по истории его правления, во многих из которых его финансовые реформы воспринимаются враждебно, таких упоминаний не содержит. Это было проще всего и потому, вероятно, стало одной из первых мер в связи с финансовым кризисом. Эти источники не были безграничными, и в IV в. императоры частично вернули их городам, желая снискать популярность на местах⁵⁹.

Эти поступления были, однако, недостаточны, чтобы покрыть все расходы на новую армию, и в конце III в. императоры прибегли к двум другим способам. Первый состоял в порче монеты – понижении содержания серебра в денариях, которыми обычно выплачивалось жалование воинам. При Галлиене (правил в 253–268 гг.), например, выпускались, по сути, медные монеты, в которых оставалось менее 5 процентов серебра. Такой метод привел к увеличению выпуска монет, но неизбежным результатом его стал значительный рост инфляции. Эдикт Диоклетиана о ценах (301 г.) зафиксировал цену на меру пшеницы, которая во II в. стоила примерно половину денария, – не менее сотни новых, обесценившихся денариев. Как показывают сравнительные данные, у людей был примерно месяц, прежде чем торговцы успевали понять, что новые монеты хуже старых, и поднять цены, поэтому находившиеся в очень стесненных обстоятельствах императоры получали от обесценивания монет лишь кратковременную выгоду. Обесценивание монет и фиксация цен не могли решить проблему на сколько-либо долгое время, поскольку торговцы убирали товар с прилавков и действовали на черном рынке. Единственным средством заполучить большую долю богатства империи – валового национального продукта – было налогообложение. Это и произошло в разгар кризиса III в., когда, в наиболее острые моменты, императорам приходилось вводить особые налоги, взимаемые продуктами питания. Эти меры позволили обойти проблемы, связанные с монетами, но в силу

⁵⁸ Общие цифры: Agath. Hist. V. 13; Ioann. Lyd. De mens. I. 27; Главные дискуссии: Jones, 1964, p. 679–686 (склоняется к принятию цифры в 600 тысяч в последиоклетианский период); Hoffmann, 1969; Elton, 1996a; Whitby, 2002; нашедшая многих сторонников аргументация Макмаллена, считавшего *limitanei* небоеспособными (McMullen, 1963), опровергнута учеными.

⁵⁹ О конфискациях городских средств, оценки которых противоречивы, см.: Crawford, 1975. Констанций возвратил городам Африки четверть, Валентиниан и Валент – треть всем городам. Ср.: Jones, 1964, Ch. 19.

своей непредсказуемости они были крайне непопулярны. В конце концов при Диоклетиане новый налог на продукцию, *annona militaris*, был полностью систематизирован⁶⁰.

Неожиданное появление на Востоке персидской сверхдержавы привело, таким образом, к огромным структурным переменам в Римской империи. Эффект от мер, призванных противостоять угрозе, сказался не сразу, но в конце концов реструктуризация дала желаемый результат. В конце III в. Рим в целом взял стратегическую ситуацию под контроль: теперь удавалось оплачивать достаточное число воинов, чтобы обеспечивать стабильность на восточной границе. В 298 г. соправитель Диоклетиана император Галерий одержал крупную победу над персами, и с этого времени их натиск утратил прежнюю силу. В последующем столетии Риму приходилось терпеть поражения, и временами довольно тяжелые, но бывали и победы, и в целом новое военное командование справлялось со своими задачами. Римско-персидское противостояние сводилось теперь скорее к периодическим осадам сильно укрепленных пунктов, чем к крупным опустошительным маневренным операциям вроде вторжения Шапура в Сирию. Персам иногда удавалось захватывать крепости, как то случилось с Амидой в 359 г., но такого рода неудачи были далеки по своим масштабам от катастроф III в. Полностью изменить стратегическую ситуацию не представлялось возможным, однако усовершенствованные военная и фискальная системы справлялись с персидской угрозой⁶¹.

Важно, однако, учитывать, насколько значительные усилия требовалось прилагать римлянам, чтобы добиться такого положения дел. Конфискация доходов городов и реформирование налоговой системы были отнюдь не легким делом. Более пятидесяти лет понадобилось со времени первых проявлений агрессии со стороны Сасанидской династии в отношении Рима, прежде чем удалось привести в порядок его финансовую систему, что потребовало масштабного вмешательства правительственного аппарата, чтобы контролировать этот процесс. Как мы видели в первой главе, начиная с 250-х гг. наблюдался значительный рост числа высших бюрократических постов в империи. Таким образом, военная и финансовая реструктуризация имела серьезные политические последствия. Активность Персии ускорила перемещение центра власти из Рима и Италии, которое в зародыше стало проявляться уже во II в. Императоры-соправители были известны в те же времена. В III в. политические и административные потребности сделали феномен нескольких императоров важнейшей чертой общественной жизни позднего Рима.

Поскольку немалому числу принцепсов приходилось начиная с 230-х гг. иметь дело с персами на Востоке, на Западе, и в особенности на рейнской границе, императоры не появлялись. В результате многие военные и чиновники оказались исключены из системы пожалований, что порождало серьезную и длительную сумятицу в верхах. Иногда пятидесятилетний период, начавшийся после убийства Александра Севера в 235 г., называют «военной анархией». В это время бразды правления переходили из рук в руки не менее чем двадцати законных императоров и множества узурпаторов, каждый из которых находился у власти в среднем не более двух с половиной лет. Такое огромное число императоров красноречиво свидетельствовало о глубоких структурных проблемах. В какой бы части державы ни находился император, всегда появлялось достаточное число беспокойных военачальников и бюрократов, которые вынашивали мысли об узурпации. Особенно интересна в этом отношении «Галльская империя». Когда Валериан в 259 г. попал в плен к персам, чиновники и командиры на рейнской границе совместно создали собственное государство под руководством группы военачальников, которое просуществовало в Галлии в течение почти тридцати лет. Это был не сепаратист-

⁶⁰ Об этих мерах см.: Jones, 1964, особенно гл. 13 и с. 623–630.

⁶¹ Единственное исключение – тяжелое поражение римлян в 363 г., причиной которого оказались чрезмерные амбиции императора Юлиана, к этому сюжету мы вернемся в свое время. Об отношениях между Римом и Персией см., например: Dodgeon, Lieu, 1991; Matthews, 1989, Ch. 4 and 7.

ский, а сугубо римский режим – очень простой способ получить большой кусок имперского пирога в этом уголке державы⁶².

Оба наиболее опасных противника империи оказывали различными путями немалое влияние на такое развитие событий. Относительно низкий уровень экономики, обычный для воинственных и раздробленных в политическом отношении германцев, создавал для римской экспансии барьер, за пределами которого ее продолжение становилось слишком невыгодным. В результате границы Рима в Европе пролегали в основном вдоль Рейна и Дуная. На Ближнем Востоке политическое сотрудничество имело более длительную историю, там существовала экономика, способная обеспечить более многочисленное население, занимавшееся самыми различными видами деятельности. Меры, предпринятые Сасанидской династией, превратили эти края в способную к соперничеству с Римом сверхдержаву, чье появление на политической арене вынудило Римское государство к переменам. Армия, налоги, бюрократия, политика – все это требовало приведения в соответствие с новыми условиями, чтобы справиться с персидской угрозой. Единственным аспектом в жизни империи, который не поддавался изменениям, была идеология, и в ее рамках – отношение ко всем этим варварам.

Варвары и римский порядок

Летом 370 г. группа саксонских судов выскользнула из устья реки Эльба и направилась на запад вдоль северного побережья континентальной Европы. Избегая оборонительных сооружений римлян, саксы наконец высадились в Северной Франции, вероятно, где-то к западу от Сены. Римляне быстро выслали достаточное число воинов, чтобы вынудить их к переговорам. Аммиан Марцеллин, лучший из римских историков IV в., сообщает:

«После продолжительного и всестороннего обсуждения дела сочли выгодным для государства предоставить перемирие и разрешили варварам беспрепятственно вернуться туда, откуда они пришли, после того как они отдали много своей молодежи, пригодной для военной службы» (XXVIII. 5. 4).

Однако на деле все обстояло иначе. Пока шли переговоры, римляне тайно расположили тяжелую кавалерию и некоторое число пехотинцев между саксами и их кораблями:

«С той и с другой стороны начали решительно напирать римляне, которые избивали мечами окруженного неприятеля. И никому из них не дано было увидеть опять родной дом, никому не дали пережить избиение земляков».

Аммиан продолжает:

«Хотя какой-нибудь строгий судья выразит порицание по поводу этого дела как вероломного и нечестного, но, взвесив все обстоятельства, он не станет негодовать из-за того, что вредоносная шайка разбойников при удобном случае была уничтожена» (XXVIII. 5. 7. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни с изменениями).

Что касается Аммиана, то, как видим, когда речь шла об обращении с варварами, он не считал грехом обмануть их.

Истребление варваров негласно одобрялось римской публикой. Римские амфитеатры, конечно, видели множество актов насилия, от гладиаторских боев до оформленных по всем юридическим правилам казней. Согласно подсчетам, примерно 200 тысяч человек встретили смерть в одном только Колизее, а ведь в каждом крупном городе империи имелись подобные, хотя и более скромные по размерам арены. Зрелище гибели варваров являлось обычным делом во время игр. Празднуя в 306 г. умиротворение на рейнской границе, император Константин бросил в трирском цирке на съедение диким зверям пленных германских вождей из племени франков, Аскаррика и Метрогайса. Кроме того, он добился, чтобы о его триумфе узнало как

⁶² Для общего представления об этих событиях в III в. см.: Jones, 1964, Ch. 1; Drinkwater, 1987.

можно больше людей во всей империи⁶³. Если под рукой не оказывалось варварских царьков, то всегда имелась замена. В 383 г. наш старый знакомый Симмах, в то время городской префект Рима, в письме императору Валентиниану II рассказывал, как наслаждалась публика, наблюдавшая избиение гладиаторами нескольких сарматов простого звания. Вот впечатляющий комментарий Симмаха:

«Слухи не дают остаться втуне блестящему окончанию наших войн, но в победу верят больше, если собственными глазами убеждаются в ней... Мы теперь видели вещи, которые вызывали сомнение, когда нам сообщали о них: вереница закованных в цепи пленных... проведенных в процессии, и недавняя свирепость на их лицах сменилась вызывающей сострадание бледностью. Имя, которое когда-то наводило на нас ужас, теперь вызывает у нас удовольствие, и руки, обученные обращаться с чужеземным оружием, боятся встретиться с вооружением гладиаторов. Да будешь ты наслаждаться лаврами победы легко и часто... да будут наши храбрые воины захватывать в плен [варваров] и да найдут они свой конец на арене Города» (Symm. Relat. 47).

Для него эти убийства означали, что цивилизованный римский порядок должен по-прежнему брать верх над силами варварства и хаоса.

Неприязнь к варварам, находившая свободное выражение на аренах, основывалась у рафинированных римлян на чем-то большем, чем просто на ненависти. Примерно в то же время, когда саксы попали в засаду на северо-западной римской границе, оратор и философ Фемистий, известный политтехнолог империи, выступил перед сенатом в Константинополе, чтобы оправдать политику своего «работодателя», императора Валента. В его речи есть примечательная ремарка: «В каждом из нас сидит варварское племя, крайне властолюбивое и упрямое – я подразумеваю нрав и те алчные вожеления, противостоящие разумному началу, какие встречаются у скифов и германцев по отношению к Риму»⁶⁴.

Варвары занимали свое строго определенное место в римском универсуме, основывавшемся на определенном видении миропорядка. Человеческие существа, считали римляне, состоят из двух элементов: разумного духа и физического тела. Выше людей, в космосе, живут существа, хотя и обладающие большей или меньшей силой, но обладающие чисто духовной природой. Ниже людей – животные, обладающие лишь физической природой. Человек же уникален, ибо сочетает в себе дух и тело, и отсюда проистекало римское видение разумности. У вполне разумных народов – таких как, например, утонченные римляне – разумный дух контролировал физическое начало. Но у низших человеческих существ, варваров, тело берет верх над разумом. Коротко говоря, варвары были римлянами наоборот, любившими алкоголь, любовные утехы и богатства мира.

Неразумность варваров демонстрировалась и другими способами. Римляне отмечали своеобразную реакцию варваров на перемены счастья. Если им улыбалась судьба, то они думали, что способны завоевать весь мир. Если же, напротив, удача хоть немного изменяла им, они впадали в глубокое отчаяние и жаловались на судьбу. Там, где римляне просчитывали возможные варианты, составляя продуманные планы, и неукоснительно следовали им, злополучных варваров по воле судьбы повсюду вытесняли с тех мест, где они обитали. Варварское общество находилось на более низкой стадии развития – мир, где сила сводила на нет право и где торжествовали те, чьи мышцы оказывались крепче. Таким образом, варвары выполняли роль рокового «другого» в представлениях римлян о себе самих: неразвитое общество, чьи неудачи подчеркивались, а превосходство мощи империи легитимизировалось. Действительно, Римское государство рассматривало себя как нечто не просто лучшее, чем то, что находилось за его

⁶³ Об этом упоминают два современных тем событиям «политтехнолога» (Pan. lat. VII. 10 и сл.; X. 16. 5–6), а также один из авторов общей истории Рима, писавших в IV в. (Eutr. X. 3. 2).

⁶⁴ Themist. Or. V. 66 a – c. О происхождении и карьере Фемистия см.: Heather, Moncur, 2001, Ch. 1.

пределами, а обладающее абсолютным и несомненным преимуществом, поскольку царивший в нем социальный порядок был предопределен свыше. Такая идеология не только позволяла высшим классам римского общества высоко ценить себя, но и играла свою роль в функционировании империи. В IV в. постоянная опасность со стороны варваров побуждала население платить налоги, несмотря на их рост в результате кризиса III в.⁶⁵

Хотя такая идеологическая стратегия делала свое дело, представляя соседей за пределами империи как антипод римского порядка, однако ссылка на них в качестве причины для повышения налогового бремени имела свои отрицательные стороны. Представления о варварах превращали в угрозу все, что находилось вне империи, и, таким образом, «люди второго сорта» по определению принадлежали к неразвитому обществу. Отсюда неизбежно вытекало, что конфликт оказывался нормальным состоянием отношений между римлянами и неримлянами; кроме того, Римская держава должна была побеждать всех, с кем она сталкивалась. В чем же благосклонность богов, как не в защищенности от поражений со стороны тех, кто лишен милости небожителей? Высшей римской доблестью, часто изображавшейся на монетах в виде богини, увенчанной венком из лавровых листьев, была, как лишний раз следует из этого, победоносность. И всякое поражение могло восприниматься таким образом, что тот, кто носил в данный момент императорский пурпур, оказывался недостойн этой чести⁶⁶.

Римские ораторы оказывались, таким образом, перед необходимостью исказить рассказ о событиях на границах, чтобы сохранить закрепившуюся за империей репутацию непобедимой. Так, например, в начале 363 г. император Юлиан затеял трудное мероприятие, проведя свою армию на 500 километров под персидским солнцем, и достиг окраин неприятельской столицы Ктесифона. Царь царей Хосрой позволил ему продвинуться, затем захлопнул капкан. Римлянам пришлось с боями на протяжении всего пути отступать на свою территорию. К концу июня, когда Юлиан погиб в стычке, ситуация стала безнадежной. Римской армии предстояло пройти еще 250 километров при том, что припасы практически закончились. Им удавалось проделывать примерно 5 километров в сутки из-за постоянных нападений персов. Преемник Юлиана Иовиан, избранный во время похода, не имел иного выхода, кроме как пойти на унижительный мир. Римской армии позволялось отступить, но персам передавались два крупных города – Нисибис и Сангара, множество укрепленных пунктов и пять приграничных областей (см. карту № 3). Однако ожидание победы было столь велико, особенно в начале правления, когда требовалось наглядное подтверждение божественного покровительства, что Иовиан не мог позволить себе признать поражение. На монетах его мир с персами изображался как победа, а Фемистий постарался усилить это впечатление. Вот только неловкость положения, в которое он попал, была слишком очевидна. Вот лучшее, что он мог придумать: «Персы показали, что подают голос за [Иовиана как императора] не менее, чем римляне, тем, что побросали оружие, как только узнали о его провозглашении [императором], и вскоре после этого стали осторожны в отношении тех людей, которых перед тем не боялись». Затем он рассказывает знаменитую историю об избрании персидским царем Дария в 522 г. до н. э., когда персы очевидно иррациональным способом выбирали себе правителя по конскому ржанию.

Фемистий старался вовсе, но его словесные упражнения мало кого убедили. К январю 364 г. н. э. Иовиан столкнулся с протестами восточных городов, недовольных передачей их персам, и в речи перед сенатом, которая продолжалась по меньшей мере три четверти часа, Фемистий уделил всего лишь одну минуту персидскому вопросу, а потом поспешил перейти к более интересным темам⁶⁷. В данном случае политика не могла оправдать ожиданий победы,

⁶⁵ Идеологические конструкции римлян, связанные с варварами, напрямую восходят к греческим. См.: Dauge, 1981; Ferris, 2002.

⁶⁶ А. Кало Леви и М. Маккормик наряду с другими авторами подчеркивают важность победы (Calo Levi, 1952; McCormick, 1986).

⁶⁷ Themist. Or. V. 66 a – c; см. комментарий: Matthews, 1989, Ch. 7; о персидской кампании см.: Smith, 1999.

и Фемистий вскоре счел более благоразумным исходить из этого. Иовиан скончался в феврале 364 г., а в конце того же года в первой речи перед преемником покойного Валентом он воспользовался смертью Иовиана, пребывавшего у власти всего восемь месяцев, истолковав это как знак того, что Бог не благословил его правление. Таким образом, неудача в войне с персами получала удовлетворительное объяснение, а темное пятно на репутации римлян в собственных глазах удавалось затереть.

Но столь катастрофические поражения даже в конфликтах с персами, как мы видели, стали теперь редкостью, и римляне смогли обеспечить подавляющий перевес на европейских границах. Эта странная ложь во спасение обычно позволяла удовлетворить ожидания победы и не помешать неприятной действительности поставить под сомнение ключевую идею: варварам не место там, где господствует римский порядок, и они подлежат планомерному систематическому уничтожению. Действительно, жесткая конфронтация являлась важнейшим элементом римской внешней политики по всему периметру ее границ. Однако реальность – как на Рейне и Дунае, так и на Востоке – оказывалась гораздо более сложной, чем то, что подразумевало простое противопоставление «мы и они».

Чтобы более детально разобраться в этой реальности, ограничимся одним из участков римской границы в Европе, нижним течением Дуная, отделявшим римский диоцез Фракию от германоязычных готов, которые в IV в. господствовали в землях между Карпатами и Черным морем.

Фракия: последняя граница

В 369 г., в том самом году, когда посольство Симмаха преподнесло императору Валентиниану коронное золото, произошла встреча на Среднем Дунае, поблизости от крепости Нови-одун. Брат Валентиниана, Валент, правитель Восточной империи, отплыл от южного берега на роскошном императорском судне. От северного берега навстречу ему держал путь Атанарих, вождь тервингов, германцев-готов, живших рядом с самой границей. Атанарих воевал с Валентом почти три года. В данном случае в нашем распоряжении есть рассказ очевидца, составленный Фемистием для константинопольского сената. Он присутствовал при встрече в качестве главы сенатского посольства к императору. По словам оратора, Валент сумел поставить в тупик своего врага:

«Валент оказался настолько мудрее, чем человек, который говорил от имени варваров, что они разуверились в нем и сочли словесный поединок закончившимся для них еще хуже, нежели боевые схватки [трех прошедших лет]. Так или иначе, повергнув своего противника, он помог ему прийти в себя тем, что протянул ему, объятому смятением, руку и объявил его другом в присутствии свидетелей. И так [Атанарих] удалился прочь, обуреваемый противоречивыми чувствами – доверием и страхом, вызывая презрение и настороженность у своих подданных, сокрушаясь по поводу тех пунктов договора, которые были невыгодны для него, и радуясь, что другие оказались для него благоприятны».

Люди Атанариха тоже выглядели неважно:

«[Они] рассеялись по берегу кучками с покорным и послушным видом, [их] орда не подавалась исчислению... Взглянув на оба берега реки, я увидел, как один весь блестит от римских воинов, которые [стояли] в правильном порядке, спокойно и гордо взирали на происходящее, а другой заполонила нестройная толпа, в мольбе повергшаяся на землю»⁶⁸.

Атанарих и его готы, таким образом, отлично сыграли свою роль, в полном соответствии с римским сценарием.

⁶⁸ Обе эти цитаты взяты из X речи Фемистия (205 a – b; 202 d – 203 a).

Детали мирного соглашения, упомянутые Фемистием, только подтверждали, что Валент – господин положения. Император прекратил ежегодные выплаты готам, которые они привыкли получать, позволил приграничную торговлю только в двух специально отведенных местах, инициировал программу строительства оборонительных сооружений, которые должны были не дать готам возможности для смут в дальнейшем. Ожидания римского господства над жалкими в своем унижении варварами блистательно воплощались в жизнь.

Однако, если присмотреться внимательнее, картина, которую представляет нам Фемистий, оказывается неполной. Враждебные действия предпринял Атанарих, а не Валент. В 364–365 гг. из сообщений римской разведки стало ясно, что готы неспокойны, и Валент отправил подкрепления на дунайский фронт. Когда в 365 г. эти подкрепления подкупом перетянул на свою сторону Прокопий, дядя покойного императора Юлиана, чтобы повторить его узурпацию, Атанарих отправил к потенциальному узурпатору отряд в 3 тысячи готов. Если готов устраивали условия мира, как то описал Фемистий, то почему тогда Атанарих повел себя столь агрессивно? Валенту, несмотря на длившуюся три года кампанию, не удалось победить готов в битве. В 367–369 гг. его армии рыскали по их территории, разоряя все вокруг. И только в 368 г. они оказались в безвыходном положении в условиях раннего таяния снегов в Альпах и Карпатах. Разлив Дуная сделал невозможным для римлян наведение понтонных мостов, с помощью которых они переправляли тяжелое снаряжение через реку. Благодаря оперативному маневру – поспешному отступлению – Атанарих избежал ловушки. К тому времени, когда состоялось заключение мира, готы в массе своей были неспокойны и терпели большую нужду в провианте, но ни за что не позволили бы установить над собой власть тем способом, каким это с ними делали примерно тридцать лет назад во времена императора Константина, вынудившего их принять безоговорочную капитуляцию. Поскольку римляне не нанесли им решающего поражения, как это хочет представить Фемистий, представляется маловероятным, что условия договора 369 г. оказались более жесткими, чем в 332 г.

В своей речи Фемистий «забыл» упомянуть одну важную деталь. В самый разгар готской кампании на одном из участков персидского фронта начался настоящий ад. Обретя немалые выгоды по договору с Иовианом, персидский царь царей Хосров вновь обратил взор на Кавказ. В 367–368 гг. он изгнал правителей Армении и Восточной Грузии, являвшихся римскими союзниками, и заменил их своими ставленниками. Обеспечение безопасности на персидском фронте было для Валента намного важнее, чем приведение к совершенной покорности готов, а потому эта новая угроза вынудила его вывести часть сил с Балкан и перенацелить их на восток. Однако Валент уже все приготовил на Дунае, и его налогоплательщики ожидали победы. Кроме того, он хотел наказать готов за поддержку, оказанную ими Прокопию. Император продолжать воевать с ними и в 369 г., но, когда стало ясно, что полная победа вновь ускользает от него, ему пришлось пойти на компромиссный мир. Очевидно, что встреча Валента и Атанариха также явилась результатом компромисса. Как отмечает Фемистий, готский вождь «радовался по поводу тех пунктов договора, которые... оказались для него благоприятны». То же самое отмечается и в отношении места проведения встречи. Обычно римские императоры торжественно проносили свои штандарты на земле варваров и здесь же вынуждали варварских царьков покориться. Только один раз источники сообщают о проведении встречи на воде, на сей раз на Рейне – опять-таки римскому императору (Валентиниану) пришлось обеспечивать безопасность этой границы, чтобы заняться делами на другой. Этот мир также носил компромиссный характер⁶⁹.

⁶⁹ Детальный анализ различных обстоятельств заключения мирного договора между Константином и готами в 332 г. и Валента с ними же в 369 г. см. Heather, 1991, Ch. 3 со ссылками на источники и литературу. Из Фемистия (Or. VIII. 116) следует, что речь идет о марте 368 г. – он ссылается на прибытие иберийского князька Вакурия в ставку Валента и датирует начало маневров Хосроя серединой готской войны. Рассказ о другой встрече на воде в IV в. передает Аммиан Марцеллин (XXX. 3).

Теперь главной задачей Фемистия было соответствующим образом рассказать сенату о заключенном с готами мире. Прекращение ежегодных выплат готам он представил как большой выигрыш Римского государства. Но это было преувеличение. В течение столетий государство использовало дары для того, чтобы превращать местных царьков в своих клиентов. Мы бы назвали это «иностранной помощью». Большим проигрышем для Рима, о чем Фемистий не упоминает, было то, что отныне империя не могла привлекать отряды готов для борьбы с Персией. У Фемистия все выглядело гладко. Яркая сцена изъятия готами покорности всемогущему и миролюбивому Валенту была рассчитана на римскую аудиторию. И ораторская бравада, судя по всему, оказалась удачным трюком, поскольку два современных источника изображают мирный договор как удачное завершение войны. Валенту удалось сохранить лицо⁷⁰.

Однако для целей нашего исследования куда важнее рассмотреть события за дымовой завесой Фемистия. Невозможно узнать хоть что-нибудь о том, что думал Атанарих, поскольку о его истинных целях римские источники не сообщают, однако он, очевидно, не был обычным варваром, соответствовавшим идеологическим представлениям римлян о «другом». Он и его люди, тервинги, 30 лет получали дары от римлян, но они готовы были отказаться от них, только бы не сражаться за империю. То же самое касалось торговых привилегий на границе, установленных по более раннему договору с Константином. Эти привилегии были вполне реальными, и то, что готы пользовались ими, подтверждается данными археологии. Места, где жили готы, усеяны обломками римских амфор, большинство которых – разбитые винные сосуды (к VI в. выражение «biberunt ut Gothi», «пьют, как готы», вошло в поговорку). Однако Атанарих был решительно настроен избавить тервингов от какого бы то ни было римского господства. Он вполне мог рассчитывать на поддержку готов в этой ситуации и использовал изощренную стратегию для достижения своих целей. Поначалу Атанарих готов был вести открытую борьбу с империей, но когда планы Прокопия по узурпации власти дали ему возможность принять участие во внутриримской борьбе, он предпочел этот путь – видимо, надеясь на то, что в случае удачи Прокопий с готовностью вознаградит его тем, что готы собирались получить от Валента силой.

Здесь римская идеология и реальность вступали в серьезное противоречие друг с другом. Узурпация Прокопия представляла собой союз одного римлянина против другого, хотя следует отметить, что Атанарих являлся не более чем младшим союзником. И последний отнюдь не был обеспечивали успех со времен победы Константина над готами в 332 г.: в 348 г. (Lib. Or. LIX. 89), в 363 г. (Amm. Marc. XX. 8. 1) и в 365 г. (Amm. Marc. XXIII. 2. 7) (Amm. Marc. XXVI. 10. 3).

варваром, не имевшим иных целей, кроме как своей доли награбленного. Скорее он хотел использовать различные средства, чтобы добиться пересмотра тех обязательств и привилегий, которые навязал Константин тервингам после своей большой победы в 332 г., таким образом – обычным для римлян путем дипломатических маневров – пытаясь воздействовать на правящий дом тервингов благами римской цивилизации. Одним из заложников, отправленных в Константинополь в соответствии с договором, был сын их тогдашнего правителя. Такие заложники могли караться (и карались) в случае нарушения условий мира. Но чаще они использовались для того, чтобы убедить последующее поколение варваров, переселенцев и бродяг, что вражда с Римом бессмысленна и что много лучше поддерживать с ним дружественные отношения. В одних случаях эта стратегия срабатывала, в других – нет. Тервингским князь-

⁷⁰ Договор 369 г. как показатель успешного исхода войны характеризуют Аммиан Марцеллин (XXVII. 5. 9) и Зосим (IV. 11. 4). Даже после разгрома алеманнов в 350-х гг. император Юлиан продолжал делать ежегодные дары местным царькам, с которыми заключал мирные договоры (неточность: Юлиан не был тогда императором. – *Примеч. пер.*): Heather, 2001; Klöse, 1934 о более ранних примерах. Силы готов численностью, по-видимому, в 3 тысяч человек (не так уж мало, если учесть, что походные армии насчитывали, вероятно, по 20–30 тысяч человек) четырежды

ком, отправленным в Константинополь, был отец Атанариха, и хотя его статую даже поставили перед зданием сената, его не удалось склонить на сторону Рима (по-видимому, это прежде всего и пытались сделать). Когда в свое время он передавал власть сыну Атанариху, он запретил ему когда-либо ступать на римскую землю, и Атанарих продолжал добиваться этого насколько возможно⁷¹. Проведение встречи с Валентом на судне неявно утверждало суверенитет готов над землями за Дунаем, а в результате нового соглашения Атанарих счел, что у него развязаны руки для преследований христиан. Христианизация готов началась еще при предшествующих императорах, как мы увидим в свое время, так что здесь это была еще одна форма сознательного отторжения римской идеологии. Атанарих, отнюдь не малограмотный варвар, являлся царем-клиентом с собственными вполне продуманными планами в деле выстраивания отношений с Римской империей.

Маленький Волк

В подлинном облике Атанариха есть кое-что от того, что мы видим в кривом зеркале речи Фемиствия. Два удивительных манускрипта дают нам куда большую возможность напрямую увидеть готский мир IV в. Первый из них – одно из величайших сокровищ, дошедших до нас с античных времен, – Codex Argenteus («Серебряный кодекс»). Ныне он находится в библиотеке Уппсальского университета в Швеции. Это великолепная копия перевода четырех Евангелий на готский язык. Переписанная в Италии в VI в., книга изначально состояла из 336 страниц. В Уппсале сохранилось только 187, но тем большее воодушевление вызвало открытие в 1970 г. в давно забытом тайнике для мощей в кафедральном соборе Шпайера в юго-западной Германии еще одного экземпляра. Текст написан золотыми и серебряными чернилами на пурпурном пергамене исключительной красоты – он сделан из кожи только что родившегося (или даже еще не родившегося) теленка. Чернила, краска и пергамен – все свидетельствовало о том, что это чрезвычайно дорогая книга, заказанная человеком очень высокого положения, вполне вероятно, Теодорихом, остготским королем Италии, в VI в. Второй манускрипт был поскромнее, однако в своем роде столь же необыкновенный: заметно и очень серьезно поврежденный текст V в., известный как Parisinus latinus 8907. Большая часть его посвящена рассказу о соборе в Аквилее в 381 г., когда епископ Амвросий Медиоланский, поборник того, что стало христианской ортодоксией, взял верх над своими оппонентами, и появились две книги самого знаменитого труда Амвросия «О вере» (De fide). На полях этого сочинения написана другая книга, известная лишь по поврежденной рукописи, – комментарий к постановлениям Аквилейского собора епископа Палладия Ратиарского, одного из оппонентов Амвросия на нем. В состав комментария входит письмо, составленное Авксентием Доросторским, в котором наряду с Codex Argenteus освещаются выдающиеся свершения одного скромного подданного Атанариха – Ульфила, готского Маленького Волка⁷².

Родившийся в начале IV в., Ульфила был отпрыском римских пленников, живших у тервингов. Они принадлежали к большой общине пленных, оказавшихся в руках готов в конце III в. В это время последние предприняли атаку на кораблях через Черное море из Южной России в Малую Азию, входившую в состав римских владений. Семью Ульфила захватили в маленькой деревне под названием Садагольтина близ города Парнасс в Каппадокии, расположенной на северном берегу того, что сейчас является озером Татту в Центральной Турции. Его имя, означающее «маленький волк», безусловно готское, показывает, что пленные приспособ-

⁷¹ О статуе см. у Фемиствия (Or. XV. 191a). О клятве: Amm. Marc. XXVII. 5. 9. Об использовании заложников: Braund, 1984. Культурное влияние не всегда оказывало желаемое воздействие. За три с половиной столетия до описываемых событий Арминий служил в качестве офицера в римских вспомогательных войсках, прежде чем задумал уничтожить Вара.

⁷² Об этих двух рукописях см.: Tjäder, 1972; Gryson, 1980.

ливались в языковом отношении к новой ситуации. Но они продолжали пользоваться и собственными языками. В дополнение к готскому Ульфила владел латинским и греческим, явно отдавая предпочтение греческому. То, что он получил такое образование, предполагает вполне сносные условия существования для пленных. Вероятно, они представляли собой достаточно автономную группу селян, обязанных передавать своим готским хозяевам значительную часть произведенной продукции, но в остальном пользовавшихся большей или меньшей свободой. Среди них было немало убежденных христиан. Ульфила, как мы говорили, вырос и укрепился в этой вере в обстановке многоязычия, став младшим священником в ранге чтеца. Такой тип подвластных общин, как известно, существовал в других варварских королевствах во времена поздней античности, и некоторые из них могли сохранять ощущение несходства на протяжении нескольких поколений. В случае с Ульфилой относительно неприметная жизнь невольного иммигранта во втором поколении должна была измениться в связи с тем, что тервинги обитали очень близко к римской границе в те времена, когда империя сама активно христианизировалась.

В начале 340-х гг. Констанций II решил извлечь новые выгоды из ситуации с заложниками, в числе которых тогда находился отец Атанариха. В этом положении нужно было проявить политическую гибкость, поскольку отец Констанция Константин установил в 330-х гг. над тервингами военное господство. Поскольку одной из целей Констанция была демонстрация христианского благочестия, то он решил поддержать собратьев-христиан, живущих под властью нехристианского правителя. Поэтому он договорился с Ульфилой, уже известным среди пленных, о том, чтобы посвятить его в епископы «христиан Готии», и привез его для этой цели в 341 г. в Константинополь в составе посольства. Затем Ульфила вернулся на северный берег Дуная и последующие семь лет исправно служил своей пастве. Но кое-что складывалось не очень удачно, и зимой 347–348 гг., когда он оказался в центре дипломатического кризиса в римско-готских отношениях, тервингские хозяева изгнали его из Готии вместе со многими его последователями из числа готов. Историки предполагают, что он распространил свою миссионерскую деятельность за пределы общины пленных на другие готские земли, но на дело следует взглянуть шире. К 348 г. Констанций вознамерился перебросить часть военных сил из земель тервингов для последующих боевых действий на римско-персидском фронте и смирился с тем, что его христианизаторская инициатива может оказаться той ценой, которую придется заплатить за это. Тем не менее Констанций прибыл на Дунай и приветствовал Ульфила так, «словно это был сам Моисей»⁷³.

Могло показаться, что это конец, но это было только начало. Ульфила и его последователи поселились около города Никополя на Истре, близ дунайской границы, поддерживая при этом контакт с теми многими христианами, которые оставались на готской территории. Именно здесь Ульфила выполнил перевод Библии, сохранившийся в Codex Argenteus. Его метод был прост: он слово за слово переводит стандартный для IV в. текст Библии, и его перевод имеет больше общего с синтаксисом и грамматикой греческого, нежели готского языка. Это был изумительный подвиг. Согласно традиции, Ульфила перевел все, за исключением ветхозаветной книги Царств, которая, как он полагал, побудит готов быть еще более воинственными, чем то имело место в его время. Человек, имевший юридически невысокий статус подданного тервингов, стал создателем первого литературного произведения на одном из германских языков⁷⁴.

⁷³ Основные два источника о жизни и деятельности Ульфила – письмо Авксентия и фрагмент 2.5 «Истории церкви» Филосторгия – ставят проблему датировки его рукоположения и времени пребывания Ульфила в Готии. См.: Heather, Matthews, 1991, Ch. 5 со ссылками и переводами в пользу разрешения вопроса, которое я предпочитаю. О подобной общине римских пленных у аваров в VII в. см.: «Чудеса св. Димитрия», 285–286.

⁷⁴ Текст Евангелий в переводе Ульфила сохранился в Codex Argenteus в более или менее исправном состоянии, тогда как над текстом посланий апостолов работали после его смерти другие: Friedrichsen, 1926, 1939. До Ульфила готы использовали руны для сакральных и некоторых иных целей, но, как уже упоминалось, готский не имел письменной формы. Ульфила должен был первым разрабатывать алфавит, который он в значительной степени создал на основе греческого с некоторыми

Это одна часть истории Ульфила. Другая излагается в письме Авксентия, сохранившемся в единственном экземпляре в Parisinus Latinus 8907. Обращение Константина привело к радикальным переменам в христианстве. Помимо прочего, для христиан, которые не жили более изолированными от других враждебных Римскому государству общин, потребовалось теперь определить положения своей доктрины. Этот процесс начался на Никейском соборе в 325 г., где соотношение Бога-Отца и Бога-Сына определялось как *homousios*, т. е. как «единосущное». Это-то и положило начало спору. Никейский символ христианской веры окончательно утвердился лишь после долгих дискуссий, последовавших на соборе в Константинополе в 381 г., и в течение 56 лет официальное римское христианство придерживалось более традиционной точки зрения, согласно которой Христос является «подобосущным» (*homoeusios*) по отношению к Богу-Отцу.

Немало сил было потрачено за это время на создание коалиций между различными священнослужителями, многие из которых до сих пор просто думали, что они верят в одно и то же, теперь же им пришлось делать выбор – какое из богословских положений лучше выражает их понимание веры. Тогда-то, примерно в 348 г., на арене появился Ульфила. В письме Авксентия содержится догмат веры, который Ульфила оставил в качестве своей последней воли и завещания и кратко объяснил причины этого. Ульфила был одним из наиболее традиционно мыслящих христиан: он считал никейский символ веры неприемлемым, поскольку тот противоречил библейским текстам и, как представлялось, почти не давал возможности отличить Бога-Отца от Бога-Сына. По словам Авксентия, «следуя традиции и авторитету Священного Писания, [Ульфила] всегда утверждал, что Бог[-Сын] на втором месте [после Отца] и что он творец всех вещей от Отца и после Отца и в пользу и во славу его... Учитывая, что Бог-Отец величием превосходит [его] (Ин. 14.28), он толкует это на основании Святого Евангелия».

Говоря словами Авксентия, «...со славой пребывая в сане епископа в течение сорока лет, Ульфила с апостольской святостью непрестанно проповедовал на греческом, латинском и готском языках... свидетельствуя, что есть лишь одно стадо Христа, нашего Господина и Бога... И все, что он говорил, все, что я записал, есть в Священном Писании: «Читающий да разумеет» (Мф. 24.15). Он оставил после себя несколько трактатов и множество комментариев на этих трех языках для пользы всех желающих воспринять, которые ему вечный памятник и награда».

К несчастью, эти трактаты и комментарии не сохранились. Ульфила занял позицию проигравшей в спорах о доктрине стороны, и его труды, подобно многим другим трудам его единомышленников, не дошли до нашего времени. Но из Авксентия и других источников мы знаем, что ему оказывал внимание не только Констанций, но и другой восточноримский император, Валент, и Ульфила в конечном счете поставил подпись под соглашениями по вопросам веры, которые эти императоры предложили соответственно в 359 и 370 гг. Он также создал вокруг себя влиятельную группу балканских епископов, не придерживавшихся никейского вероисповедания, которые имели немалый вес в церкви. Одним из них был Авксентий, другим – Палладий Ратиарский. В последний раз Ульфила участвовал в доктринальных спорах на Константинопольском соборе в 381 г. в возрасте семидесяти лет. Это была его последняя атака – постановления собора оставили его на обочине истории. Но пока он пребывал в расцвете сил, дела шли по-иному. Этот готский подданный скромного происхождения был великим мастером дискуссий о вероучении середины IV в.⁷⁵

Конечно, реальность сложнее образа. Если смотреть на дело глазами римлян, то варвары совершенно не умели рационально мыслить или строить планы; подверженные порывам чувств, они не знали иных побуждений, кроме сильнейшего желания добиться того, чего им

добавлениями специфических готских звуков, а затем выполнил перевод Библии с помощью разработанного им алфавита.

⁷⁵ Представление об этих богословских спорах и интригах дают работы: Hanson, 1988; Copechek, 1979.

хочется. Однако в течение двух столетий, рассматриваемых в книге, варвары отнюдь не были глупыми или иррациональными людьми. Находясь во главе готского общества, Атанарих и его советники столкнулись с жестокой необходимостью продумывать свои шаги в условиях огромного превосходства римлян. Им не приходилось рассчитывать на победу в открытом столкновении или на возможность изолировать себя от них. Тем не менее они смогли сформулировать и начать осуществлять действия, необходимые для такого выстраивания отношений с империей, чтобы максимально удовлетворить ее и в то же время предельно уменьшить господство в том, что казалось им наиболее тягостным. Они сумели стать желанными союзниками в ходе как внешних войн, так и внутренних распрей и время от времени ловко использовать обстоятельства к своей выгоде. Ниже на социальной лестнице стояли общины, представители которых владели греческим и латинским и обладали достаточно высокой христианской культурой, чтобы воспитывать таких людей, как Ульфила.

В действительности римско-готские отношения не представляли собой непрерывный конфликт между высшими и низшими, как того требовала римская идеология. Римляне по-прежнему держали себя надменно, как господствующая сторона, но готы могли быть ей полезны. Периодические конфликты являлись частью дипломатической игры, которую вели обе стороны, чтобы добиться наибольших преимуществ для себя. Варвары стали теперь уже не теми, какими были прежде. Если они твердо занимали позицию «младших братьев», то оказывались частью римского мира.

Клиентские царства

Сказанное касается не только дунайских готов, даже если большинство германских сообществ IV в. не столь хорошо засвидетельствованы в источниках, как тервинги. Проникновение на территорию империи стало повсеместным. Саксонский рейд 370 г. был, по-видимому, более серьезным, чем некоторые другие, однако со стороны Фемистия не было риторическим приемом то, что он завершает свой рассказ о готской войне 367–369 гг. кратким описанием того, как Валент укрепляет те части нижнедунайской границы, которых прежние императоры не достигали. Он и его брат активно укрепляли границы и гарнизоны. Но в IV в. большие конфликты на европейских границах Рима происходили лишь раз в течение одного поколения. Одним из первых актов императора Константина (310-е гг.) стало умиротворение на рейнской границе в землях франков и алеманнов (карта № 4). Более мы не знаем ни об одном серьезном столкновении в этих краях вплоть до начала 350-х гг. Волнения, которые вновь начались в 364–365 гг., были связаны с переменами в римской политике (одностороннее урезание расходов на помощь иноземцам). В остальном ничего не происходило до конца 370-х гг. Восточнее, на Среднем Дунае, сарматы, квады и маркоманны столкнулись с серьезным военным вмешательством римлян при императоре Константине, но ближе к концу его правления, в 330-х гг. Следующая вспышка насилия имела место в 357 г., а после нее – в 374–375 гг. На Нижнем Дунае, где, как мы видели, нашли приют в 330-х гг. готы, примерно тридцать лет царил мир.

4. Союзы германских племен и племен, находившихся под властью германцев в IV в.

В каждой из этих кампаний римляне с большими или меньшими трудностями добивались военного преобладания, в одних случаях вынуждая подчиниться с помощью широкомасштабных грабежей, в других – в результате одного сражения. В 357 г., например, военачальник Юлиан (в 361 г. он стал императором) повел 13-тысячную римскую армию в сражение близ города Страсбурга на римской стороне Рейна против объединившихся алеманнских царьков. Он одержал блистательную победу. Из 35 тысяч человек, приведенных их верховным вождем, Хнодомаром, примерно 6 тысяч остались лежать мертвыми на поле боя, а многие другие утонули, пытаясь переправиться вплавь через реку, тогда как римляне потеряли в общей сложности 243 воина и четырех старших офицеров⁷⁶. Это сражение стало великолепным примером того, что реорганизованная римская армия эпохи поздней империи сохраняла боеспособность. Начиная с подчинения тервингов Константином и кончая избиением прибывших в Северную Францию саксов, такой тип военного преобладания являлся нормой на всех римских границах в Европе.

В одном отношении такие победы могли положить предел вооруженному противостоянию. Они позволяли карать и запугивать, и, разумеется, историк Аммиан Марцеллин считал, что необходимо регулярно наносить удары по варварам, чтобы удерживать их от войны. С другой стороны, однако, военные победы становились первым шагом на пути дипломатического урегулирования на границах. После битвы под Страсбургом Юлиан потратил два года, проводя на той стороне Рейна сепаратные мирные переговоры с различными алеманнскими царьками, тогда как императору Констанцию II в это время приходилось иметь дело с другими племенными группами на Среднем Дунае.

⁷⁶ Amm. Marc. XVI. 12. 26 и 63 о числе; XVI. 12 в целом о битве.

Как мы видели, римской аудитории эти договоры преподносились по той же схеме: варвары полностью капитулировали (на латинском этот акт назывался *deditio*), и им были милостиво дарованы условия договора (по-латински *foedus*), на основании которых они становились подданными империи. В действительности, однако, существовали серьезные различия в деталях, в степени вынужденного подчинения и практического урегулирования. Там, где римляне полностью брали ситуацию под контроль, как, например, Констанций на Дунае в 357 г., они теперь могли активно влиять на изменения в политических структурах противоположной стороны, распуская конфедерации, казавшиеся им слишком опасными, и давая подходящим из числа зависимых царьков столько самостоятельности, сколько считали полезным для обеспечения долгосрочных интересов Рима. Римляне также набирали среди таких племен воинов для своей армии в соответствии с условиями большинства соглашений, иногда оговаривая право дополнительного набора солдат, которых они могли задействовать в отдельных походах. В 357–358 гг. будущий император Юлиан заставил алеманнов возместить причиненный ими ущерб. Это зачастую принимало форму поставок зерна, как в данном случае, однако если они оказывались невозможными, то от побежденных требовали выполнения трудовой и гужевой повинности, а также дерева для построек. Выдача заложников, как то случилось с отцом Атанариха, также была обычным делом, и иногда это приносило значительные успехи. Один алеманнский князек оказался под таким впечатлением от средиземноморских религий, с которыми он столкнулся на римской земле, что назвал своего сына Сераписом в честь соответствующего египетского бога. Там, где римский контроль оказывался слабее, работа, материалы и людские ресурсы не всегда были для них бесплатными, и политические структуры, которые эволюционировали независимо, получали их одобрение. Так или иначе, за пределами укрепленной приграничной полосы лежала зона германских королевств, по большей части клиентских, которые являлись неотъемлемой частью римского мира⁷⁷.

Сказанное не означает, будто эти государства находились под полным римским контролем или будто они непременно испытывали радость от того, что занимали подчиненное положение в рамках римского порядка, как мы то наблюдали в случае с Атанарихом. Если внимание Рима было отвлечено другими неотложными задачами, то дела у варваров могли идти прекрасно, иногда временно, а иногда и постоянно. В начале 350-х гг., например, в западной части империи произошло несколько узурпаций, которые начались с убийства Константа, брата правившего тогда на востоке империи Констанция. Констанций счел своей первоочередной задачей разгром узурпаторов, и именно это позволило Хнодомару создать алеманнскую армию, с которой столкнулся Юлиан под Страсбургом. Но когда узурпаторов победили, римляне одолели их в ходе двухлетней кампании и нанесли им серьезное поражение. Хнодомар был слишком агрессивен для римлян, чтобы они согласились иметь с ним дело, – он даже захватывал земли на римском берегу Рейна. Однако примерно десятилетие спустя у алеманнов появился новый выдающийся предводитель – Макриан. Брат Валента Валентиниан потратил лет пять, стараясь сломить его власть, несколько раз пытался его похитить и убить. Но Макриан в отличие от Хнодомара не был настолько амбициозен, чтобы забредать на римскую территорию, так что когда на Среднем Дунае назревали смуты, Валентиниан мог приглашать его, чтобы совсем не потерять лицо, для встречи на кораблях на Рейне – подобно тому как принимал Валент Атанариха на Дунае. Тем самым признавался высокий статус Макриана, а сам он подтверждал, что является надежным римским союзником, пока жив. Это клиентское царство также прилагало все усилия, чтобы Рим не подмял его под себя. Политическая жизнь алеманнов протекала в соответствии с их собственными представлениями, их цари регулярно приглашали один дру-

⁷⁷ О теории и практике этих договоров см.: Heather, 2001.

гого на празднества. Мы также слышим о войнах между алеманнами и франками, алеманнами и бургундами, но ничего не знаем об их причинах и последствиях⁷⁸.

В целом отношения римлян с европейскими клиентскими царствами в IV в. не полностью вписывались в идеологические рамки, задавшиеся традиционными представлениями о варварах. Отношения обеих сторон носили пусть и неравный, но близкий к сотрудничеству характер на всех уровнях. Клиентские царства торговали с империей, обеспечивали людскими ресурсами ее армии, подвергались ее культурному влиянию, а их дела регулярно становились объектом дипломатического вмешательства римлян. В свою очередь, варвары ежегодно получали помощь, и иногда по крайней мере по отношению к ним проявлялось некоторое уважение. Примечательно, что договоры всегда оформлялись в соответствии с нормами как клиентских царств, так и Римского государства. В представлениях римлян германцы далеко ушли от образа «чужака-дикаря», даже если политическая элита империи делала перед своими подданными вид, что это не так. Как стало ясно в последние годы, основой нового порядка в римско-германских дипломатических отношениях стали глубокие изменения в германском обществе.

Изменения в германской Европе

Письменные источники содержат важные свидетельства, которые позволяют увидеть фундаментальные изменения, происшедшие за три с половиной столетия, отделявшие Арминия от Атанариха. В середине IV в. имена западных германских племен, известные из сочинений Тацита, неожиданно выплывают из наших источников. Херусков, хаттов и прочих вытесняют четыре новых племени: франки и алеманны на рейнской границе, саксы и бургунды – дальше на восток (см. карту № 4). Юго-Восточная Европа, земли к северу от Черного моря также претерпели серьезные политические изменения. К IV в. значительная часть территории от римской границы на Дунае до реки Дон оказалась под властью готов и других германоязычных племенных групп, сделав германский ареал позднеримского времени больше, нежели он был в I в.

Новую ситуацию за пределами Причерноморья породили перемещения германских племенных групп с северо-запада, во многом с территории нынешней Северной и Центральной Польши. В ходе небольших и независимых друг от друга миграций, имевших место между 180–320 гг., они появились у подножия Карпатских гор. В Северном Причерноморье кочевавшие группы боролись одна с другой, а также с местными племенами – такими как дако-язычные карпы и ираноязычные сарматы – и римскими гарнизонами. Как и следовало ожидать, этот процесс носил насильственный характер. Империя решила избавиться от находившейся к северу от Дуная провинции Дакия (275 г.), и в результате значительное число карпов переселились на римскую территорию около 300 г. На римские земли постоянно совершались набеги, во время одного из них и попали в плен родители Ульфила. В итоге возникло несколько крупных политических объединений во главе с готами, из которых ближе всего к Дунаю находились тервинги Атанариха. К северу и востоку от них проживало неизвестное число иных племен⁷⁹. Сказать что-либо об их численности трудно, однако очевидно, что эти объединения были смешанными, значительную их часть составляли даки и сарматы, не говоря уже о римских пленниках, которые жили под политическим покровительством готских и иных германских переселенцев. Гос-

⁷⁸ О Хнодомаре см.: Amm. Marc. XVI. 12; о Макриане: XXIX. 4. 2; о войнах между алеманнами, франками и бургундами см.: XXVIII. 5. 9–10; XXX. 3. 7.

⁷⁹ Обычно речь идет лишь о двух готских племенах, остготах и вестготах, но это анахронизм. Как мы увидим в гл. 5, традиционное отождествление неверно; последние появились на римской земле в 390-х гг., в правление Алариха.

подство последних, однако, с очевидностью прослеживается благодаря римским нарративным источникам и лингвистическим свидетельствам перевода Библии, сделанного Ульфиллой⁸⁰.

Значение этнонимических перемен на рейнской границе и местном хинтерланде стало предметом горячих споров. Их причиной, по всей видимости, вновь оказалась иммиграция. Бургунды появляются в рассказе Тацита о Германии I в. н. э., но они жили намного северовосточнее племени IV в., носившего то же имя. Весьма вероятно, что некоторые миграции выходили за рамки локальных перемещений, но, возможно, как и на востоке, они не принимали форму переселения целых народов⁸¹. В остальном же мы знаем, что под новыми именами продолжали существовать некоторые прежние племенные группы. О бруктерах, хаттах, амписвариях и херусках в одном источнике сообщается, что все они принадлежали к франкской конфедерации племен, а подробные синхронные событиям свидетельства показывают, что алеманнские царьки всегда правили одновременно, каждый в своих владениях, обладавших значительной степенью самостоятельности. В сражении под Страсбургом, например, Юлиан столкнулся с семью царями и десятью князьями.

В то же время, однако, алеманнское общество к этому времени порождало полновластных царей, личностей, которые обладали куда большим могуществом, чем другие правители-соплеменники. Хнодомар, разгромленный Юлианом под Страсбургом в 357 г., был одним из них, так же как Вадомар, возвышению которого позднее противились римляне, и Макриан, которого Валентиниану пришлось признать в 374 г. Их власть не передавалась по наследству, и нет сообщений ни о том, как они стали столь могущественными царями, ни о том, какие выгоды это им приносило. Наши римские информаторы были не особенно расположены распространяться на сию тему. Не исключено, однако, что это подразумевало некоторую финансовую и военную поддержку, если таковая запрашивалась. Определенное развитие свидетельствовало о том, что этнонимические перемены III в. отражали политические реалии. На территории алеманнов, где существовали характерные для I в. независимые политические объединения, появились новые суперструктуры. Вполне возможно, хотя прямых свидетельств этому нет, что у тогдашних франков и саксов развитие шло тем же путем унификации институтов и общественных порядков. Если обратиться на восток, то то же самое, видимо, происходило на Дунае, у готов-тервингов. Атанарих возглавлял конфедерацию, в состав которой входило неизвестное число других царьков и князей⁸².

Но дело было не только в том, что политические структуры Германии IV в. отличались от ее политических структур I в. Новые археологические свидетельства проливают свет на глубокие социальные и экономические изменения, которые создали тот мир, где жил Атанарих. Все началось в грязных полях к востоку от северного участка римской границы на Рейне. В начале 1960-х гг. были проведены раскопки в двух сельских местечках – Вийстер в Нидерландах и Феддерсен в Германии. Находки имели поистине революционное значение. Оказалось, что это два крестьянских поселения, жители которых занимались пашенным земледелием и скотоводством. Оба относятся к I в. Особая важность данных открытий состоит в том, что на протяжении большей части своей истории это были сельские общины со значительным числом домов, где люди жили в одно и то же время: более пятидесяти в Вийстере и тридцать в Феддерсене

⁸⁰ Об этом свидетельствуют письменные источники в сочетании с археологическими (см.: Heather, 1996, Ch. 3).

⁸¹ На сей счет археологических данных немного, однако лингвистические свидетельства куда более значительны. В V – начале VI в. бургундский язык следует со всей определенностью относить к восточно-, а не к западногерманской группе языков, хотя его носители жили на западе (Haubrichs, в печати).

⁸² О франкских подгруппах см. у Григория Турского: Hist. II. 9; о сражении под Страсбургом: Amm. Marc. XVI. 12; о Вадомаре: Amm. Marc. XXI. 3–4; о Хнодомаре и Макриане см. выше. В одном источнике об Атанарихе говорится как о «судье царей» (Ambr. De spiritu sancto. Prol. 17), а в тервингскую конфедерацию входит определенное число подвластных «царей» (вероятно, так в греческих и латинских источниках переводится германское *reiks*, которое может подразумевать скорее знатного человека, нежели монарха).

Вирде. Кроме того, люди обитали в этих поселениях вплоть до V в. Значение изложенного в том, что речь идет о занятиях сельским хозяйством.

В последние столетия до н. э. в германских областях Европы господствовал скорее экстенсивный, чем интенсивный тип земледелия. Короткие периоды обработки почвы сменялись оставлением земли под паром на долгое время, и, чтобы прокормить наличное население, такой способ хозяйствования требовал больших земельных площадей. У народов раннего железного века отсутствовала техника поддержания плодородия полей на достаточно долгие отрезки времени, и поля могли использоваться всего лишь несколько лет перед тем, как их покидали. В целом вспашка принимала форму не столько проведения правильных борозд, сколько тщательной перекрестной зачистки, так что сорные травы перегнивали, обогащая плодородный слой почвы. Основным удобрением являлась зола.

Это то, чем выделялись поселения в Вийстере и Феддерсене Вирде. В начале римского периода германцы развивали совершенно новые методы, используя в качестве удобрения экскременты и более прогрессивную систему трехполья, что позволяло увеличить урожаи и сохранять плодородие земли на достаточно длительный срок. Впервые в Северной Европе, таким образом, стало возможным совместное проживание людей в более или менее постоянных, кучных (словно образующих сгустки) поселениях. На севере и востоке применение навоза началось позже. На территории современной Польши, в районе распространения Вельбаркской и Пшеворской культур германские поселения в течение первых двух столетий н. э. оставались небольшими, кратковременными и разбросанными на обширном пространстве. Однако к IV в. утвердились новые методы хозяйствования. Поселения в Северном Причерноморье, в краях, где властвовали готы, оказались, возможно, более жизнеспособными. Наиболее крупное из них, Будешты, занимало территорию площадью в 35 га. Было обнаружено значительное число плугов и деталей от них, и это доказало, что обитатели подвластных готам земель использовали железные сошники и лемехи для должной обработки земли, пусть и на небольшую глубину. В недавних работах показано, что такие поселения возникли также и в Скандинавии. Интенсивное пашенное земледелие развивалось повсюду, и анализ пыльцы подтверждает, что в период между началом нашей эры и V в. зерновые культуры, активно развиваясь, распространились в чрезвычайно широком ареале за счет пастбищ и древесных насаждений – на территории современных Польши, Чехии, Германии. Все новые и новые участки земли начинали подвергаться обработке и возделывались весьма интенсивно⁸³.

Главным результатом всего этого стало то, что население подвластной германцам части Европы за века римского господства чрезвычайно выросло. Главным ограничением численности любого народа является возможность прокормиться. Переворот в земледелии у германцев резко повысил возможности для роста населения, и об этом росте свидетельствуют данные погребений.

Произошли изменения и в других секторах экономики. Какой-либо всеохватный обзор их невозможен, однако железоделательное производство в Германии чрезвычайно расширилось. В Польше в двух крупнейших центрах (в Светокржиских горах и на юге Мазовии) за римский период было произведено 8–9 млн кг необработанного железа. Это было намного больше, чем могло потребить население ареала Пшеворской культуры. Было также обнаружено множество мест, где добыча и выплавка производилась в меньших масштабах, таких как примерно пятнадцать кузниц, в IV в. сгрудившихся на берегу реки в Синицах на территории контролировавшейся готами Украины. Нечто подобное наблюдается и с керамикой: в начале римского периода германцы всю ее изготавливали вручную, очевидно, по большей части в местных мастерских. К IV в. такая керамика была вытеснена изделиями, изготавливавшимися уже на

⁸³ О Вийстере и Феддерсене Вирде см.: Van Es, 1967; Naarnagel, 1979. Более подробный обзор свидетельств со ссылками см.: Heather, 1996, Ch. 3.

гончарном круге. Они обжигались при куда более высоких температурах и потому были прочнее и затейливее. Их делали чрезвычайно искусные ремесленники. Зарабатывали ли германские гончары себе на хлеб именно своим ремеслом, неясно, но не приходится отрицать, что экономика становилась все более разнообразной. Перемены особенно заметны в производстве предметов, предназначавшихся для элиты. Исследования захоронений показывают, что стекло очень ценилось у германцев в первые века н. э. Вплоть до IV в. все стекло, найденное археологами у германцев, ввозилось из Римской империи. Именно это, видимо, являлось причиной того, что стекло столь высоко ценилось – подобно тому как итальянские дамские сумочки в наше время. Однако в 1960-х гг. у подножия Карпат, в Комарове, раскопки выявили остатки мастерских по изготовлению стекла. Качество их продукции, широко распространенной (от Крыма до Норвегии), было таково, что их поначалу сочли римским импортом. Но стекольная мастерская со всеми ее формами для изделий не оставляет сомнений в том, что речь должна идти о германском производстве.

То же можно сказать и о драгоценных металлах. До начала нашей эры в германских селениях идентифицировались лишь немногие объекты по обработке таких металлов, и в первые века нашей эры огромное большинство украшений производилось из бронзы. К IV в. замысловатые серебряные застёжки (*fibulae*) разных типов стали обычным элементом одежды германцев. Сохранилось несколько предметов большего размера, особенно одно из серебряных блюд из знаменитого клада, найденного в Петроасе, в Румынии, в конце XIX в. Как именно изготавливались по меньшей мере некоторые из этих изделий, можно судить по данным раскопок в деревне Бырлад-Валеа Сеака (в современной Румынии), которая, вероятно, находилась на территории, подвластной Атанариху, вождю тервингов. Для погребений в подконтрольном готам Северном Причерноморье характерны составные гребни, сделанные из оленьего рога. Гребни имеют немалое значение для представления о культуре. Прически, принятые у некоторых германских племен, символизировали принадлежность к ним (как знаменитый свебский узел) или определенный социальный статус (длинные волосы меровингских королей у франков). Раскопки в Бырлад-Валеа Сеака позволили выявить примерно двадцать жилищ, где оказались гребни и их детали на различных стадиях изготовления. Очевидно, вся деревня занималась их производством⁸⁴.

Нам бы хотелось знать гораздо больше. Производились ли эти гребни для коммерческих целей и обмена, или это была деревня, находившаяся в определенной зависимости, и с нее ежегодно требовали дань таким большим числом гребешков? При любом ответе на этот вопрос не вызывают сомнений масштабы и важность экономической революции, которая изменила германскую часть Европы к IV в. Развивались новые ремесла, и товары распространялись на все более обширных пространствах. Некоторые из этих изделий могли быть не предназначены для продажи, а являлись, например, дарами одного правителя другому, но мы знаем, что тервинги вели активную торговлю с римским миром, как это делали народы на рейнской границе. И хотя в Германии не чеканили монет, римские деньги имели там широкое хождение и легко могли употребляться как средство обмена (как сообщает нам Тацит, уже в I в. германцы, жившие на Рейне, использовали для своих целей высококачественные римские серебряные монеты).

* * *

Экономический рост сопровождался социальной революцией. В германской части Европы не всегда существовала господствующая общественная элита, или по крайней мере ее присутствие не прослеживается по захоронениям, которые являются лучшим источни-

⁸⁴ Польша: Urbanczyk, 1997, p. 40. Готская керамика и гребни: Heather, Matthews, 1991, Ch. 3 со ссылками. О стекле: Rau, 1972; ср.: Hedeager, 1987; Heather, 1996, Ch. 3 с подробным обзором дискуссии.

ком наших знаний. В Северной и Центральной Европе значительную часть I тысячелетия почти повсеместно практиковалась кремация как основная форма погребального обряда, и содержимое могильников в целом одно и то же: несколько предметов грубой керамики, изготовленной вручную, и своеобразно украшенные застёжки. Только в III в. погребения стали богаче (наиболее значительные из них часто атрибутируются по их германским признакам, *Fürstengraber*, «княжеские погребения»), они немногочисленны и встречаются редко. Также в римский период впервые в могилы людей из одних и тех же общин начинают класть совершенно различное количество предметов. На западе богатые погребения хронологически концентрируются, одна группа относится к концу I в. н. э., другая – к концу II в. Однако весьма маловероятно, что «князья» существовали только в эти изолированные отрезки времени, так что нелегко выявить соотношение между богатыми погребениями и социальным статусом. На востоке погребения образуют нечто подобное для римского периода, хотя и по-иному, например, огромные каменные холмы, чтобы обозначить особый статус, впервые использованы германцами во II в. Необычно богатые или большие погребения скорее всего говорят о притязаниях и намерениях похороненных в них людей; предполагают, что они маркируют скорее момент острого соперничества, нежели какого-то особого богатства⁸⁵.

К счастью, в нашем распоряжении есть менее расплывчатые сведения, в том числе и письменные, которые помогают нам понять их значение в долгосрочной перспективе. Хотя мало признаков того, что в I в. политическое первенство передавалось по наследству, и лидерство даже в рамках небольшой группировки носило скорее коллективный, чем индивидуальный характер, в IV в. главенство у тервингов передавалось в течение трех поколений одной и той же семьи (в обратном порядке): Атанарих, его отец-заложник и вождь тервингов, который вел переговоры с Константином. Наиболее осведомленные из наших греческих и латинских авторов единогласно называют этих предводителей «судьями», но мы не знаем, какой титул переводился таким образом. Есть все основания предполагать, что власть второстепенных царьков и князей, стоявших ниже верховных вождей, была также наследственной. Подобный порядок господствовал у алеманнов. Положение верховного вождя, как мы отметили выше, не было наследственным – не в последнюю очередь потому, что римляне стремились устранять тех, кто добивался этого статуса; однако статус младших вождей у алеманнов именно наследственным и был. Медерих, высокопоставленный алеманнский заложник, который сменил имя своего сына на имя Серапион в честь египетского бога, был братом Хнодомара, приведшего алеманнов к поражению под Страсбургом в 357 г. Серапион также правил в качестве царя и в сражении командовал правым крылом армии – вероятно, признак того, что к нему не испытывали особых симпатий за его экзотическое средиземноморское имя. Преемственность могла не носить характера прямой передачи от отца к сыну, но Хнодомар, Медерих и Серапион являлись представителями царского клана и имели право передавать свою власть из поколения в поколение. То же самое, по-видимому, действительно в отношении других алеманнских царей. Когда римляне устранили верховного царя Вадомара, сочтя, что он представляет слишком большую угрозу, они также убрали со сцены его сына Витникабия – они полагали, что власть отца может быть унаследована по меньшей мере потенциально⁸⁶.

Археологические свидетельства дают много важных сведений о германской элите IV в. Археологи сумели идентифицировать рассеянные по всей Германии некоторые центры и места проживания, из которых осуществлялось господство. На окраинах долины Рейна, там, где начиналась страна алеманнов, раскопки холма, известного как Рундерберг в городе Урахе, выявили мощные бревенчатые укрепления, окружавшие территорию в форме яйца 70 на 50 м. Внутри ее находилось несколько зданий, в том числе большая бревенчатая усадьба и несколько

⁸⁵ Heather, 1996, p. 65–75 со ссылками.

⁸⁶ О тервингах см.: Wolfram, 1988, S. 62 ff.

домов поменьше, разбросанных по склонам холма. Эта усадьба являлась одним из мест, где предводители алеманнов оказывали гостеприимство один другому и, несомненно, пировали со своими слугами. Занимали ли более скромные жилища их слуги, ремесленники или простые алеманны, неясно (данные раскопок опубликованы не полностью). Далее, к востоку, на контролируемых готами территориях несколько укрепленных центров идентифицированы и частично исследованы. В большинстве пунктов в Северном Причерноморье обломки римской керамики составляют от 15 до 40 процентов всех находок. В Александровке остатки римских амфор (по большей части из-под вина) насчитывают до 72 процентов; очевидно, здесь происходило немало мероприятий, где их использовали. Что должна была представлять собой вилла другого готского вождя, показывает находка в Каменке-Анчекрак. Она состояла из четырех каменных домов с пристройками и внутренним двором, занимая территорию в 3800 кв. м. Обширные хозяйственные помещения и большое количество римской керамики (более 50 процентов, на этот раз – обломки амфор из-под вина и великолепной столовой посуды) демонстрируют, что это был крупный центр потребления. В румынской Петроасе находки керамики и склада инструментов показывают, что вождь готов в IV в. использовал старое римское укрепление в тех же целях, что и римляне. Такой вид отдельного жилья для элиты был новым явлением⁸⁷.

Ясно, однако, что добытое в результате экономической революции у германцев богатство не распределялось равномерно, а сосредоточивалось в руках отдельных групп. Всякий новый приток богатства, подобный тому, которое породили в более поздние времена индустриальная революция или глобализация, неизменно порождает активное соперничество в деле контроля над ним; и если масштабы нового богатства достаточно значительны, то его обладатели создают принципиально новые властные структуры. В Западной Европе, например, индустриальная революция в конце концов разрушила социальное и политическое господство землевладельческого класса, который правил со времен Средневековья, поскольку по сравнению с состояниями промышленников те деньги, которые можно было нажить на занятии сельским хозяйством, выглядели смешными. Поэтому едва ли неожиданным оказалось то, что экономический переворот в Германии породил также и социально-политический, и археологические находки проливают свет на некоторые из этих процессов.

В древности значительную часть Ютландского полуострова покрывали заводи и торфяные болота, ныне осушенные в ходе осуществления современных мелиоративных проектов. Недавние раскопки показали, что эти и подобные участки североморского хинтерланда благодаря способности болот и заводей поглощать столько вещей долгое время использовались соседними народами в качестве хранилища их сакральных предметов. Были извлечены из земли предметы, принадлежавшие конкретным людям, от колесницы до золотой посуды, которые можно датировать различными периодами. В римский период, с конца II по IV в., было изготовлено немало оружия, посвященного богам: значительная его часть обнаружена в заводах и трясинах по всей указанной территории – в Вимозе, Торсбьерге, Нюдаме близ Остерсотрупа и Эйсбель Мосе. Немало оружия и снаряжения больших свит – целых армий – в порядке совершения ритуального обряда было испорчено. Более всего удивляет положение находок III в. в Эйсбель Мосе на юге Ютландии. Они дают нам представление об отряде, которому первоначально принадлежало вооружение. В ходе этих раскопок археологи обнаружили оружие маленькой армии из 200 человек – копья, дротики, щиты (как минимум 60 из них имели мечи и ножи); неопределенное число лучников (найдено 675 стрел) и от 12 до 15 человек с особым вооружением, 9 из них – конные. Это был хорошо организованный отряд с четкой иерархией

⁸⁷ См. Heather, 1996, p. 66, 70–72 с исчерпывающими ссылками.

и высоким уровнем военной специализации: предводитель и его свита, а не толпа деревенских ополченцев⁸⁸.

На основе изложенного мы видим, как предводители могли создавать дистанцию между собой и своими соплеменниками и делать свою власть наследственной. У германцев I в. н. э. власть быстро приходила и уходила, но если в течение одного поколения те или иные семьи могли использовать приобретенное богатство, чтобы создавать организованную вооруженную силу вроде той, которая известна по находкам в Эйсбель Мосе, и передавать состояние и слуг наследникам, их возможности сохранять власть на протяжении нескольких поколений значительно возрастали. Организованная вооруженная сила оказывалась тем средством, с помощью которого честолюбивые помыслы, дающие о себе знать в богатых погребениях, воплощались на практике. К IV в. свиты стали важнейшим атрибутом власти. Хнодомар, вождь алеманнов, разбитый Юлианом под Страсбургом, располагал свитой из 200 воинов⁸⁹ – напрашивается сравнение с находками в погребении в Эйсбель Мосе.

В других источниках подчеркивается, что такие отряды использовались, и весьма часто, не только в сражениях. Преследования христиан, которые Атанарих развернул после частичного освобождения тервингов от римского господства в 369 г., вызвали к жизни такое великолепное свидетельство, как «Мученичество св. Сабы», историю преследования и гибели готского мученика с таким именем. «Саба» было именем собственным у тервингов, а не принадлежало отпрыску римских пленников. «Мученичество» было написано на римской территории, где оказалось найдено тело святого после его смерти. Среди множества конкретных подробностей мы находим сведения о том, что предводители среднего уровня у тервингов располагали собственными свитами и использовали их для осуществления своих намерений. Именно парочка головорезов, отправленных неким Атаридом, и отправила в конце концов на тот свет Сабу, утопив его (Pass. St. Sabae. 4.4; 7. 1–5).

Свиты помогают понять, на чем основывалась власть в IV в. Они, как мы видели, создавались и действовали в центрах потребления – таких как Рундерберг или Петроаса в Румынии. Из раннесредневековых текстов мы узнаем, что роскошные угощения были главной добродетелью, которая ожидалась от германских вождей в обмен на верную службу, и нет оснований предполагать, что это было новое явление. Требовалось не только большое помещение, но и неиссякающее изобилие продовольствия и закупка таких продуктов, которых не производило местное хозяйство, – вроде римских вин. Как показывает наличие специалистов-ремесленников, германская экономика уже достаточно преодолела старые ясторфские рамки, чтобы обеспечивать значительное число производителей, не занятых в сельском хозяйстве.

Находки в болотах позволяют сделать еще один важный вывод. Это были жертвы богам, а именно благодарственные приношения за победу: находки в Эйсбель Мосе знаменуют уничтожение 200 человек, чье оружие брошено в глубину. Нам не узнать, кем они были. Являлись ли они одним из небольших племен, разгромленным другим? Тацит дает комментарий по поводу хаттов и тех, кто разбил их в ходе борьбы за источники соли – гермундуров: «Обе стороны заранее посвятили, если они победят, Марсу и Меркурию войско противника, а по этому обету подлежат истреблению у побежденных кони, люди и все живое» (Ann. XIII. 57. Пер. А.С. Бобовича). Ритуальное жертвоприношение побежденных врагов, очевидно, не было делом новым. Даже одна из этих небольших племенных группировок к I в. н. э. могла выставить на поле боя более двух сотен людей, так что находки в Эйсбель Мосе свидетельствуют об уничтожении отряда падких до наживы бродячих воинов – возможно, перебитых во время рейда в южную Ютландию за добычей или с целью установления какой-то формы господства, которая позволила бы им более регулярно собирать дань и продовольствие. Так или иначе,

⁸⁸ Ørsnes, 1968; ср. Hedeager, 1987 со ссылками на литературу.

⁸⁹ Amm. Marc. XVI. 12. 60.

находка показывает, что если новые потоки богатств в конце концов распределяются неравномерно, то это никогда не обходится без конфликтов.

Другой чертой, присущей большей части Германии римского периода, являлся заметный рост числа погребений с оружием. Военные свиты были не только порождением социально-политической революции, но и тем локомотивом, который влек ее, и разгул насилия внутри Германии был, вероятно, свойственной ей со II по IV в. чертой. Наследственные правители, которые возглавляли конфедерации алеманнов, франков и саксов, устанавливали свою власть в результате энергичного соперничества. То же самое справедливо с небольшими поправками и в отношении готского мира, располагавшегося дальше к востоку. Здесь куда большую роль играли миграции, но, чтобы создать конфедерации, подобные тервингам Атанариха, нужно было подчинить местные народы и установить наследственную иерархию. И на западе, и на востоке рост богатства порождал жестокую борьбу за контроль над ним, при которой допускалось применение специально подготовленной вооруженной силы в качестве средства для обретения такого контроля. Результатом этих процессов стало появление более крупных конфедераций, характерных для Германии IV в.

Начало феодализма?

Некоторые ученые делают вывод о том, что уже в IV в. в германском обществе пользовалась влиянием лишь узкая группа знатных лиц, которые обладали сильным вооружением и свитой из воинов. Однако существует немало погребений III–IV вв., не говоря уже о наиболее богатых, с некоторыми достойными внимания предметами: у мужчин – оружие, у женщин – весьма изысканные наборы драгоценностей. Подобные погребения слишком многочисленны, чтобы принадлежать лишь королям и представителям феодальной знати. В более поздних письменных источниках содержатся прозрачные намеки на то, чьими были эти захоронения. В конце V – начале VI в. в германских государствах, ставших преемниками Западной Римской империи, появилось немало текстов законодательного содержания. Они рисуют германские общества (и те, которые находились под властью германцев) на их поздней стадии, когда они состояли в целом из трех классов – свободных, вольноотпущенников и рабов. В отличие от римских аналогов, где дети вольноотпущенников являлись полностью свободными, статус вольноотпущенников у германцев был наследственным. Браки между представителями этих классов запрещались, и требовалась сложная публичная церемония для того, чтобы преодолеть все препятствия, их разделявшие. Метод деления на юридические категории был широко распространен – у готов, лангобардов, франков, англосаксов, например. Достаточно значительный класс свободных, скорее, чем немногочисленная феодальная знать, играл немалую политическую и военную роль в королевстве остготов в Италии, в вопросах войны, политики и землевладения – у франков и лангобардов. Оружие клали в могилу свободным людям также у англосаксов в V–VI вв. – делалось это скорее для того, чтобы продемонстрировать социальный статус человека, нежели просто показать, что он был воином⁹⁰.

Учитывая, что весьма значительные богатства притекли в германское общество между IV и VI в., когда германские племена захватывали различные части Римской империи, я не думаю, что участие германцев в политике было в IV в. слабее, чем в VI в. Во всяком случае, оно должно было быть шире. Так что если относительно многочисленный класс свободных людей все еще существовал в VI в., наверняка то же имело место двумя столетиями ранее. Другими словами, квазифеодальная военная аристократия еще не занимала господствующего

⁹⁰ Свидетельства, касающиеся континента: Heather, 2000; Wickham, 1992. Относительно англосаксов см.: Härke, 1990. Часть захороненных с оружием, возможно, и не принимала участия в боевых действиях, в том числе и человек с расщепленным позвоночником, который не мог ходить.

положения в позднеримский период. И римские источники, несмотря на отсутствие у их авторов интереса к внутригерманским делам, дают достаточно свидетельств, подтверждающих эту точку зрения. Готские короли IV в. не могли, например, просто отдавать приказы, но им приходилось выносить свою политику на обсуждение достаточно широкой аудитории, и готские армии около 400 г. состояли из большого числа элитных воинов – иными словами, свободных, а не только узкого круга представителей военной аристократии. У этих элитных бойцов были свои вооруженные слуги; в более позднем законодательстве фиксируется положение, согласно которому вольноотпущенники (но не рабы) участвовали в боевых действиях – видимо, бок о бок со свободными, от которых они находились в зависимости⁹¹. Это не значит, что между свободными существовало равенство: одни были намного богаче других, особенно если пользовались королевским расположением. Однако власть в обществе отнюдь не принадлежала узкому кругу знати.

Как короли и аристократы с их свитами взаимодействовали с остальными свободными? Это не тот вопрос, на который может в достаточной степени пролить свет археология. Не особенно помогают здесь и римские источники. Однако чтобы кормить свиту и платить ей, каждый, кто располагал большой вооруженной свитой – все алеманнские короли, «судьи», короли тервингов, – должен был установить для себя определенные права на экономическую поддержку со стороны свободных и зависевших от последних людей. Нет признаков, чтобы в IV в. в Германии существовало грамотное чиновничество, необходимое для широкомасштабного сбора налогов, но сельскохозяйственная продукция должна была регулярно взыскиваться. Поэтому ситуация явно изменилась с I в. н. э., когда подати вносились от случая к случаю отдельным вождям на добровольной основе, как сообщает об этом в своей «Германии» Тацит. Очевидно, короли представляли свои племена на переговорах с иноземными властителями – таких как встреча Атанариха и Валента – и несли ответственность за проведение «внешней политики». Они также явно имели право призывать подданных на военную службу, поскольку внешняя политика зачастую подразумевала нечто большее, чем просто решение, кому объявлять войну. Вожди также обладали чем-то вроде юридических функций. По крайней мере они разбирали споры между своими наиболее влиятельными подданными. Весьма сомнительно, что они имели право издавать законы общего характера. Законотворчество в германских королевствах послеримского Запада выглядит как новая функция, но даже тогда оно совершалось лишь в условиях консенсуса. Когда бы ни составлялись своды законов, это происходило на собраниях «больших» и «лучших», и они принимались от имени всех⁹².

Римские источники IV в. в малой степени проливают свет на то, как именно короли и их свиты взаимодействовали с классом свободных, но «Мученичество св. Сабы» позволяет нам лучше понять, как это происходило. Преследование христиан у тервингов проводилось по решению предводителей их племени, как царьков, так и самого Атанариха. Однако наблюдение за их осуществлением являлось делом местных сельских общин, и слуг, незнакомых с местными условиями, отправляли следить за ходом дел. В случае с деревней Сабы это давало местным жителям возможность сорвать проведение политики, к которой они явно не испытывали симпатий. Получив приказ о преследованиях, они принесли ложную клятву о том, что христиан среди них нет. В этой деревне, очевидно, христиан хотели защитить от преследований со стороны Атанариха, и его слуги здесь не могли ничего добиться. У них не было представления о том, кто может быть или не быть христианином. Саба пострадал именно потому, что не пожелал мириться с обманом⁹³.

⁹¹ Участвовавшие в боевых действиях вольноотпущенники у германцев упоминаются в вестготских и франкских кодексах VI–VII вв., а также нарративных источниках V–VI вв.: Heather, 1996, App. 2; Heather, 2000.

⁹² Wormald, 1999, Ch. 2.

⁹³ Pass. St. Sabae, passim.

В германском обществе олигархия широко сочеталась со значительной властью, находившейся в руках по-прежнему многочисленного слоя свободных людей. Это положение должно было еще измениться, прежде чем общество стало феодальным в эпоху Каролингов.

Рим, Персия и германцы

Наше исследование перемен, в результате которых германский мир преобразился между I и IV в., ясно показывает, почему по-прежнему внимание римлян было столь сосредоточено на Персии в позднеримский период. Превращение этого государства в сверхдержаву вызвало тяжелейший кризис III в., и угроза со стороны Персии казалась намного более серьезной, даже после того, как фронт на Востоке стабилизировался. В отличие от нее в Германии даже в IV в. дело не доходило до того, чтобы ее народы осознавали свою общность, а политические структуры не становились унифицированными. Случайные альянсы пролагали путь более прочным объединениям, или конфедерациям, последние же представляли собой серьезную перемену по сравнению с хаотическим миром I в. с его постоянной сменой союзников. Хотя королевский статус мог теперь передаваться по наследству, даже самые удачливые из германских предводителей IV в. не могли повторить успех Ардашира в деле объединения Ближнего Востока против римского господства. Судя покладам оружия и письменным источникам, германцы в IV в. по-прежнему предпочитали воевать и друг с другом, и с Римским государством.

Как уже говорилось, значительный рост численности населения, экономическое развитие и изменение политических структур в первые три столетия нашей эры не могли не превратить Германию IV в. в потенциально куда более грозного врага римского стратегического господства в Европе, чем это было в I в. н. э. Важно напомнить также, что германское общество не обрело пока равновесия. Пояс германских клиентских королевств простирался лишь на 100 километров за рейнской и дунайской пограничными линиями: значительная часть Германии была недоступна для регулярных военных походов римлян, которые позволяли бы удерживать ее в приемлемых рамках. Таким образом, балансу сил на границе угрожали куда большие опасности, чем чрезмерные амбиции царьков-клиентов. После сильнейшего удара от сасанидской Персии в прошлом столетии мог ли германский мир за пределами тщательно контролируемого пояса клиентских царств восприниматься как столь же серьезная угроза?

В течение всей истории Римской империи клиентские государства Германии время от времени становились объектами грабительских нападений племен, обитавших за пределами зоны римского влияния. Объясняется это просто. В то время как во всей Германии происходила экономическая революция, приграничные районы испытывали непропорционально сильное давление на свою экономику, поскольку ее стимулировало соседство почти тысяч римских солдат с их деньгами и затратами. Клиентские государства были богаче, чем остальная Германия, и потому становились объектом агрессии. Первый известный случай такого рода относится к середине I в. н. э., когда разношерстные отряды с севера вторглись в клиентское царство маркоманнов, во главе которого стоял Ванний, чтобы захватить огромные богатства, которые он накопил за тридцать один год своего правления⁹⁴. И именно периферийные племена с севера с их жадой богатств клиентских царств стали теми, кто положил начало потрясениям, известным под названием «маркоманнских войн». Теми же самыми мотивами руководствовались готы, когда они пришли в Северное Причерноморье. До середины III в. н. э. эти земли находились во власти ираноязычных племен сарматов, которые извлекали немалую выгоду из тесных отношений, установившихся у них с Римским государством (их богатство

⁹⁴ Тас. Ann. XII. 29. (Заметим, что у Тацита, на которого ссылается автор, Ванний назван вождем свебов, а не маркоманнов, не говоря уже о том, что дается неправильная ссылка – на XII. 25 вместо XII. 29. – *Примеч. пер.*)

засвидетельствовано серией роскошных погребений, датируемых временем от I до III в. н. э.). Готы и другие германские племена шли в эти края, чтобы завладеть своей долей этих богатств.

Угроза, которую представлял развивающийся германский мир, однако, до сих пор оставалась скрытой по причине отсутствия единства. На практике система более крупных германских царств и конфедераций – теперь уже растянувшихся от устья Рейна до северного побережья Черного моря – скорее превращала их в младших партнеров для господствовавшей позднеримской системы, чем представляла действительную угрозу власти Рима. Империя не всегда добивалась того, чего хотела от этих отношений, и сохранение этой системы вызывало серьезные трения между старшими и младшими партнерами хотя бы один раз в течение каждого поколения. Несмотря на это, обычно варвары знали свое место – никто не выразил это лучше, чем Зизаис, предводитель тех, кто пришел просить о помощи императора Констанция в 357 г.:

«Увидев императора, он бросил оружие и пал всем телом, как мертвый, на землю. От страха он потерял голос в тот самый момент, когда должен был изложить свою просьбу. Несколько раз он пытался заговорить, но рыдания мешали ему, и он не мог объяснить, чего он хочет. Это обстоятельство вызвало к нему особое сострадание. Наконец он оправился, голос вернулся, и, получив приказание встать, он на коленях взывал к милосердию и молил о прощении проступков» (Amm. Marc. XVII. 12. 9—10. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни).

Во-первых, неспособность говорить, во-вторых, еле слышные всхлипывания, в-третьих, изложение скромных просьб с заиканием – во всем этом была своя хитрость. Констанций сделал Зизаиса царем – клиентом Рима и даровал ему и его народу защиту со стороны империи. Горе варвару, который забывал свою роль.

Поздней Римской империи приходилось тратить много сил на то, чтобы держать варваров в повиновении. Нужно было очень стараться, чтобы ответить на вызов со стороны Персии, но границы в Европе в целом оставались пока под контролем. Стало обычным делом рассуждать о том, что необходимость выделения дополнительных ресурсов для поддержания этого контроля чрезмерно обременяет систему, что предпринимающиеся усилия были бесполезны. В IV в. на восточных и европейских границах вновь установилась стабильность, но слишком дорогой ценой, что привело к результату, который предопределил падение империи, – таковы эти и подобные им рассуждения. Прежде чем приступить к анализу случившегося в конце IV–V в., важно как следует уяснить, что представляла собой империя в IV в. Была ли сама структура обречена на гибель?

Глава третья

Границы империи

Примерно в 373 г. командующий военными силами Рима в Северной Африке (полкатыни – *comes Africae*), некто по имени Роман, был лишен своего поста за то, что подстрекал к мятежу берберские племена, обитавшие на окраинах провинции. Главнокомандующий (*magister militum*) Феодосий, отправленный, чтобы устранить опасность, обнаружил в бумагах Романа документ, содержавший чрезвычайно важную улику. То было письмо к командующему от третьей стороны; оно включало в себя приветствие от некоего Палладия, бывшего до недавнего времени одним из крупных римских чиновников: «Палладий приветствует тебя и сообщает, что его сместили с должности лишь из-за того, что в отношении жителей Триполиса он обратил к священному слуху [императора Валентиниана I] слова неправды» (*Amm. Marc.* 28. 6. 26). В результате Палладия вытащили из его загородных владений, куда он удалился, уйдя в отставку, и препроводили назад в Трир. Ложь императору расценивалась как измена. Предпочтя смерть допросу, во время которого в подобных случаях полагалось применять пытки, Палладий покончил с собой в пути.

Понемногу выплыли на свет все подробности этой истории. Измена зародилась еще в 363 г., когда Роман впервые получил служебное назначение. Берберские племена, обитавшие на пустынных землях по соседству с городом Лептис Магна в провинции Триполитания, разграбили местность вокруг него, и местные жители ожидали, что римляне отомстят им. Роман, как полагалось, собрал в Лептис Магне свои силы, но потребовал, чтобы ему обеспечили для снабжения 4000 верблюдов, которых граждане отказались ему предоставить. На этом основании Роман распустил своих солдат, и кампания так и не началась. Охваченные яростью граждане на ближайшем провинциальном собрании (вероятно, в 364 г.) решили направить к императору Валентиниану посольство с жалобой. Роман пытался направить ход событий в благоприятное для него русло – он первым сообщил Валентиниану свою версию этой истории через своего родственника по имени Ремигий; в тот момент Ремигий занимал пост *magister officiorum* (что-то вроде главы министерства государственной службы) и был одним из высших чиновников Западной империи. Валентиниан отказался принять на веру обе версии и назначил комиссию для расследования. Однако комиссия оказалась тяжела на подъем. Тем временем продолжающиеся нападения берберов заставили жителей Лептис Магны направить к императору второе посольство с жалобой по поводу продолжающегося бездействия Романа. Узнав о новых нападениях, Валентиниан пришел в ярость. Здесь-то на сцене и появился Палладий. Именно его избрали для того, чтобы осуществить расследование фактов; ему также поручили доставить в дар африканским войскам деньги⁹⁵.

Действуя согласно императорским приказам, Палладий прибыл в Лептис Магну и выяснил, что делал – или, вернее, чего не делал – Роман. В то же время, однако, Палладий заключил сделку с предводителями и казначеями отрядов африканской армии, благодаря которой смог оставить себе часть вверенных ему имперских денег. Все сложилось так, что интересы обоих участников событий совпали. Палладий угрожал Роману роковым обвинением в бездействии, тогда как Роман поднял постыдный для Палладия вопрос о хищении. Заключив эту дьявольскую сделку, Палладий оставил себе деньги и, вернувшись в Трир, сообщил Валентиниану, что жалобы жителей Лептис Магны необоснованны. Император, поверив, что ему пришлось попусту потратить время, привел в действие всю судебную машину, желая покарать истцов из Лептис Магны. Палладия вторично отправили в Африку, дабы руководить судебными процес-

⁹⁵ Вероятно, этот дар был связан с восшествием Валентиниана на престол в 364 г. Коронное золото, наподобие того, которое отвозил Симмах Валентиниану в 369 г. (см. главу 1), использовалось для таких выплат.

сами. В условиях, когда ставки для судьи были столь высоки, участь ответчиков была предрешена. Итак, несколько подкупленных свидетелей единодушно показали, что никаких нападений не происходило. Примерно в 368 г. концы удалось тщательно спрятать, и один наместник и три посла были казнены за сообщение императору ложных сведений. Положение не менялось до тех пор, пока примерно шесть лет спустя на свет не всплыло письмо Палладия, адресованное Роману. Двое оставшихся в живых послов, у которых хватило ума скрыться (согласно приговору, им должны были отрезать языки), явились и дали показания. Процесс, шедший своим чередом, завершился гибелью очередных жертв: то были, конечно, Палладий и Роман, не говоря уже о Ремигии, исполнявшем должность *magister officiorum*, и о лжесвидетелях.

На первый взгляд в этом деле нельзя усмотреть ничего экстраординарного: тут и пренебрежение обязанностями, и хищение, и в особенности злостное укрывательство. Чего еще можно ожидать от структур империи, клонящейся к упадку и гибели? Со времен Гиббона коррупция в общественной жизни рассматривалась как неотъемлемая часть истории гибели Рима. Но хотя в империи IV в. взяточничество, безусловно, имело место, с выводами – и это весьма важно – спешить не следует. В источниках того времени вы можете легко найти всякого рода примеры самых разнообразных злоупотреблений. Воровали все – от командиров, которые искусственно завышали в отчетах показатели численности войск, а сами ограничивали ее, чтобы иметь возможность присвоить лишнюю плату, до чиновников, устраивавших круговое перемещение денег с одного счета на другой до тех пор, пока они не «пропадали» в груде бумаг, касающихся деятельности чиновников, чтобы те могли обратить их на собственные нужды⁹⁶. Но стали ли они важным фактором в истории падения Западной империи – это весьма сомнительно.

Как бы ни была неприятна эта идея, власть на всем протяжении истории находилась в длительной и весьма характерной взаимосвязи с «деланием денег»: это касается как больших, так и малых государств, переживающих период расцвета и стоящих на грани краха. В большинстве обществ, существовавших в прошлом – и многих, существующих в настоящем, – связь между властью и выгодой даже в малой степени не представлялась (и не представляется) проблематичной: личная выгода и выгода для друзей рассматривалась как абсолютно весомая (притом совершенно законная) и главная причина для того, чтобы добиваться власти. Когда наш старый знакомец философ Фемистий впервые привлек внимание императора Констанция в начале 350-х гг., Либаний, его товарищ, преподававший риторику, большой поборник моральных ценностей, связанных с классическим образованием, писал ему: «Твое присутствие за столом [императора] свидетельствует о величайшей близости [между вами]... любой, кого ты упоминаешь, немедленно становится богат, и... удовольствие, получаемое им, когда он дарует подобные милости, превосходит то, которое испытываешь ты, принимая их». С точки зрения Либания, влияние, приобретенное Фемистием, не представляло собой проблемы – как раз наоборот! Фактически вся система назначений на чиновничьи должности в империи основывалась на личных рекомендациях; так как конкурсные экзамены отсутствовали, патронаж и связи играли главную роль. Обращаясь к нескольким императорам, Фемистий посвятил не одну из своих речей теме «друзей» – т. е. ближайшего окружения императора, ответственного за привлечение его внимания к подходящим кандидатурам на те или иные должности. Конечно, Фемистий хотел, чтобы эти друзья обладали проницательностью и благодаря этому могли давать первоклассные рекомендации, однако он не желал никаких изменений самой сути вещей. Непотизм был системой; службу все связывали с возможностью набить себе карман, и умеренное казнокрадство считалось более или менее в порядке вещей⁹⁷.

⁹⁶ Об отчетах по армейским выплатам см.: Jones, 1964, Ch. 19; о «потерянных» суммах – Symm. Relat. 23. MacMullen, 1988 со всевозможной тщательностью описывает аферы, нашедшие отражение в документах.

⁹⁷ Liban. Epist. 66.2. Об отзывах Фемистия о друзьях императора см., например: Or. I. 10c ff. О связях и о ситуации в целом см. Matthews, 1975, особенно гл. 1–2.

И ничего нового в этом не было. Ранняя Римская империя, даже в период активных завоеваний, так же как и в позднейшие эпохи, была отмечена злоупотреблениями – быть может, следовало бы просто сказать «употреблением» – властью со стороны чиновников (друзей чиновников высших рангов), которые стремились обогатиться сами и обогатить своих товарищей. Согласно историку Саллюстию, писавшему в середине I в. до н. э., моральные устои римской общественной жизни начали рушиться после гибели Карфагена, главного соперника Рима, в 146 г. до н. э.

На деле, однако, крупнейшие фигуры общественной жизни всегда в первую очередь были озабочены собственным продвижением, и в ранней империи происходило то же самое. Многое из того, что мы можем назвать коррупцией в римской системе управления, просто отражает нормальную взаимосвязь власти и выгоды. Некоторые императоры, наподобие Валентиниана I, периодически добывали себе политический капитал, нанося удар по «коррупции», но даже Валентиниан не пытался изменить систему как таковую⁹⁸. Мне кажется, важно реалистично смотреть на то, как люди используют политическую власть, и не придавать слишком большого значения отдельным случаям взяточничества. Если фактор «власть – выгода» не замедлил подъем империи на первых порах, то нет и причины предполагать, что он сыграл важную роль в ее падении. Что же касается скандала в Лептис Магне, то Роман, Палладий и Ремигий просто слишком далеко зашли. При более пристальном рассмотрении можно увидеть в «Лептисгейте» нечто значительно большее, нежели простое укрывательство.

Пределы власти правительства

Теоретически император обладал высшей властью, когда дело доходило до формирования общего законодательства; в отдельных случаях у него было право модифицировать закон или уничтожить его по своему усмотрению. Ему было довольно одного слова, чтобы приговорить к смерти или помиловать. Внешне он во всех отношениях представлял собой абсолютного монарха. Но внешность может быть обманчива.

Валентиниан, долгое время до восшествия на престол служивший в армии, имел большой непосредственный опыт надзора над приграничными областями вдоль Рейна; находясь в Трире, он имел возможность провести исчерпывающее расследование любого несчастного случая. Однако с проблемой, возникшей в Африке, все получилось совершенно иначе. Впервые Валентиниан узнал об эпизоде в Лептис Магне из двух внезапно полученных диаметрально противоположных отчетов: один привезло первое посольство из провинции, прибывшее к его двору, другой поступил от Романа через *magister officiorum*, Ремигия. Трир, где находился Валентиниан, отстоял от места событий примерно на 2000 километров. Он не мог покинуть приграничную Рейнскую область, чтобы расследовать один относительно незначительный эпизод в весьма темном уголке Северной Африки; все, что он мог сделать, – это отправить своего представителя, дабы тот вместо него разобрался в случившемся. Если эта личность дезинформировала его (как было в данном случае) и позаботилась о том, чтобы другой отчет о событиях не достиг ушей императора, то последний вынужден был действовать соответственно. Основной вывод, который можно сделать из «Лептисгейта», состоит в том, что, несмотря на всю власть императора, как теоретически, так и на практике, центральная власть в Римской империи могла принимать эффективные решения лишь тогда, когда получала точную информацию о происходящем на местах. Режим Валентиниана любил представлять себя защитником налогоплательщиков от несправедливых требований со стороны военных. Но из-за ложного

⁹⁸ Римская империя возникла в результате сочетания таких факторов, как обильные налоговые выплаты из колоний и политическое влияние (гл. 2). То же справедливо относительно Британской империи: Ferguson, 2001. О Валентиниане и коррупции см.: Amm. Marc. XXX. 9.

сообщения Палладия действия императора в случае Лептис Магны привели к полностью противоположному результату.

Требуется усилие воображения, чтобы понять, насколько трудно было получать точную информацию в римском мире. Имея под властью ровно половину его, Валентиниан контролировал область, существенно большую, нежели современный Европейский союз. Если и в наши дни эффективные действия центра на такой территории достаточно сложны, то проблемы, связанные с сообщением, с которыми столкнулся Валентиниан, поставили его в невообразимо более сложные условия, нежели руководителей в современном Брюсселе⁹⁹. Двойная проблема состояла не только в том, что сообщение в те времена осуществлялось куда медленнее, чем теперь, но и в минимальном количестве линий, по которым его можно было передавать. В случае с Лептис Магной дело усугублялось не только черепашной скоростью, с которой передавалась информация, но и просто-напросто малочисленностью тех, кто осуществлял связь: поначалу источника информации было два (посольство и Ремигий, представлявший точку зрения Романа), а потом к ним прибавился третий, когда Валентиниан отправил комиссию по расследованию фактов в лице Палладия. Когда Палладий подтвердил сообщение Романа, возникла ситуация «два против одного», и больше источников у Валентиниана не было. В мире телефонов, факсов и Интернета вообразить себе тогдашнюю ситуацию еще труднее. Контакты Валентиниана с городскими общинами, составлявшими его империю (за исключением тех, которые находились в непосредственной близости от Рейнской области), были редкими и несистематичными.

Возможность увидеть эту проблему изнутри дает еще один исключительной важности источник, оставшийся от поздней Римской империи, – папирусы, сохранившиеся в течение столетий благодаря сухому и жаркому климату египетской пустыни. (Судьба распорядилась так, что большая часть архива в конце концов оказалась в библиотеке Джон Райландс Лайблери в Манчестере – городе, известном большим количеством выпадающих здесь осадков.) Те папирусы, о которых пойдет речь, приобретенные крупным викторианским коллекционером А.С. Хантом в 1896 г., происходят из города Гермополиса, расположенного на западном берегу Нила на границе Верхнего и Нижнего Египта. Одно из писем (имеющее важное значение) отделилось от остальных и оказалось в Страсбурге. Когда обнаружилось, что оно относится к той же переписке, стало ясно, что это письма некоего Феофана, землевладельца из Гермополиса и, очевидно, римского чиновника высокого ранга начала IV в. н. э. В конце 310-х гг. он состоял советником по законам при Виталисе, который, будучи *rationalis Aegypti*, являлся финансистом, отвечавшим за работу оружейных мастерских, а также за другие действия Римского государства в провинции. Основная масса архива относится к путешествию, которое Феофан совершил из Египта в Антиохию (совр. Антакью в Южной Турции близ границы с Сирией), центральный город римского Востока, по делам службы где-то между 317 и 323 г. В бумагах нет рассказа о путешествии – мы можем только догадываться, какова была возложенная на него миссия. Однако здесь есть нечто в своем роде еще более ценное – упаковочные листы, финансовые отчеты и датированный маршрут; все вместе это позволяет живо представить себе официальные путешествия в Римской империи¹⁰⁰.

Находясь в поездке по делам службы, Феофан мог воспользоваться той же системой общественного транспорта, что и Симмах, путешествовавший в Трир, – *cursus publicus*, состоявшей из путевых станций, разделенных одинаковыми промежутками пути. На них находились стойла, где путешественники, едущие по служебным делам, могли переменить упряжных животных, и (иногда) гостиницы для проезжающих. Что поражает с первого взгляда – те документы, которые относятся к маршруту Феофана: датированный список с указанием расстоя-

⁹⁹ Подразумевается штаб-квартира ЕЭС. – Примеч. пер.

¹⁰⁰ Архив Феофана издан и проанализирован в Roberts and Turner 1952, p. 104–156.

ний, которые ему удавалось покрыть. Начав путешествие в Антиохию 6 апреля в городе Никиу в Верхнем Египте, он в конце концов прибыл в город через три с половиной недели, 2 мая. В среднем он преодолевал в день 40 километров: на первом этапе пути, проезжая через Синайскую пустыню, он делал только около 24 километров, но когда достиг Плодородного Полумесяца, скорость его путешествия увеличилась до 65 километров. А в последний день, почуяв, что конец путешествия близок, его отряд развил головокружительную скорость и преодолел более 100 километров. Обратный путь потребовал столько же времени. Учитывая, что официальный статус Феофана позволял ему менять лошадей по необходимости (так что ему не приходилось беречь силы животных), мы получаем своего рода мерилло деятельности чиновников Римской империи. Мы знаем, что в чрезвычайных ситуациях вестники, мчавшиеся галопом, многократно менявшие лошадей, могли преодолеть расстояние до 250 километров в день. Но среднее расстояние, преодолевавшееся Феофаном в том путешествии, занявшем три с половиной недели, являлось нормой: другими словами, он двигался со скоростью повозки, запряженной быками, что составляло 40 километров в день. Эта цифра верна как для гражданских, так и для военных операций, так как для перевозки тяжелого снаряжения в обозах армия использовала тот же самый транспорт.

Другая поражающая особенность путешествия Феофана состоит в его сложности. Как можно ожидать, при такой скорости передвижения лишь представители высших эшелонов римской бюрократии имели склонность выезжать за пределы провинций, где они служили, — следовательно, чиновники более низких рангов не были знакомы с теми, кто занимал должности того же уровня в других областях (даже с соседями). В большинстве случаев в Египте вопросы решались на местном уровне, так что обычно Феофану не нужно было знать людей из Антиохии; также, в сущности, он не знал и людей, проживавших там, где ему приходилось проезжать. Соответственно Виталис снабдил его рекомендательными письмами ко всем значительным лицам, которых тот мог встретить по дороге (некоторые из них Феофан не использовал, благодаря чему они сохранились в архиве). В соответствии с правилами этикета того времени следовало проявлять предусмотрительность и взять с собой некоторое количество подходящих подношений: вежливость требовала, чтобы обмен дарами — иногда ценными — всякий раз ознаменовывал начало новых отношений. В отчетах содержится список предметов, предназначенных для этого, таких как *лунгурион* (сгущенный мускус рыси) — один из ингредиентов дорогих духов¹⁰¹. Следовало также везти большие суммы денег; возможно, Феофан вдобавок также получил доверенности, дававшие ему как путешественнику по делам службы возможность пополнять свои фонды из официальных источников. По этой причине такие путники часто нуждались в защите и при необходимости нанимали вооруженную охрану. В отчетах Феофана фигурируют пища и питье, купленные для солдат, сопровождавших его на пути через египетскую пустыню.

Упаковочные листы, если можно так выразиться, тоже проливают свет на многое. Феофану нужно было разнообразное облачение: одежда полегче и потеплее для разной погоды и разных условий, официальное одеяние — как должностному лицу, а также халат для посещения бань. Гостиницы для проезжающих на *cursus publicus*, очевидно, обеспечивали лишь минимальный комфорт. Путешественник брал с собой постель — не только простыни, но и матрас; дабы предотвратить неурядицы с питанием, с ним ехала целая кухня. Из этого следует, что Феофан ехал не один. Мы не знаем, сколько у него было спутников, но, очевидно, его сопровождал отряд рабов, которые решали все бытовые задачи. В среднем он тратил на их ежедневное содержание чуть меньше половины того, что расходовал на себя. Манчестерское собрание ветхих документов на папирусе изобилует такими драгоценными деталями. Непосредственно перед тем, как покинуть цивилизованные области и пересечь пустыню, отряд закупил 160 лит-

¹⁰¹ Включая «Шанель» № 5, как мне известно из достоверных источников.

ров вина для путешествия домой. Оно стоило меньше, чем два литра значительно более изысканного напитка, который во время второго завтрака Феофан выпил в тот же день. С другой стороны, отчеты содержат запись о приобретении льда для охлаждения вина, подававшегося к обеду. Перед глазами читателя возникает захватывающая картина поездки по официальным делам со всей ее сложностью и громоздкими деталями.

Нужно также отметить, что расстояния между пунктами в IV в. были значительно больше, чем в наши дни. Сейчас, когда я пишу эти строки, Адрианов вал отделяет от Евфрата около 4000 километров; так было и во дни Феофана. Но при той скорости, с которой путешествовал Феофан (даже если считать, что он ежедневно проезжал максимальное расстояние – 50 километров, и не учитывать дни, потраченные им на пересечение пустыни), путешествие, которое в наше время, если ехать по суше, заняло бы самое большее две недели, в IV в. растянулось бы на срок около трех месяцев. Когда мы глядим на карту Римской империи, ее размеры производят на нас большое впечатление; с точки зрения человека IV в., они ошеломляли. Более того, оценив их в соответствии с тем, сколько требовалось людям, чтобы преодолеть подобные расстояния, можно сказать, что она была в пять раз больше. Другими словами, проехать по всей Римской империи, используя доступные в те дни средства сообщения, – это все равно что в наши дни проехать по территории где-то в пять – десять раз больше, чем Европейский союз. Учитывая такую отдаленность различных пунктов друг от друга и их удаленность от столицы, неудивительно, что у императора было мало линий сообщения с большинством тех местностей, которые составляли его империю.

Более того, даже если его агенты каким-то образом обеспечивали постоянную передачу сведений из всех городов империи в центр, где находился правитель, в любом случае он мало что мог из этого извлечь. Вся эта предполагаемая информация неизбежно осталась бы мертвым словом на листах папируса, и вскоре центр оказался бы завален канцелярской работой. Найти какую-либо специальную информацию в случае необходимости оказалось бы совершенно невозможным, особенно учитывая тот факт, что римские архивисты, по-видимому, систематизировали дела только по годам¹⁰². Примитивные способы коммуникации плюс отсутствие сложных средств обработки информации – вот объяснение бюрократических ограничений, в рамках которых римские императоры всех эпох вынуждены были принимать и проводить в жизнь административные решения.

Главным следствием всего этого было то, что государство оказалось не способно систематически вмешиваться в повседневную жизнь составляющих его общин. Неудивительно, что спектр действий, осуществлявшихся римским правительством, представлял собой лишь часть того, чем занимается правительство современного государства. Даже при наличии вдохновлявшей его идеологии римское руководство для осуществления широкомасштабных социальных программ, касающихся, например, здравоохранения или социального страхования, не имело нужного количества чиновников. Активное участие государства по необходимости ограничивалось куда более узким кругом действий: поддержанием армии в боеспособном состоянии, обеспечением функционирования налоговой системы. И даже в случае налогов роль государственной бюрократии сводилась к ассигнованию общих сумм городам империи и контролю над их пересылкой. Такая сложная работа, как выдача индивидуальных налоговых деклараций и непосредственный сбор денег, осуществлялась на местном уровне. Даже здесь, при условии что условленные суммы, полученные от сбора налогов, поступали из городов в центр, в

¹⁰² Многие собрания писем, включая письма Симмаха, несут на себе несомненные признаки того, что копии с них были сняты с оригиналов, хранившихся именно в таком порядке, и архивы папства, относящиеся к раннему периоду его существования (как многие считают, отражающие практику правительства поздней Римской империи), велись таким же образом (Noble, 1990; Markus, 1997; App.). Следовательно, если вы хотели найти сведения о чем-то, нужно знать, в каком году случилось это «что-то»; никаких признаков наличия перекрестных ссылок на имена или места не имеется. Анализ сведений об императорских архивах Константинополя см. в работе Kelly, 1994.

казну, местные общины (это подразумевали городские законы, рассмотренные нами в первой главе) имели возможность существовать автономно в условиях самоуправления¹⁰³. «Делайте так, чтобы римское центральное правительство было довольно»: зачастую при соблюдении этого условия местное население могло жить как хотело.

Вот ключ к пониманию многого в истории Римской империи. «Лептисгейт» иллюстрирует не столько проблему, связанную с историей поздней империи как таковой, но существенные ограничения, наносившие ущерб центральному правительству Рима всех эпох. Чтобы составить себе полное представление о делах правительства, необходимо одновременно учитывать техническую невозможность каждодневного вмешательства центра в дела на местах и его неограниченную юридическую власть и незыблемое идеологическое господство. Именно взаимодействие этих двух феноменов породило характерную динамику внутренней жизни Римской империи. В условиях, когда центральное правительство было полностью лишено возможности контролировать все, любое дело, на котором оно, так сказать, действительно оставляло свою печать, при проверке являлось полностью легитимным. По этой причине у общин и отдельных личностей возникла тенденция обращаться к власти с ходатайствами в своих целях. На первый взгляд может показаться, что император постоянно тыкал пальцем в хаос на местах, но это ошибочное впечатление. Во всем, что не касалось налогообложения, императоры вмешивались в местные дела лишь тогда, когда жители этих областей, или по крайней мере какая-то тамошняя фракция, считали, что для них будет полезно мобилизовать имперскую власть.

Мы уже видели подобную модель в действии в начале императорского периода. Как показывают испанские надписи, романизированные города существовали по всей империи, так как местные общины усваивали законы, изданные в центре. В особенности богатые местные землевладельцы быстро поняли, что соблюдение римской конституции с содержащимися в ней правами – это путь к получению римского гражданства, которое давало им статус, позволявший участвовать в структурах империи, что влекло за собой немалую выгоду. Конечно, существовала и обратная сторона медали. Статус гражданства был столь ценен для лидеров общин, вошедших в Римское государство, что они готовы были делать все, чтобы получить эту привилегию; часто они достигали этого, добиваясь расположения патронов в центре, которые могли замолвить за них словечко императору, находившемуся в тот момент на троне. Этот тип отношений между центром и местными общинами стал краеугольным камнем, на котором была построена империя¹⁰⁴.

Подобные отношения также применимы к отдельным персонам, пользовавшимся системой «рескриптов». Она давала возможность проконсультироваться с императором – в действительности с его экспертами по юридическим вопросам – по поводу той или иной детали, свя-

¹⁰³ Чтобы определить, какой налог должен платить город, земельные ресурсы каждой *civitas* делились на единицы под названием *iugera* (в единственном числе – *iugum*). *Iugum* представлял собой единицу ценности, а не площади, поэтому *iugum* лучшей земли был меньше, нежели *iugum* земли худшей. Считалось, что каждый *iugum* из года в год приносит одинаковый доход; каждый год с него взимался одинаковый налог. Решение по поводу того, какое количество *iugum* приписать тому или иному городу, принимал центр; для этого требовался тщательный учет сельскохозяйственных активов (о чем в наших источниках высказываются немалые сожаления). Но даже этот учет не проводился единообразно для всей империи. В Сирии чиновники-инспекторы выделяли три типа пахотных земель и два типа оливковых рощ. В других местах применялось значительно менее сложное различие между пахотной землей и пастбищами, тогда как в Египте и Северной Африке существовавшее разделение территорий, в общем соответствовавшее новым единицам налогообложения, более не пересматривалось, отчасти вследствие сопряженных с пересмотром значительных трудностей, отчасти потому, что это могло бы вызвать сопротивление. Равным образом подушный избирательный налог взимался не со всех жителей империи: иногда он распределялся между городскими и сельскими плебейми, иногда – только между сельскими. Детальный анализ налогообложения в Римской империи см.: Jones, 1964, ch. 13.

¹⁰⁴ К примеру, известно, что местные общины залезали в долги, стремясь выстроить здания, которые бы обеспечили дарование соответствующих конституционных прав. В данном контексте весьма интересен случай города Ирри в Испании. Археологам до сих пор не удалось обнаружить его местонахождение, поскольку остатки поселений вокруг весьма незначительны, так что, несмотря на замечательную конституцию этого города, возникает сомнение: а не существовал ли этот город только на бумаге, юридически?

занной с юридической практикой. Любой мог написать на верхней части листа папируса письмо императору по поводу вопроса, который хотел разрешить. Затем император отвечал на нижней стороне листа. Эту систему нельзя было использовать, чтобы разрешить дело целиком, – можно было только получить напоминание о практическом юридическом элементе, который мог определить исход событий. Опять-таки здесь мы обязаны сохранившимся уникальным папирусам, которые позволяют нам представить себе, сколь широко использовалась эта система. Весной 200 г. императоры Север и Каракалла остановились в египетском городе Александрии. Папирус, ныне находящийся в Колумбийском университете, содержит сведения о том, что императоры ответили на пять рескриптов (ответы вывешивались для публичного прочтения) 14 марта, на четыре – 15 марта и еще на четыре – 20 марта¹⁰⁵. Так что если даже предположить, что в течение года у императоров было немало дней отдыха, все же цитировать императорское мнение в частных спорах по религиозным вопросам могло не менее тысячи человек.

Равную важность имело то, что после того как рескрипт отсылался назад в провинцию, император терял над ним контроль, и лист папируса, подписанный его именем и содержащий его авторитетное мнение, оказывался, что называется, без присмотра. Неудивительно, что эти ответы императоров во множестве случаев использовались недолжным образом. В кодексе Феодосия V в. упоминается ряд случаев жульничества: императорский ответ буквально отрывали от того вопроса, на который он давался, а затем использовали для ответа на другой вопрос; письма, полученные по поводу одной ситуации, использовали для разрешения другой; наконец, письма писались по ложным поводам (CTh 1. 2.). Римские законники были столь же изобретательны, как и их собратья в наши дни, а контроль над происходящим был куда слабее. Система рескриптов показывает нам не только то, что императорская власть энергично реагировала на происходящее на местах, – злоупотребления ею также дают понять, что расстояние от императора до просителя могло дать последнему возможность недолжным образом использовать мощное оружие, каковым являлось юридическое постановление, подписанное именем императора.

Вдобавок к рескриптам императоров также заваливали запросами более общего характера, на которые они могли отвечать или не отвечать положительно. Они имели возможность начать (или не начинать) расследование (неизбежно медленное) или принять версию просителя (в основе своей тенденциозную) за правду. В результате действия императорской власти оказывались в большей или меньшей степени случайными: император выбирал, верить или не верить просителю, и поступал соответственно. Влияние, которое императорская власть в этом случае имела на повседневную жизнь, зависело от того, насколько большие расстояния преодолевали граждане местных общин, чтобы использовать эту возможность.

Таким образом, пытаясь представить себе римское правление, мы в любом случае должны иметь в виду, что при всем юридическом и идеологическом могуществе императора возможности контроля с его стороны были ограничены. Тем не менее монополия власти делала постоянные просьбы граждан об одобрении с ее стороны неизбежными. Следовательно, имперский центр был и могуществен, и серьезно ограничен в своем могуществе.

В середине III в. эта, по сути своей, ограниченная государственная машина внезапно столкнулась с совершенно новым кругом проблем; все они были вызваны возвышением Сасанидской Персии. Как мы видели, неотложные проблемы были решены благодаря военной, фискальной и политической реструктуризации империи. Однако с давних пор традиционным стало доказывать, что перемены, избавившие империю от этих трудностей, взамен этого в перспективе обрекли ее на упадок и гибель. Согласно этой точке зрения, после Диоклетиана налоговый пресс на экономику Рима, основанную на сельском хозяйстве, оказался чрезмерным. Крестьян вынудили сдавать такое количество продукции, что часть их умирала от голода.

¹⁰⁵ P. Columbia 123; cp.: Millar, 1992, p. 245; Honoré, 1994.

Утверждают, что новый уровень налогов также стал причиной гибели класса землевладельцев, которые выстроили города империи и жили в них с момента ее формирования. Фактически в результате вся империя стала управляться с использованием ограничений, а не разрешений; символом ее сделалась репрессивная бюрократическая машина, состоявшая, согласно авторитетному мнению, из тех, «кто даром ел свой хлеб», и ставшая дополнительным бременем для налогоплательщиков. Что касается военных дел, то увеличенная армия могла быстро сделать свое дело, но недостаток людских ресурсов в империи вынудил императоров IV в. все более и более прибегать к рекрутированию варваров из-за границы. В результате как верность, так и боеспособность римской армии уменьшились. В конечном счете, согласно этой системе доказательств, преодоление персидского кризиса потребовало таких усилий, что финансовое, политическое и даже военное могущество империи заметно ослабело¹⁰⁶.

У этих взглядов по-прежнему множество сторонников. Однако исследователи нынешнего поколения убедительно продемонстрировали, что подобная позиция серьезно недооценивает экономическую, политическую и идеологическую стойкость мира поздней империи.

Цена выживания

Сельское хозяйство в древности страдало от двух ограничивающих моментов. Во-первых, до изобретения тракторов продуктивность любого участка земли чрезвычайно зависела от того, сколько труда можно было положить на ее обработку. Во-вторых, в древние времена сельские хозяйства, применявшие сложные технологии поддержания плодородности почвы, не могли значительно повысить производство продовольствия так, как это позволило сделать использование химических удобрений в современную эпоху. Это, в свою очередь, тормозило рост населения, так как его численность имела тенденцию расти до предела, положенного доступным количеством пищи. Вдобавок транспорт был чрезвычайно дорог; в «Эдикте о ценах» Диоклетиана говорится, что стоимость телеги зерна возрастает вдвое после каждых пятидесяти миль путешествия. В этих условиях римская экономика всех периодов практически не поднималась над уровнем, обеспечивавшим лишь выживание людей. До недавнего времени исследователи питали уверенность, что повышение налогов в поздний период существования Римского государства ухудшило эти условия настолько, что крестьянское население империи стало не способно даже поддерживать свое существование.

Свидетельства, которыми мы располагаем, содержатся в основном в письменных источниках. Начнем с того, что ежегодный объем надписей, сохранившихся от римской античности, внезапно сокращается в середине III в. приблизительно до одной пятой от прежнего количества. Так как шансы на выживание оставались постоянными, это массовое сокращение, естественно, принималось за знак того, что землевладельцы – социальная группа, как правило, заказывавшая эти надписи по сугубо частным поводам, – неожиданно начали испытывать недостаток средств. Хронологические исследования также приводят к тому, чтобы рассматривать увеличение налогового бремени, возложенного на жителей поздней империи, в качестве главной причины, так как упадок совпал с повышением налогов, необходимым, чтобы отразить усиливавшуюся персидскую угрозу. Такие взгляды получили подкрепление за счет других источников, документально освещающих другой хорошо известный феномен IV в., известный под названием «бегства куриалов». Куриалы (или декурионы) – это землевладельцы, достаточно состоятельные для того, чтобы получить место в городских советах (по-латыни – куриях). Они были потомками тех, кто строил римские города, усвоил классическую идеологию самоуправ-

¹⁰⁶ Jones, 1964, Ch. 25, содержит наиболее обоснованное и логически последовательное изложение анализа такого рода. Ортодоксальные взгляды более резко выражены в некоторых ранее изданных работах: Rostovtzeff, 1957; Cambridge Ancient History, 1st ed. Vol. XII, особенно Ch. 7 Cambridge Ancient History. 1st ed. Vol. I, особенно Ch. 19.

ления, выучил латинский язык, и широко пользовались преимуществами, которые давало латинское и римское гражданство в ранний императорский период. В IV в. эти люди начали выказывать все большее нежелание служить в городских советах, учрежденных их предками. Поэтому долгое время одно из общепринятых суждений относительно падения Рима гласило, что традиционный класс землевладельцев империи был переобременен до крайности¹⁰⁷.

Другие юридические тексты IV в. относятся к прежде неизвестному феномену – «покинутым землям» (*agri deserti*). Большинство этих текстов носит чрезвычайно общий характер и не содержит указания на то, о каких площадях шла речь, но один закон, 422 г., относящийся к Северной Африке, указывает, что только в этом регионе под эту категорию подпадает 3000 кв. миль. Эта цифра ошеломляет. В дальнейшем римское законодательство также пыталось прикрепить землевладельцев (*колонов*) к их владениям, чтобы предотвратить их передвижение. Было легко (а искушение оказывалось почти непреодолимым) вплести эти отдельные феномены в рассказ о причинах и результатах, в соответствии с которыми режим штрафного налогообложения делал экономически невыгодным обработку всех земель, на которых прежде велось хозяйство. Это расценивалось как причина массового оставления земель – отсюда *agri deserti*, – а также правительственного вмешательства, направленного на предотвращение этого самого отъезда с земель, обработку которых новое налоговое бремя сделало экономически невыгодным. Крестьянство, лишаясь большей части своей продукции, не могло поддерживать свою численность из поколения в поколение, что еще более снижало объемы производства¹⁰⁸.

Эта последовательность, где все элементы как нельзя лучше подходили друг к другу, оказалась взорвана в конце 1950-х гг. французским археологом Жоржем Чаленко. Как бывает в случае многих революционных моментов, наблюдателям понадобилось немало времени, прежде чем они поняли, что увидели нечто поколебавшее почву у них под ногами, однако брошенная бомба вызвала ряд детонаций. Чаленко провел большую часть 1940—1950-х гг., бродя по известняковым холмам в ныне полностью глухом (и относительно мирном) уголке Среднего Востока. В древности на них располагались сельские пригороды одного из крупнейших городов империи, Антиохии (Антакьи в совр. Турции). (По иронии судьбы, холмы эти в настоящее время лежат за границей, в Северной Сирии.) Проводя раскопки, Чаленко наткнулся на остатки густо располагавшихся деревень, состоявших из прочных домов из известняковых блоков (они исчезают в период VIII–IX вв. после арабского завоевания этого региона).

Судя по деревням, эти холмы некогда были местом жительства процветающего сельского населения, которое могло позволить себе строить не только дорогие жилые дома, но и просторные общественные здания. В те древние времена население этого региона было значительно более многочисленным, нежели когда-либо в позднейшие эпохи, и, очевидно, жителей кормило сельское хозяйство; Чаленко полагал, что они изготавливали на продажу оливковое масло. Подлинно революционным стало открытие Чаленко, что впервые этот регион достиг процветания в конце III – начале IV в., оно продолжалось в V, VI и VII вв., и ничто не свидетельствовало об упадке. В тот самый момент, когда, согласно общепринятой модели, позднеримское государство пило из крестьян кровь, взимая непомерные налоги, здесь, в сельскохозяйственном регионе, жители благоденствовали – свидетельства тому были неопровержимы¹⁰⁹.

Дальнейшая археологическая работа, включавшая в себя раскопки, позволила исследовать уровни сельских поселений и деятельность земледельцев на обширных территориях и в разные моменты римской истории. В общих чертах можно сказать, что эти исследования

¹⁰⁷ Традиционную точку зрения на «бегство куриалов» см.: Jones, 1964, p. 737–763, где прежде всего содержится комментарий по поводу массового отхода от законодательной деятельности, сведения о котором собраны в CTh 12. 1.

¹⁰⁸ Об *agri deserti* см.: Jones, 1964, p. 812–823. О прикреплении крестьян к земле: Jones, 1964, p. 795–812.

¹⁰⁹ Наиболее полный отчет о его находках см.: Tchalenko, 1953–1958. Новейшие исследования свидетельствуют о том, что часть его выводов относительно источников процветания этих деревень нуждается в пересмотре, но сам факт его неоспорим (см., например, Tate, 1989).

подтвердили: сирийские деревни Чаленко были далеко не единственным примером процветания сельского населения в поздней Римской империи. В центральных провинциях Северной Африки (в особенности в Нумидии, Бизацене и Проконсульской Африке) в это время также наблюдается рост сельского населения, количества деревень и объемов производства. На это также пролили свет раскопки в Тунисе и Южной Ливии, где процветание продолжалось вплоть до V в. Раскопки в Греции дают сходную картину. Одним словом, повсюду на Ближнем Востоке IV–V вв. оказались периодом *максимального* развития деревни, а не минимального, как мы привыкли считать в соответствии с традиционными взглядами. Изыскания, проведенные в пустыне Негев на территории современного Израиля, показали, что эта чрезвычайно удаленная от центра территория также процветала в IV в. под властью империи. В общих чертах то же самое заметно и в Испании и Северной Галлии, тогда как новая оценка данных о деревенских поселениях римской Британии показала, что численность ее населения в IV в. достигала показателей, которые мы вновь наблюдаем на этих территориях только в XIV в. Еще не решен вопрос о том, каковы цифры, соответствовавшие этому максимуму, но то, что в позднеримский период Британия была плотно населена по меркам древности и Средневековья, сегодня не вызывает сомнений¹¹⁰. Фактически единственными территориями в IV в., чей уровень благосостояния был далек от максимального уровня, наблюдаемого за всю историю Рима, были Италия и несколько северных европейских провинций, в особенности Галлия Бельгика и Нижняя Германия, находившиеся близ Рейна. Даже здесь, однако, оценки плотности населения были радикально пересмотрены в недавние годы.

Что касается причины бедности двух последних северных провинций, то, возможно, она лежит в деструктивных процессах III в. Прирейнская область в этот период подвергалась опустошительным набегам; одновременно большие силы были затрачены на решение персидской проблемы, и, возможно, изобилие в этих областях так никогда и не восстановилось. Можно найти и хотя бы частичное объяснение методологической проблемы. Обзоры раскопок пластов римского периода при идентификации и определении времени существования поселений строятся на датированных находках керамики, производившейся на продажу. Если население прекращало покупать эти изделия, вернувшись к керамике местного производства, датировать которую невозможно (а также в особенности если в то же время они больше использовали в качестве строительного материала дерево, нежели традиционный для Рима камень, кирпич и черепицу, которые также обнаруживаются при раскопках), то они становятся, так сказать, археологически невидимыми. Это и случилось в некоторых областях Северной Европы по крайней мере к середине V в., а потому вполне возможно, что кажущаяся недостаточной заселенность северных областей прирейнской территории вызвана не существенным уменьшением количества жителей, но в первую очередь этими новыми обычаями. Вопрос еще не получил однозначной оценки.

Случай Италии – принципиально иной. Как подобает сердцу государства-завоевателя, в раннеимперский период Италия благоденствовала. Причина заключалась не только в том, что потоки добычи затопляли ее территорию, но и в том, что здешние производители керамики, вина и других товаров продавали их в западных провинциях и господствовали на рынке. Кроме того, итальянская сельскохозяйственная продукция не облагалась налогом. Однако с развитием экономики завоеванных провинций это первоначальное господство оказалось потесненным за счет развития конкурирующих предприятий, расположенных ближе к центрам потребления, в результате чего их транспортные расходы были намного ниже. К IV в. этот процесс зашел довольно далеко, а со времен Диоклетиана сельские хозяйства Италии вынуждены были платить такие же налоги, как и на остальной территории Европы. По этим причинам экономика полуострова была обречена на некоторый упадок в IV в., и неудивительно, что мы находим

¹¹⁰ Насколько мне известно, спор идет вокруг цифры от 5 до 8 миллионов.

здесь больше окраинных областей, не вовлеченных в производство. Но, как мы видели, относительный упадок в Италии и, возможно, также Северо-Восточной Галлии был более чем компенсирован экономическим успехом на остальных территориях. Несмотря на усиление налогового бремени, сельские области поздней империи переживали экономический подъем¹¹¹. Революционное значение этих находок трудно преувеличить.

Если посмотреть на свидетельства в источниках с этой точки зрения, то они вполне совместимы с археологическими. К примеру, законы, вынуждавшие работника оставаться на одном месте, могли действовать лишь там, где плотность сельского населения была достаточно высока. В противном случае общий недостаток рабочих рук привел бы к тому, что землевладельцы соперничали бы друг с другом из-за крестьян и стремились принять беглецов и защитить их от закона. Если коснуться более общих проблем, то понятие «покинутых земель» (*agri deserti*) было придумано в IV в. для описания земель, с которых не собирались налоги. Оно вовсе не обязательно подразумевало, что земли, обозначенные таким образом, когда-либо прежде обрабатывались вообще, и, конечно, большой участок в Северной Африке, упоминаемый в законе 422 г., состоял по большей части из пустынь и полупустынь, расположенных во внутренних областях, где никогда нельзя было нормально вести сельское хозяйство. Также налоговый режим поздней империи с его повышенными требованиями не является несовместимым с оживлением сельского хозяйства. Крестьяне, которые вели натуральное хозяйство, стремились производить только то, в чем нуждались, и достаточно для того, чтобы обеспечить себя и своих иждивенцев, а также выплачивать все дополнительные пошлины, такие как рента. В этой ситуации часто давал о себе знать некоторый экономический застой. Он заключался в том, что сельские хозяйства могли произвести дополнительное количество продуктов питания, но отказывались от этого: ведь у них не было ни условий для их хранения, ни, вследствие высокой стоимости перевозок, возможности их продать. В подобном мире налогообложение (если не делать налоги чрезмерными) могло реально *повысить* объемы производства: налог, введенный государством, – это еще один вид пошлин, которые необходимо вносить, и хозяйства выполняли немало дополнительных работ, чтобы произвести дополнительное количество продукции. Лишь в случае значительного повышения налога, приводившего к тому, что жители начинали голодать, или снижения плодородия их земель в течение длительного времени подобные сборы наносили экономике ущерб.

Все это не означает, что крестьянину жилось легко в позднеримский период. Государство предъявляло к нему более значительные требования, нежели к его предкам, а закон не давал ему переходить с места на место в поисках наиболее выгодных условий аренды. Но данные археологических и письменных источников никак не противоречат картине всеобщего изобилия в сельской местности в позднеримскую эпоху: численность населения, объемы производства и количество готовой продукции приближаются к максимальным показателям или достигают максимума¹¹².

Однако нет сомнений, что большинство городов империи в одном отношении, по-видимому, все же пострадало. Уменьшение количества надписей середины III в. отражает уменьшение количества заказов на строительство новых общественных зданий. Масштабное строительство подобных объектов продолжалось только в крупных городах в центре Римского государства и его регионах. И даже здесь, где местные представители знати готовы были облагодетельствовать свой город, выстроив очередное здание общественной уборной, дабы увеко-

¹¹¹ Недавние обзоры и обсуждения сохранившихся свидетельств см. в: Lewitt, 1991; Whittaker and Garnsey, 1998; Ward Perkins, 2000; Dunkan Jones, 2003.

¹¹² В средневековой Англии (вплоть до 1300 г.) узы крепостничества крепили по мере роста населения и увеличения нужды крестьян в земле, однако после Черной смерти (эпидемия чумы в XIV в. – *Примеч. пер.*) они ослабели, поскольку землевладельцы стали больше нуждаться в рабочих руках, а не в земле. Пересмотренную точку зрения на *agri deserti* см.: Whittaker, 1976. О налогах и натуральном хозяйстве см.: Hopkins, 1980.

вечить память о себе, теперь здания возводились должностными лицами на государственные деньги¹¹³. Частное инвестирование в строительство общественных зданий в родном городе – черта начального периода существования империи: тогда это был самый легкий путь к известности. Возведение соответствующих видов построек входило в перечень мер, которые убеждали представителей высшей власти в том, чтобы рекомендовать ваш родной город императору, когда речь пойдет о даровании римского гражданства. Когда ваш город получал *ius Latinum*, то финансирование строительства становилось стратегией, направленной на завоевание в нем власти и влияния. В городах империи земля, находившаяся в общественном владении (часто переданная по завещанию), оказалась быстро застроена. Города также получили право сбора местных налогов и пошлин. Расходование средств, ежегодно получаемых по этой статье (довольно значительных), контролировалось городским советом и в особенности ведущими магистратами. Магистратов избирали голосованием из числа свободных граждан города. Своего рода соревновательное строительство в этих условиях имело одну цель: выиграть выборы и в результате взять под контроль использование местных фондов¹¹⁴.

Присвоение государством объектов, принесенных в дар местным общинам, и доходов от налогов практически свело на нет все выгоды от службы в органах правления на местах. К IV в. значительные траты с целью получить власть в своем городе потеряли смысл, поскольку все, чего ты мог добиться, – это стать мальчиком на побегушках у центрального правительства. К этому моменту сформировалась практика передачи удалившимся в отставку представителям расширившегося класса имперских чиновников (*honorati*) всех выгодных и престижных видов деятельности, включая детальное распределение налогового бремени в родном городе. Ничто не побуждало приглашать к обеду и оказывать прочие мелкие знаки внимания так, как осознание того, что в свое время тебе доверят введение нового налога. *Honorati* также присутствовали при разборе наместником провинции судебных дел и помогали ему выносить решение. Как следует из многочисленных сохранившихся писем к местным *honorati*, то была еще одна ситуация, когда они имели очень большое влияние, что опять-таки весьма повышало популярность того или иного *honoratus* в местной общине. Иначе говоря, во времена поздней империи произошел значительный сдвиг: политическая власть на местах перешла от городских советов к имперским бюрократам. В результате канул в небытие сам принцип демонстрации щедрости в местных общинах, зафиксированный в раннеимперских надписях.

Стандартное представление о позднеримской бюрократии также нуждается в пересмотре. Во многом ее характеристика как деспотической чужеродной силы, состоящей из «дармоедов», высасывающих жизненные силы из местных общин, восходит к речи оратора Либания, который перечисляет нескольких главных чиновников, а также сенаторов в Константинополе середины IV в., чье происхождение сомнительно. У трех префектов претория (высшие исполнительные лица гражданской власти) 350-х и начала 360-х гг. – Домициана, Элпидия и Тавра – отцы, сообщает нам Либаний, непосредственно занимались ручным трудом; отец четвертого, Филипп, изготавливал колбасу, а наместник провинции Азии, Дулькиций, был сыном сукновала (Liban. Or. XLII. 24–25). В сознании возникает яркий образ бюрократии, где господствуют новые люди, пришедшие ниоткуда. Однако в этой речи Либаний преследовал весьма определенную цель. Константинопольский сенат только что отказал в членстве одному из его протеже, некоему Талассию, на том основании, что отец его был «торговцем» (он вла-

¹¹³ Это касается столичных городов империи, таких как Трир, Антиохия и Константинополь (на высшем уровне), и в не столь крупных региональных центрах, таких как Афродисий на юго-западе Малой Азии. См. об этой тенденции, например: Jones, 1964, Ch. 19; Roueché, 1989.

¹¹⁴ Некоторые историки древнего мира используют имеющее греческий корень понятие «эвергетизм», «хорошая работа», для описания «соревнования» на местах в раннеимперский период, память о котором сохранилась в тысячах надписей, дошедших до нас от первых двух с половиной столетий нашей эры. Однако оно представляет собой эвфемизм – по крайней мере отчасти.

дел оружейной мастерской). Однако, как показывает количество других свидетельств (включая бесконечные рекомендательные письма самого Либания), громадное большинство новых чиновников и сенаторов в империи IV в. на самом деле происходило из сословия куриалов, а не ниже по социальной лестнице. Эта бюрократия пользовалась «правильным» латинским и греческим языками, что обеспечивалось традиционной образовательной системой. Тем самым мы сразу же получаем указание на то, что эти люди пользовались услугами частного образования, требовавшего времени и немалых затрат. Следовательно, позднеримская бюрократия состояла не из аутсайдеров или парвеню, а из куриалов, которые пересмотрели свои позиции в рамках изменившихся структур империи. Лишь представители узкого элитарного слоя, состоявшего из трезвых практиков, по-латыни их именовали *principales*, – продолжали заседать в советах, дабы монополизировать последние оставшиеся обязанности, представлявшие интерес.

Из-за столь значительной привлекательности чиновничьих должностей императоров буквально заваливали просьбами о назначениях. Многие из них удовлетворялись. Императоры всегда охотно использовали возможность поднять уровень своей популярности, продемонстрировав великодушие, и, кроме того, они могли удовлетворять эти просьбы безо всякой опаски. Несмотря на законы, направленные на урегулирование экспансии бюрократии (согласно им, куриалов из провинциальных городов отправляли обратно на родину), к 400 г. значительное число богатых землевладельцев достигло пика своей карьеры, сделавшись чиновниками в столице. В это время финансовое ведомство Восточной империи (*largitionales*) насчитывало 224 человека, и, согласно «листу ожидания», еще 610 человек были готовы занять их места, когда их срок службы закончится. И, заранее предвидя отсрочку поступления на службу, неизбежную в этих условиях, родители вносили имена детей в лист ожидания при рождении. Таким образом, возвышение имперской бюрократии отражает существование некоторых политических отношений между центром и провинциями, которые мы уже наблюдали, и никоим образом не показательны в отношении тирании со стороны центра. И здесь вновь, как в случае с системой рескриптов, да и с романизацией в целом, государство, конечно, делало первый шаг, вводя, так сказать, новую систему должностных инструкций. Но «местные» принимали участие в процессе, откликаясь на изменения правил и усваивая их в своих собственных интересах.

При таком понимании экспансии бюрократии становится невозможным расценивать «бегство куриалов» как феномен, имеющий решающее значение для экономики, или по крайней мере считать ее отражением обеднения представителей землевладельческого класса. Также следует в более смягченном смысле понимать утверждение, что бюрократия в значительной степени состояла из «дармоедов». Трудно предположить, что предки этих чиновников – местные землевладельцы, сидевшие в городских советах, – «бездельничали» меньше, нежели их потомки (если рассматривать их под таким углом зрения). По сути своей, они были представителями класса рантье и скорее занимались тем, что надзирали за трудом своих крестьян, нежели сами принимали непосредственное участие в производстве сельскохозяйственной продукции. Их жалованье, выплачивавшееся государством, также было крайне низким. Рост бюрократии потребовал весьма незначительного увеличения налогообложения¹¹⁵. Привлекательной эту службу, как мы уже видели, делал сопутствовавший ей статус, а также возможность услужить тем, кто нуждался в ваших услугах.

Хотя изменение модели карьеры высшего класса все же имело некоторый экономический эффект, ничто не дает оснований предполагать, что жизнь его представителей претерпела сколь-либо серьезные изменения. И письменные источники, и археологические раскопки подтверждают, что представители землевладельческой элиты позднеримского периода, как и их предки, попеременно жили в своих городских домах и загородных поместьях. В IV в. Антио-

¹¹⁵ Списки ожидающих: CTh 6. 30. 16; ср. Liban. Epist. 358–359, 365–366, 362, 875–876. Полная переоценка данной проблемы приведена в работе: Heather, 1994b; там же см. полную библиографию вопроса.

хия, например, могла похвалиться очень богатым предместьем – Дафной, а во время масштабных раскопок города Сардиса в современной Турции обнаружилось много богатых частных домов, датируемых IV–V вв. Следовательно, нет оснований полагать, что торговля предметами роскоши в городах, ориентированная на землевладельцев, приезжавших туда время от времени, чтобы потратить свое богатство, чересчур пострадала. Что действительно могло произойти, так это следующее: в результате переориентации с городских советов на имперское чиновничество крупные землевладельцы предпочитали содержать дома в крупнейших городах регионов¹¹⁶ и провинций, нежели в своих родных городах. Это должно было способствовать росту благосостояния столиц (и без того значительному, если судить по данным о расходах на общественные нужды) за счет небольших городов¹¹⁷.

Вот что действительно продемонстрировали новые свидетельства и соответственные реинтерпретации прежних свидетельств: для того чтобы в стратегическом плане ответить на вызов, брошенный Персией, государство увеличило налог, взимаемый с продуктами сельского хозяйства, и конфисковало местные фонды, которыми прежде распоряжались городские власти, но само по себе сельское хозяйство, на котором держалась вся экономика, не переживало кризиса. Также и жизнь землевладельцев не была столь безрадостна, как принято традиционно считать. «Бегство куриалов» представляло собой корректировку (хотя и масштабную) местопребывания политической власти. Прежние аргументы в пользу того, что политический коллапс V в. стал результатом кризиса экономики в IV в., следовательно, не выдерживают критики.

Имеется также более чем достаточно поводов к пересмотру тезиса о том, что начиная с середины III в. людей в римской армии не хватало настолько, что, рискуя понизить ее боеспособность, в нее стали привлекать все больше варваров. Несомненно, что их действительно привлекали в реструктурированную римскую армию; это происходило в основном двумя путями. Во-первых, отдельные контингенты вербовались на короткое время для отдельных кампаний, по окончании которых участники возвращались домой. Во-вторых, немало людей из-за границы шли в римскую армию, дабы сделать карьеру на военной службе, и проводили в римских войсках всю свою жизнь. Ни то ни другое не было новостью. Вспомогательные войска – и кавалерия, и пехота (*alae* и *cohortes*) в раннеимперский период всегда состояли из неграждан и при этом их численность насчитывала около 50 процентов всех военных сил. Невозможно узнать много о том, как вербовались рядовые, однако, что касается офицерского корпуса поздней империи, ничто не свидетельствует об общем увеличении численности варваров в армии. Главное отличие между армией раннего и позднего периода заключалось не в количестве варваров, а в том, что теперь набранные из их числа солдаты чаще служили в тех же частях как римские граждане и не подвергались своего рода сегрегации, зачисляясь во вспомогательные войска. Обучение воинов в IV в. по большей части оставалось интенсивным, как и прежде, и было нацелено на формирование сплоченных отрядов, готовых подчиняться приказам. Рассматривая изображение армии в действии, сделанное Аммианом Марцелином, мы не находим никаких свидетельств тому, что уровень дисциплины сколько-либо серьезно понизился, что варвары в рядах римских войск повиновались приказам хуже прочих или были более склонны вступать в сговор с врагом. Он фиксирует случай, когда недавно поступивший на службу варвар допустил утечку важных сведений о диспозиции римской армии, но никто не выказал неповиновения в бою. Короче говоря, нет никаких признаков того, что реструктуризация империи нанесла удар по военной сфере¹¹⁸. Тем не менее вполне возможно, что дополнительные издержки, понесен-

¹¹⁶ Регионы – области, на которые Италия была разделена при Августе. – *Примеч. пер.*

¹¹⁷ В основном от случившегося пострадали строители и изготовители надписей в маленьких городках империи.

¹¹⁸ Об эффективности [армии] см.: Whitby, 2002. Среди племен, обитавших за пределами Римской империи, которые предоставляли отряды для проведения кампаний, назовем готов-тервингов. Перемены, приведшие к катастрофе, произошли после 382 г., когда в армию влились значительные контингенты, предоставленные варварскими племенами, которые утвердились на территории Римской империи и начали действовать как центробежные политические силы (см. гл. 4 и 5). Традици-

ные жителями провинций в IV в. в ходе имевших место в империи процессов, могли поколебать верность местного населения Риму – верность, которая наряду с прочими римскими добродетелями была усвоена ими с таким энтузиазмом в эпоху ранней империи.

Христианство и согласие

С того момента как император Константин принял в 313 г. христианство, прежние идеологические структуры римского мира также начали разрушаться. По мнению Эдуарда Гиббона, то был ключевой момент в истории краха Рима: «Духовенство с успехом проповедовало терпение и смирение; общество перестало верить в добродетели, подразумевавшие активные действия; последние остатки воинственного духа оказались погребены в монастырях;

значительная часть народного и частного имущества была передана церкви во имя ложных требований благочестия и набожности; деньги, которые могли быть потрачены на жалование солдат, расточались на множество праздных людей обоих полов, которые могли похвалиться лишь воздержанием и целомудрием. Вера, рвение, любопытство и куда более «земные» страсти – злоба и честолюбие – зажгли пламя теологических раздоров; церковь и даже государство оказались раздираемы религиозными фракциями, конфликты между которыми порой приводили к кровопролитию; примирить же их было невозможно. Внимание императоров переключилось с военных лагерей на синоды; римский мир подпал под иго новой тирании, а преследуемые секты стали новыми врагами страны»¹¹⁹.

Другие выражались не столь резко. Однако представление о том, что христианство разрушило идеологическое единство страны и снизило ее способность обеспечивать саму себя, впоследствии разделялось многими; также возникло подозрение, что церковь отвлекала людские и финансовые ресурсы от выполнения жизненно важных «земных» целей. Таким образом, в связи с вопросами как налогообложения, так и развития христианства возникает проблема более общего характера. Можно ли сказать, что процессы эти шли на фоне недовольства на местах, и не против ли него реконструированная имперская власть боролась, дабы поддержать свою легитимность?

Источники IV в. фиксируют ряд случаев недовольства размерами налогов. Также имело место одно значительное восстание в связи с налогами. В 387 г. в Антиохии собралась толпа, дабы выразить протест против ввода добавочного подоходного налога. Настроение массы приняло угрожающий характер: собравшиеся сбросили на землю статуи императора. Эти статуи – как и все, что имело отношение к императорам, – были священны, и акт вандализма по отношению к ним расценивался как измена. Местное население перепугалось, что в наказание город может быть отдан на разграбление войскам, но тогдашний император Феодосий I решил преодолеть кризис мирным путем.

Перед нами достаточно четкий индикатор общего настроения в империи¹²⁰. Сбор налогов идет легче, а повышение можно проводить менее болезненно, если налогоплательщики понимают причины, по которым им приходится платить, и в целом согласны с этой необходимостью. Императоры IV в. полностью осознавали важность консенсуса и никогда не упускали возможности подчеркнуть, что налоги собираются прежде всего в пользу армии, а армия необходима, чтобы защитить римское общество от угроз извне. Большинство официальных мероприятий,

онно предметом споров во многом были поведение и верность Риму тех, кто совмещал в себе военачальника и политика и, будучи неримского происхождения, добился значительного влияния. Хотя их и называли варварами, многие из них, подобно Стилихону, были иммигрантами во втором поколении и, следовательно, римлянами; в любом случае поведение этих людей не выдает никаких признаков нелояльности Риму. В частности, о Стилихоне подробнее см. гл. V.

¹¹⁹ Gibbon, 1897, vol. 4, p. 162–163 (цитата взята из «General observations on the Fall of the Roman Empire in the West»).

¹²⁰ Liebeschuetz, 1972, p. 37–38, 104–105.

ежегодно проводившихся в империи, включало в себя в качестве центрального элемента речь, продолжавшуюся около часа; целью ее было восславить недавние успехи, достигнутые режимом. И пожалуй, все тексты такого рода, относящиеся к периоду поздней империи, содержат в том или ином виде отсылки к армии и ее роли защитницы римского мира.

Императоры осуществляли свою политику в приграничных районах каждый на свой лад, однако насчет основной цели сбора налогов расхождений не возникало. Постоянным напоминанием населению об этом служили изображения на монетах: наиболее распространено было изображение врага, лежащего ниц под пятой императора. Однако вместе с тем военные неудачи вызывали критику в связи с разбазариванием средств, внесенных налогоплательщиками. Известен такой случай: Урсул, глава финансового ведомства императора Констанция II, саркастически высказался о действиях армии и публично выразил сожаление, посетив Амиду, незадолго до этого, в 359 г., разграбленную персами: «Посмотрите, как храбро солдаты защищают наши города! А ведь на то, чтобы платить им такое огромное жалованье, с трудом хватает всего богатства империи». Военачальники не забыли этих слов. Когда Констанций умер, Урсул был приговорен к смерти в ходе политического судебного процесса, ознаменовавшего смену режима (эту цену, среди прочего, пришлось заплатить преемнику Констанция Юлиану при восшествии на престол). Однако в основном система работала вполне сносно: волнения из-за налогов в Антиохии – единичный пример (заметим, что они были связаны не с обычными налогами, а с дополнительными поборами). В то время как многие землевладельцы, несомненно, стремились сократить свои налоговые выплаты – законы, а также подборки писем пестрят свидетельствами откровенных афер, предпринятых с этой целью, и просьбами об освобождении от налоговых обязательств, – императоры IV в. все же сумели внушить своим подданным следующую идею: налоги – неотъемлемая часть жизни цивилизованного мира. При этом налогообложение, как правило, не являлось для общества слишком тяжким бременем¹²¹.

С точки зрения религиозной жизни обращение Константина в христианство ознаменовало начало культурной революции. Прежде всего города переменялись внешне: обычаю хоронить умерших вдали от живых, традиционному для греко-римского язычества, перестали следовать, и внутри городских стен раскинулись кладбища. На смену языческим храмам пришли христианские церкви; вследствие этого начиная с 390 г. и далее бывший в употреблении мрамор стал иметь хождение в таком количестве, что торговля вновь добытым мрамором пришла почти в полный упадок. Церковь, как утверждает Гиббон, получала богатые пожертвования как от государства, так и от частных лиц. Сам Константин положил этому начало («Книга пап» любовно фиксирует его пожертвования земельных владений римским церквям); с течением времени церкви по всей Европе получили во владение значительные богатства. Более того, христианство в некоторых отношениях являлось силой, служившей делу демократизации и равенства. Оно утверждало, что всякий, вне зависимости от его экономического или социального статуса, имеет душу и наравне со всеми участвует в космической драме спасения; в некоторых евангельских историях даже намекается, что мирские блага и богатство мешают спастись. Все это противоречило аристократическим ценностям греко-римской культуры, в рамках которой считалось, что подлинной цивилизованности может достигнуть лишь человек, обладающий достаточным богатством и досугом, дабы потратить много лет на получение образования и на участие в муниципальных делах. Возьмем также, к примеру, традиционное для грамматиков использование завесы. В древности завеса служила обозначением входа в некие особые места, связанные с чем-то высшим. Так, в огромных залах для аудиенций место, где находился император, как правило, было скрыто пологом от основной массы придворных. Бл.

¹²¹ Об изображениях на монетах см.: Calo Levi, 1952. Об Урсуле: Amm. Marc. XX. 11. 5 и XXII. 3. 7–8. О сокращении налогов: Jones, 1964, 462 и далее; автор, как мне представляется, склонен преувеличивать последствия того, что является вполне нормальным для человека поведением.

Августин с презрением упоминает в своей «Исповеди», что грамматики используют завесу, чтобы скрыть ею вход в школу. Он и другие христиане времен поздней империи пришли к отрицательной оценке этого обычая, видя здесь ложную претензию на мудрость.

Вместо этого христианские писатели создали в своих сочинениях умышленно неклассический тип антигероя – необразованного христианина, святого. Несмотря на то что он не прошел через руки грамматиков и, как правило, предпочитает жить в пустыне, а не в городе, он достигает таких высот мудрости и добродетели, равных которым не найти ни у Гомера, ни у Вергилия, ни даже у тех, кто участвует в городском самоуправлении. Святой был наилучшим, так сказать, продуктом монастырей; как подчеркивает Гиббон, монашество в то время привлекало значительное число людей. Монашеская жизнь неумеренно восхвалялась высокообразованными христианами, которые видели в ней проявление такой набожности, что она могла сравниться с набожностью христианских мучеников прошлого. Не требуется слишком тщательно отслеживать сведения источников, чтобы найти примеры христиан, занимавших высокое положение, но отказывавшихся вести жизнь, нормальную для высших классов римского общества. В Италии примерно в начале V в. с интервалом в несколько лет довольно состоятельный Паулин из Нолы и очень богатая наследница сенаторского рода, Мелания Младшая, отказались от своего богатства и посвятили жизнь служению Христу. Паулин стал епископом и посвятил себя служению мученику Феликсу, тогда как Мелания отправилась в Святую землю. Таким образом, христианство задавало трудные вопросы и вынуждало пересматривать многие взгляды и обычаи, которые римляне издавна принимали на веру¹²².

Но хотя подъем христианства, бесспорно, знаменует собой культурную революцию, куда менее убедительно выглядит утверждение Гиббона и прочих, что новая религия оказала вредное воздействие на жизнь империи. Христианские институты действительно требовали, как утверждает Гиббон, значительных пожертвований. С другой стороны, нехристианские религиозные институты, которым они пришли на смену, также были богаты, и их богатство постепенно конфисковывалось – параллельно с усилением христианства. Непонятно, почему пожертвования на христианскую церковь означали тотальную передачу средств из государственной казны в церковные хранилища. Опять-таки, хотя какая-то часть населения действительно оказалась в монастырях и была таким образом «потеряна», монашество составляло не более нескольких тысяч человек, что вряд ли являлось значимым для мира, где уровень населения оставался стабильным и даже рос. Равным образом число представителей высших слоев общества, которые отказались от своего богатства и посвятили себя служению Богу, выглядит ничтожным, если учитывать те 6000 человек (или около того), которые к 400 г. н. э. активно участвовали в жизни государства, занимая высшие государственные должности. Согласно законам, принятым в 390-е гг., все они должны были исповедовать христианство. На каждого Паулина из Пеллы приходилось немало тех, кто недавно принял христианство, при этом с удовольствием занимая высокую государственную должность, и никто из них не обнаруживал никаких признаков кризиса сознания.

Кроме того, нет никаких очевидных причин, почему христианство должно было вызвать подобный кризис. Религия и власть в империи быстро наладили отношения в идеологическом плане. Со времен Августа адепты римского империализма утверждали, что божества, правящие миром, предопределили, что Рим должен завоевать и цивилизовать его. Боги помогали империи в выполнении ее миссии – привести все человечество в наилучшее возможное состояние; они непосредственно вмешивались в события, избирая и вдохновляя на деяния римских императоров. После того как Константин официально принял христианство, давние утвержде-

¹²² О грамматиках см. «Исповедь» Августина (в особенности книги 2–4). Эта «культурная революция», и в особенности случаи Мелании и Паулина, были рассмотрены в недавние годы. Для получения общего представления см. многочисленные работы P.R.L. Brown, особенно 1981 и 1995; Marcus, 1990; Trout, 1999.

ния о связи государственной власти и божественного начали вновь работать; это произошло быстро и на удивление легко. Небесная сила, правящая миром, превратилась в христианского Бога, а наилучшим возможным состоянием для человечества были объявлены обращение в христианство и спасение. Книжная ученость и стремление к самоуправлению на время были отодвинуты на задний план, но никоим образом не отброшены вовсе. В этом и заключался сдвиг, вызванный происшедшими переменами. Утверждение, что империя – орудие в руках Бога, при помощи которого Он осуществляет в мире свою волю, практически осталось в силе; изменилась лишь терминология. Равным образом в ситуации, когда обожествлять императоров более было нельзя, их божественный статус восстанавливался христианско-римской пропагандой, изображавшей, как Бог тщательно выбирает императоров и как они правят вместе с Ним (и отчасти на Его месте) над той сферой Его космоса, где обитают люди. Таким образом, императору и всему, что окружало его – от спальни до сокровищницы, – можно было по-прежнему давать характеристику «божественное»¹²³.

Требования эти провозглашались не только кучкой верноподданных при императорском дворе. В 438 г., на Рождество, сенаторам, собранным в старой столице империи, был представлен новый компендиум недавно принятых законов – «Кодекс Феодосия» (Codex Theodosianus). Все собрания сенаторов тщательно протоколировались, и протоколы доставлялись императору. Эти записи не сохранились (что неудивительно): вряд ли это царство пустословия было любимым чтением переписчиков в эпоху Средневековья или даже поздней империи. Однако протокол собрания по поводу «Кодекса Феодосия» был включен в предисловие к официальному списку «Кодекса», выполненному после 443 г. Единственный манускрипт, сделанный с одной из этих официальных копий, хранится в библиотеке Амброзиана в Милане.

Итак, мы проследили похожую на тоненькую нить судьбу этого уникального текста, чудом дошедшего до нас¹²⁴. Председательствовавший префект претория Италии, Глабрион Фавст, в чьем роскошном доме встретились сенаторы, открыл собрание, формально представив участникам текст. Напомнив слушателям эдикт, принятый законодательной комиссией, он представил им «Кодекс». В ответ раздались вопли сенаторов:

«О Августейшие из Августейших, величайшие из Августейших!»¹²⁵ (повторено 8 раз)

«Господь дал Вас нам! Да сохранит Господь Вас для нас!» (27 раз)

«Правьте много лет, как [другие] римские императоры, набожные и счастливые!» (22 раза)

«На благо рода человеческого, на благо сената, на благо государства, на благо всем!» (24 раза)

«В Вас наше упование, Вы – наше спасение!» (26 раз)

«Да соблаговолят наши Августейшие жить вечно!» (33 раза)

«Установите мир во всем мире, да славится имя Ваше!» (24 раза)

Повторение этих приветственных восклицаний кажется нам чем-то экстраординарным, однако идея, выраженная этой церемонией, заслуживает тщательного рассмотрения.

Прежде всего бросается в глаза идея Единства. Великие и достойные в один голос восхваляли своих правителей-императоров в городе, до сих пор остававшемся символической столицей римского мира. Лишь немногим менее очевидна оказывается по размышлению вторая идея – уверенность сенаторов в Совершенстве Общественного Устройства, по отношению к которому они и их императоры выступали в качестве составных элементов. Невозможно было обрести подлинное Единство без столь же полного ощущения Совершенства. Для людей нор-

¹²³ СTh 16. 5. 42, откуда мы узнаем, что в 408 г. язычники были отстранены от службы при дворе. Об идеологии Римской империи в эпоху христианства см.: Dvornik, 1966.

¹²⁴ История этого интереснейшего манускрипта сообщается в: Matthews, 2000, Ch. 3.

¹²⁵ В тот момент в империи было два императора: Валентиниан III на Западе и Феодосий II на Востоке.

мальным состоянием является разобщенность, и единственные вещи, насчет которых все могут придерживаться единого мнения, – это те, которые сами по себе представляются лучшими. И как следовало из восклицаний, открывавших упомянутую встречу, источником Совершенства был непосредственно Господь, божество христиан. К 438 г. римский сенат сплошь состоял из христиан. С точки зрения верхушки римского общества, следовательно, принятие христианства никак не изменило существовавшее спокон веку убеждение, что империя – орудие в руках божества, с помощью которого оно действует в мире.

Та же идея провозглашалась во время аналогичных церемоний на всех ступенях социальной лестницы, и даже церковные круги не были исключением. Заседания городского совета также начинались с тех же восклицаний; то же происходило и во время официальных сходов городских жителей, собравшихся, чтобы приветствовать императора, должностное лицо или даже новое изображение императора. (При избрании нового императора его изображения отправляли в крупные города империи.) Во всех ситуациях такого рода – а их было немало в течение года – доминировала та же ключевая идея¹²⁶. Многие христианские епископы, как и светские люди, которые комментировали происходившее, были счастливы по-новому сформулировать старую идею римского империализма. Епископ Евсевий Кесарийский еще в период правления Константина доказывал, что Христос не случайно появился на свет во времена Августа, первого римского императора. Развивая свою мысль, он утверждал: несмотря на гонения на первых христиан, это свидетельствует о том, что христианство и империя самой судьбой были предназначены друг для друга – Господь сделал Рим всесильным для того, чтобы через него все человечество в конце концов обрело спасение.

Подобные идеологические воззрения, очевидно, подразумевали, что император, избранный самим Господом представителем Его на земле, должен пользоваться в христианском мире огромным религиозным авторитетом. Еще в 310-е гг., когда не прошло и года после того, как Константин объявил о переходе в христианство, епископы из Северной Африки обратились к Константину с просьбой разрешить разгоревшийся между ними спор. Это задавало образец, актуальный вплоть до конца века: теперь императоры оказались непосредственно вовлечены как в улаживание споров, возникавших внутри церкви, так и в дела административного характера, связанные с новой религией. Для улаживания диспутов императоры созывали советы, давали епископам право использовать государственную систему транспорта для привилегированных лиц – *cursus publicus*, чтобы те могли присутствовать. Еще больше впечатляет, что императоры помогали составлять повестку дня, их представители организовывали слушания, а государственная машина использовалась для проведения в жизнь принятых решений. Вообще говоря, они разработали церковное право для церкви – XVI книга «Кодекса Феодосия» полностью посвящена подобным вопросам – и влияли на назначения на высшие церковные должности.

Церковная иерархия также стала отражением административных и социальных структур империи. Епархии соответствовали территориям вокруг крупных городов (некоторые сохранили свои границы до сего дня, когда подобное территориальное разделение утратило какое-либо иное значение). Обращаясь к более высокому уровню иерархии, мы видим, что епископы центральных городов провинций стали столичными архиепископами и получили полномочия, позволявшие им вмешиваться в жизнь новых, подчиненных им епархий. При преемниках Константина прежде никому не известный епископ Константинополя возвысился до патриарха и стал почитаться наравне с епископом римским – ведь Константинополь был «новым Римом». Кроме того, местные христианские общины очень скоро потеряли право избирать себе епископов. Начиная с 370-х гг. епископами все чаще становились представители землевладельческого слоя; они обсуждали между собой кандидатуры преемников и таким образом контролировали

¹²⁶ В египетских папирусах сохранились замечательные примеры подобных восклицаний. См.: Jones, 1964, p. 722 ff.

вопрос. Теперь церковь настолько прочно сделалась частью государства – епископам в рамках церкви даже были приданы административные полномочия: в частности, они держали небольшие дворы, – что сделаться христианским епископом означало не выпасть из общественной жизни, а найти новый путь к участию в ней. Если христианизация римского общества является чрезвычайно важной темой, то столь же важна – и в чем-то менее изучена – тема романизации христианства. Принятие новой религии представляло собой, так сказать, не путь по улице с односторонним движением, но процесс взаимной адаптации, приводивший к усилению идеологических притязаний императора и государства¹²⁷.

Вышесказанное, разумеется, не означает, что христианизация империи не сопровождалась конфликтами и что христианство и империя, если можно так выразиться, полностью подходили друг к другу. Подобно Паулину Ноланскому и Мелании, некоторые епископы и другие интеллектуалы, исповедовавшие христианство, не говоря уже о святых, прямо или косвенно отвергали претензию государства на то, что империя является образцом совершенной цивилизации, поддерживаемой самим Богом. Однако отрицание империи по большей части оставалось лишь обертоном в речах христианских мыслителей IV в. Столетие это также явилось ключевым в формировании христианского учения; в ходе этого процесса возникло немало внутриконфессиональных конфликтов, для разрешения которых обе стороны привлекали императоров, сменявших друг друга на престоле. В ряде моментов конфликты эти разрослись в масштабные волнения, но они ни разу не распространились настолько широко и не получили столь значительной поддержки, чтобы можно было предположить, что споры христиан друг с другом приводили к сколь-либо серьезным нарушениям жизни империи¹²⁸.

Что действительно показывает распространение христианства – так это то, что (как и в случае с разросшейся в эпоху поздней империи бюрократией) центральная власть ни в коей мере не утратила способности «строить в шеренгу» местную элиту. Как подчеркивается во многих недавних работах, посвященных распространению христианства, религиозная революция осуществлялась скорее благодаря «просачиванию», нежели открытой конфронтации. Вплоть до конца IV в., когда с момента объявления Константином о переходе в новую веру прошло уже семьдесят лет, именно понимание того, что император может оказать большее благоволение христианину, а не язычнику, при назначении на ту или иную должность, способствовало распространению новой религии среди высших слоев римского общества. Все христианские императоры сталкивались с интенсивным лоббированием со стороны епископов и время от времени все издавали самые высокохристианские возгласы. Кроме того, они действительно рано запретили кровавые жертвоприношения, вызывавшие особое осуждение у христиан. Однако другие языческие культовые обычаи разрешались, и механизм, который позволил бы принудительно ввести христианство на местном уровне, у императорской власти отсутствовал. Это означало, что, как и во всем, что не касалось налогообложения, реальное положение вещей определялось волеизъявлением граждан. Там, где подавляющее большинство тех, чьи взгляды имели решающее значение, было (или постепенно становилось) христианским, языческие храмы закрывались и иногда разбирались. Там, где ядро оставалось верным старым культам, религиозная жизнь во многом текла по-старому, и императоры вполне охотно разрешали, чтобы это разнообразие существовало. Лишь когда, так сказать, критическая масса (состоявшая из тех, чьи голоса имели важное значение на местах при принятии решений) уже

¹²⁷ Усилия исследователей сосредоточились на проблеме христианизации империи, так что существует необходимость подробно рассмотреть и «оборотную сторону медали». Для получения общего представления см.: Jones, 1964, Ch. 22; Marcus, 1990.

¹²⁸ Гиббону в его случае действительно было много легче сделать это в отношении арабского завоевания восточной части империи в VII в., где враждебность между греческими и сирийскими православными (последние зачастую ошибочно называются монофизитами) сыграла свою роль в этом процессе. В случае же с германским завоеванием в V в., напротив, религиозная вражда не играла существенной роли.

была христианизирована, императоры могли без серьезных опасений принимать более решительные меры по насаждению христианства. Это произошло к концу века; к этому времени успело смениться три поколения императоров, поддерживавших новую религию¹²⁹.

Таким образом, в империи центр по-прежнему представлял собой достаточную идеологическую силу и обладал властью, позволявшей более или менее непрерывной чередой христианских властителей, правивших тремя-четырьмя поколениями подданных, добиваться того, чтобы мнения на местах соответствовали требованиям новой идеологии (Юлиан Отступник правил империей как язычник менее двух лет). На мой взгляд, здесь наблюдается та же динамика, что и в более раннем процессе романизации. Государство было не в состоянии попросту навязывать местной элите свою идеологию, но если оно постоянно делало принадлежность христианству условием продвижения по службе, землевладельцы откликались на это требование. В IV в. с течением времени для того, чтобы добиться успеха, все важнее становилось быть «римлянином и христианином» (а не «иметь виллу и жилье в городе», как раньше), и лидеры общественного мнения в Риме, как на местах, так и в центре, постепенно адаптировались к новой реальности. Как и в случае с экспансией бюрократии, центр успешно использовал новые механизмы, дабы сфокусировать на себе внимание и усилия землевладельческого слоя.

Налоги выплачивались, элита участвовала в общественной жизни, и новая религия оказалась весьма успешно включена в структуры поздней империи. Не являясь предвестием катастрофы, и христианизация, и экспансия бюрократии продемонстрировали, что центр империи по-прежнему в состоянии оказывать мощное влияние на предпочтения в сфере религии и на привычки провинциалов. Влияние это осуществлялось скорее с помощью убеждения, нежели принуждения, но так было всегда. Те же самые типы связей, что и прежде – пусть пересмотренные, продолжали соединять центр и удаленные от него области между собой.

Римская политическая система

Первое впечатление, порождаемое государственными церемониями Рима наподобие той, которая была проведена при представлении «Кодекса Феодосия» римскому сенату, – это впечатление ошеломляющего могущества. С государственной машиной, способной заставить собрание богатейших землевладельцев страны участвовать в подобном представлении с синхронными выкриками, шутки были плохи. Но имеются и другие аспекты церемонии по поводу «Кодекса Феодосия», а также принятия этого свода законов, которые позволяют бросить взгляд на совсем иные аспекты жизни государства – на сей раз на политические ограничения, лежавшие в самом сердце имперской структуры Рима, несмотря на всю ее долговечность и жизнестойкость.

После восторженного приветствия собравшиеся отцы Рима перешли к делам насущным:

«Благодарим Тебя за Твое распоряжение!» (повторено 23 раза)

«Ты устранил двусмысленности в постановлениях (constitutiones)¹³⁰, действующих в империи» (23 раза)

«О, сколь мудр план благочестивого императора!» (26 раз)

«О, сколь предусмотрителен ты в отношении тяжб! Ты оплот общественного порядка!» (25 раз)

«Да будет снято множество копий «Кодекса», дабы они хранились в правительственных учреждениях!» (10 раз)

«Да хранятся они, скрепленные печатью, в государственных управлениях!» (20 раз)

¹²⁹ О таком осторожном подходе императоров IV в. к христианизации высших классов см. недавние работы: Brown, 1995, Bradbury, 1994; Barnes, 1995; Heather, Moncur, 2001, особенно ch. 1.

¹³⁰ Constitutio – официальный термин для императорского эдикта.

«Дабы установленные законы не искажались, пусть копии будут сделаны во множестве!» (25 раз)

«Дабы установленные законы не искажались, пусть копии будут сделаны с точностью до буквы!» (18 раз)¹³¹

«Пусть в этой копии, которая будет сделана чиновниками, не будет прибавлено никаких примечаний к законам!» (12 раз)

«Мы просим, чтобы копии, которые будут храниться в управлении императора, были выполнены за общественный счет!» (16 раз)

«Мы просим, чтобы в ответ на просьбы не публиковались никакие законы!» (21 раз)

«[Ибо] все права землевладельцев придут в беспорядок в результате подобных тайных действий» (17 раз).

Церемония, посвященная представлению нового свода законов, являлась в Римской империи событием величайшей важности. Мы уже видели, какую роль образование и самоуправление играли в традиционном восприятии римлянами самих себя. Для римского общества в целом право, выраженное в законодательных актах, обладало столь же важным значением. Опять-таки с «римской» точки зрения существование права сделало римское общество наилучшим из всех возможных орудий для того, чтобы руководить всем человечеством. Прежде всего писанный закон избавил людей от страха перед произволом со стороны власть имущих (латинское слово, означающее свободу – *libertas*, – в техническом смысле означает свободу в рамках закона). Закон позволял спорить об их достоинствах, могущественные лица не могли силой брать верх над прочими. Христианство же просто усилило идеологическое значение, приписываемое подобному законодательству. Ибо если христиане-интеллектуалы на правах элиты могли критиковать с точки зрения морали воспитание, даваемое грамматиками, и выдвигать тип необразованного Божьего человека в качестве альтернативного символа добродетели, то закон был недоступен для такого рода критики. Он защищал каждого вне зависимости от социального положения, которое тот занимал. Закон также играл унифицирующую роль в культуре, так как Господень закон, будь то Моисеев закон и Десять заповедей или же новое, несущее жизнь учение Христа, являлся центральным для иудейско-христианской традиции. С точки зрения идеологии, следовательно, легко представить всеобъемлющее римское право (противопоставив его элитарной книжной культуре) как основу для претензий новой, христианской, империи на роль хранительницы установленного Богом общественного порядка¹³².

Однако если читать «Кодекс Феодосия» между строк (это касается и церемонии, и самого содержания), то это раскроет перед нами самую суть политических ограничений в рамках позднеримской государственной структуры. Одно из таких ограничений, имеющееся в латинском тексте восклицаний, пропадает в переводе на английский, так как этот язык не знает различий форм «ты» и «вы» и они сливаются в «you». Все восклицания были обращены и к императору Феодосию II, правившему на Востоке, и к его младшему двоюродному брату Валентиниану III, правившему на Западе. Оба принадлежали к династии Феодосия, и первое появление «Кодекса» на Востоке в 437 г. было тщательно приурочено к династическому браку Валентиниана и дочери Феодосия Евдокии, соединившему две ветви рода. Брак и свод законов одновременно выдвигали на первый план единство римского мира, где императоры на Востоке и на Западе правят в полной гармонии между собой. Однако, как следует из его названия, на самом деле вся сложная работа по подготовке «Кодекса Феодосия» выпала на долю специальных уполномоченных в Константинополе, назначенных Феодосием¹³³. И тот факт, что Фео-

¹³¹ Т.е. без использования сокращенных способов записи. Чиновники поздней Римской империи пользовались множеством способов ускорения процесса письма, но в таких случаях возникала опасность, что слова будут прочитаны неправильно.

¹³² Dvornik, 1966; Barnish, 1992, введение; Heather, 1993.

¹³³ Подробное освещение вопроса см.: Matthews, 2000, особенно гл. IV–V.

досий играл здесь главную роль, подчеркивает главную проблему, связанную со структурой власти в поздней империи. По причинам, обсуждавшимся в главе I, аппарат управления следовало разделить. Гармония между соправителями была возможной в том случае, если господство одного являлось столь прочным, что никто не мог бросить ему вызов. Отношения между Феодосием и Валентинианом, сложившиеся на этой основе, были достаточно благополучны, как и в случае с Константином и разными его сыновьями между 310-ми и 330-ми гг. Но для того чтобы нормально функционировать, империя нуждалась в кормчих, обладавших более или менее равной властью. Длительное время существовавшее неравенство, вероятно, основывалось на неравноправии в вопросах распределения ключевых должностей – финансовых и военных, а если подчиненность одного императора другому была слишком очевидна, то игравшие значительную политическую роль фракции вполне могли ему предложить скорректировать баланс, или, что хуже, вдохновить на действия узурпатора. Эта модель стала источником неприятностей, например, для Констанция II, когда тот пытался разделить власть с Галлом и Юлианом в 350-х гг.

Добиться положения, когда обладавшие равной властью императоры осуществляют гармоничные действия, было исключительно трудно, и наступало оно крайне редко. Через 10 лет после 364 г. братья Валентиниан I и Валент достигли его; то же можно сказать о Диоклетиане, правившем вначале с одним императором с 286 г., а затем, с 293 по 305 г. – с тремя (так называемая тетрархия Диоклетиана).

Но ни один из этих союзов не обеспечил длительного периода стабильности, и успеха не гарантировало даже разделение власти между братьями. Когда встал вопрос о престолонаследии, соперничество между сыновьями Константина I продолжилось вплоть до того, что Константин II скончался во время предпринятого им вторжения на территорию Констанца, его младшего брата. Подобным же образом тетрархия Диоклетиана функционировала вполне успешно, пока тот был у кормила власти, но после его отречения в 305 г. распалась, и начались раздоры и гражданская война, закончившаяся лишь поражением Лициния, которое ему нанес Константин в 324 г.

В сущности, организация центральной власти представляла собой неразрешимую дилемму в позднеримский период. Для разделения этой власти имелись насущные административные и экономические причины: если это не сделать, то следовала узурпация и часто – гражданская война. Разделить же ее так, чтобы не развязать войну между соперниками, было, однако, исключительно сложно. И даже если удавалось разрешить проблему для одного поколения, то сделать так, чтобы потомки унаследовали эту гармонию, было совершенно невозможно, так как у них уже отсутствовала привычка к взаимному доверию и уважению, вызвавшим к жизни исходное соглашение. Вследствие этого каждое поколение заново, «экспромтом» организовывало разделение власти даже в тех случаях, когда трон передавался по наследству членам той же династии. Это не являлось «системой», и в любом случае, разделена была власть или нет, периодически неизбежно вспыхивала гражданская война. Нужно подчеркнуть, что войны не являлись результатом неудач, постигших тех или иных императоров, хотя паранойя Констанция II, к примеру, несомненно, способствовала обострению ситуации. По сути своей они, войны, отражали тот факт, что имелось такое количество политических аспектов, которые было необходимо учитывать (например, множество заинтересованных землевладельцев на весьма расширившейся территории поздней империи), что по сравнению с прежним, основанным на завоеваниях, Римским государством, где политикой занимался только римский сенат, стабильности было достичь значительно труднее.

Далее, во многих отношениях периодические конфликты, раздиравшие верхи, были ценой за успех, достигнутый империей в вопросе интеграции элит на всей ее гигантской территории. Правильнее, однако, будет оценивать данное явление как ограничение, а не как серьезное нарушение: оно не могло поколебать основы жизни империи. Это обстоятельство стало

неотъемлемой частью жизни государства; оно задавало своеобразный ритм шедшим в нем политическим процессам. Периоды политической стабильности, как правило, перемежались эпизодами конфликтов, прежде чем устанавливался новый режим, эффективно удовлетворяющий весьма широкому кругу интересов. Иногда конфликты носили краткосрочный характер, иногда затягивались, как в случае падения тетрархии, когда для того, чтобы власть в конце концов перешла к потомкам Константина, потребовалось два десятилетия. Но гражданские войны IV в. не понизили стойкость империи, скажем, перед лицом персидской угрозы. Действительно, в то время стремление разделить власть в империи привело к лучшему исходу, нежели отказ от этого в середине III в., когда двадцать законных императоров и полчище узурпаторов поочередно удерживали власть не более двух лет каждый.

Второе значительное ограничение власти в римском мире выясняется при более тщательном рассмотрении церемониальных приветствий сенаторов по поводу «Кодекса Феодосия». Даже если неравное количество повторов дает основание предположить, что энтузиазм сенаторов покидал их время от времени, специфика их замечаний, относящихся непосредственно к кодексу, означает, что восклицания каждого тщательно записывались. Ближайшая к нашему времени аналогия с подобной традицией общественных церемоний – это процедура проведения ежегодных съездов Коммунистической партии Советского Союза в период до 1989 г. Среди прочих вещей они включали заранее подготовленные аплодисменты, адресованные всеми собравшимися друг другу и имевшие целью поздравить друг друга, звучавшие в конце обращения Генерального секретаря. Аудитория шумно выражала свое одобрение, а затем оратор вставал и хлопал в ответ, по-видимому, поздравляя слушателей с тем, что они продемонстрировали блестящие умственные способности, осознав колоссальное значение всего того, что он только что сказал. В случае с «Кодексом Феодосия» римский сенат следовал куда более претенциозному сценарию, но подразумевалось то же самое. И в том и в другом случае общественные церемонии совершались на высшем уровне в честь заявленного идеологического единства; они основывались на претензии государства на совершенство, коренящиеся в специфике структур (здесь имелись в виду структуры юридические). Общественная жизнь в тогдашнем Риме, как я попытаюсь доказать, более всего понятна, если представить империю как однопартийное государство, где лояльность системе впивывалась с молоком матери и усиливалась за счет регулярно представлявшихся возможностей выказать ее. Однако существуют и различия, которые следует подчеркнуть. В отличие от Советского государства, просуществовавшего всего около 70 лет и столкнувшегося с серьезным соперничеством с тоталитарными и нетоталитарными странами, Римское государство продержалось 500 лет¹³⁴ и по большей части действовало в условиях полного отсутствия соперников. От рождения до смерти человека ощущение превосходства Рима напоминало о себе, с какими бы аспектами общественной жизни он ни сталкивался.

Тем не менее римской системе, как и любой однопартийной системе, также были присущи свои ограничения. К примеру, свобода слова в ней была до некоторой степени ограничена. Учитывая, что все разделяли идеологию «Единства в Совершенстве», разногласия могли существовать лишь на личном уровне (а не на политическом)¹³⁵. Непокоримая монополия на идеологию позволяла имперской власти исключительно успешно приводить к согласию своих подданных, однако они вряд ли добровольно включались в этот процесс. Распространение римской культуры на завоеванных территориях и принятие римского гражданства их жителями проистекали из того факта, что сотрудничество с имперской властью было единственным

¹³⁴ Смотря как считать: Рим основан в 753 г. до н. э. – *Примеч. ред.*

¹³⁵ Работа Мэтьюза (Matthews, 1986) представляет собой увлекательное исследование того, как Симмах находил способы выразить свое критическое отношение, будучи скован тотальными ограничениями, которые налагали правила этикета общественной жизни Римской империи.

путем, открытым для амбициозных людей. Приходилось играть по ее правилам и принимать гражданство, если вы желали хоть чего-то добиться.

Аналогия с однопартийным государством позволяет отметить еще два недостатка рассматриваемой системы. Во-первых, активное участие в политической жизни было доступно очень немногим – для этого нужно было принадлежать к обеспеченному слою землевладельцев. Конкретную численность этой группы определить невозможно, но определяющие ее черты достаточно очевидны. В эпоху ранней империи нужно было соответствовать нормам имущественного ценза, чтобы занимать место в совете вашего родного города; для этого необходимо было владеть достаточно большим участком земли на территории одного поселения и располагать средствами, необходимыми для обучения детей у грамматика. Все это возможно было лишь при значительных доходах. Бл. Августин (до того как стал святым) принадлежал к числу мелкопоместных землевладельцев; он был родом из маленького города Тагасты в Северной Африке. Его семья вполне могла оплачивать услуги грамматика, однако ему пришлось сделать годичный перерыв в учении, пока его отец не собрал достаточно денег, чтобы он смог завершить высшее образование, занимаясь у преподавателя риторики в Карфагене¹³⁶. Таким образом, уровень благосостояния его семьи позволяет нам хорошо представить себе, где тогда располагалась «точка отсечения»¹³⁷.

В эпоху поздней империи участие в политической и общественной жизни могло осуществляться более разнообразными путями, нежели те, что были доступны прежде. Некоторые местные землевладельцы по-прежнему занимали ряд значимых постов в советах своих городов; значительно большее число присоединилось к центральному аппарату имперского чиновничества; кроме того, мелкопоместные землевладельцы охотно служили в рядах провинциальной бюрократии. Последних именовали *cohortales*, причем некоторые из них, согласно надписям из города Афродисии, были настолько богаты, что могли выступать в качестве благодетелей своего города. Кроме того, поздняя империя обладала значительно более развитой системой законов. С начала III в. римское право стало применяться к любому жителю империи, и опытные юристы всегда были востребованы. Опять-таки они происходили из старого слоя куриалов; подающая надежды молодежь от обучения у грамматиков переходила к штудированию законов, и это сделалось составной частью высшего образования. К третьей четверти IV в., когда христианство распространилось и приобрело поддержку государства, представители слоя землевладельцев, как мы уже видели, сходным образом устремились в лоно церкви, и вскоре епископы стали назначаться именно из его представителей. Первые известные мне епископы, прошедшие обучение у грамматиков, – это Амвросий на Западе и каппадокийские отцы церкви (Василий Кесарийский, Григорий Назианзин и Григорий Нисский) на Востоке; все они приняли сан около 370 г.¹³⁸ При этом появление более широкого круга профессий не сопровождалось сколь-либо серьезными изменениями имущественного ценза. Для всех этих профессий по-прежнему требовалось получить традиционное образование у грамматика.

Итак, политически активный слой, состоявший из землевладельцев, насчитывал менее 5 процентов населения. Сюда следует прибавить еще один процент или около того, состоявший из полуобразованных людей, адвокатов и учителей, живших преимущественно в городах. Несколько более обширная группа, особенно в центральных городах империи, принадлежавшая к цирковым партиям и шумно проявлявшая свои эмоции в театре – таким способом

¹³⁶ Об образовании Августина см.: Brown, 1967, особенно гл. III–IV.

¹³⁷ Минимальный уровень доходности, при котором инвестиционный проект может быть принят к реализации. – *Примеч. пер.*

¹³⁸ О *cohortales* Афродисии и Египта см.: Roueché, 1989, p. 73–75. Об образовании законников: Jones, 1964, ch. 14. Работы Маклейна и Ван Дама (McLynn, 1994 и Van Dam, 2003) представляют собой новейшие исследования первого поколения епископской верхушки; ср. Brown, 1967, особенно Chs 17–19, где идет речь о том, какой переполох поднял высокообразованный Августин среди епископов в захолустной Северной Африке.

демонстрируя недовольство в адрес тех или иных должностных лиц, – могла выражать свое мнение. Они также могли при случае наложить вето, подняв мятеж, если были действительно недовольны, но этот способ действия применялся только против отдельных частных лиц или политических акций и представлял собой не слишком опасное оружие¹³⁹

¹³⁹ В больших городах соревнования колесниц устраивались между четырьмя командами, или факциями: «зелеными», «синими», «красными» и «белыми». Эти команды представляли собой хорошо организованные единства и могли в случае необходимости быть мобилизованы – не в последнюю очередь в ситуации мятежа – для оказания политического давления или выполнения гражданских обязанностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.